

ISSN 2073-6118

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В. ЛОМОНОСОВА

ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА
АЛЬМАНАХ
ЦЕНТРА ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК И
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА МГУ

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

МАРТ
АПРЕЛЬ N2(146)

МОСКВА 2023

Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.
2023. № 2 — 256 с.

Главный редактор Ю.М. Осипов

Научно-редакционный совет:

д.э.н., проф. А.И. Агеев; д.э.н., проф. У.Ж. Алиев (Казахстан); д.ф.н., проф. А.Л. Андреев;
д.х.н., проф. Л.А. Асланов; д.э.н., проф. А.П. Бабаев (Азербайджан);
д.э.н., проф. И.Р. Бугаян (Ростов-на-Дону); д.ф.н., проф. Ф.И. Гиренок;
академик РАН С.Ю. Глазьев; член-корр. РАН Р.С. Гринберг;
академик НАНУ А.А. Грищенко (Украина); д.э.н., проф. М.М. Гузев (Волжский);
д-р, проф. В. Драшквич (Черногория); к.э.н., в.н.с. Е.С. Зотова, первый зам. гл. редактора;
д.ф.н., проф. В.В. Ильин (Украина); д.э.н., проф. В.Я. Иохин; д.х.н., проф. С.Г. Кара-Мурза;
к.э.н., проф. В.В. Кашицын (Новороссийск); д.ф.н., проф. Д.С. Клементьев; к.э.н. А.Н. Клепач;
д.э.н., проф. С.Г. Ковалев (Санкт-Петербург); д.э.н., проф. В.П. Колесов;
д.э.н., проф. М.В. Кулаков; д.э.н., проф. В.М. Кульков, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. П.С. Лемешенко (Белоруссия); к.ф.н. С.С. Мерзляков;
академик РАН В.Л. Макаров; д.и.н., проф. Г.Р. Наумова; д-р, проф. А.З. Новак (Польша);
д.э.н., проф. Ю.М. Осипов, председатель совета;
д.э.н., д.ю.н., проф. П.В. Павлов (Ростов-на-Дону); д.э.н., проф. А.А. Пороховский;
д.э.н., проф. В.Т. Пуляев (Санкт-Петербург); д.соц.н., проф. Л.И. Ростовцева (Тула);
д.э.н., проф. В.В. Смагина (Тамбов); д.э.н., проф. В.С. Сизов (Киров); к.и.н. И.П. Смирнов;
д.э.н., проф. А.И. Субетто (Санкт-Петербург); Т.С. Сухина;
д.ф.н., проф. Л.А. Тутов; д.э.н., проф. А.С. Филипенко (Украина); д.э.н., проф. К.А. Хубиев;
д.э.н., проф. В.В. Чекмарев (Кострома); д-р богосл., проф. Н. Чернокрак (Франция);
д.ф.н., проф. Н.Б. Шулевский, зам. гл. редактора;
д.э.н., проф. Ю.В. Яковец

Редакция:

Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова, С.С. Мерзляков, К.В. Молчанов,
И.Г. Морозов, Н.П. Недзвецкая, И.П. Смирнов, Т.С. Сухина,
О.Б. Лемешонок, И.А. Ольховая, В.В. Осипов

Научный редактор — Е.С. Зотова

Художник — Е.Ю. Осипова

Включен в Перечень ВАК российских рецензируемых научных журналов и изданий. Индексируется в РИНЦ

Выходит 6 раз в год

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3-й новый учебный корпус,
экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183
e-mail: <lab.phil.ec@mail.ru>

сайт: <http://www.phil.ru>

<http://www.econ.msu.ru/departments/lfh/fhjournal/>, <http://www.css.msu.ru>

Отпечатано в ФГУП Издательство Наука (Типография «Наука»).

121099, Москва, Шубинский пер., 6.

Тираж 1000 экз. Заказ №

Учредитель ООО «Инвестиционная компания “БАРРЕЛЬ”»

тел. (495)710-2939

ISSN 2073-6118

© «Философия хозяйства», 2023

Содержание

Сжатие (<i>Главный редактор</i>)	7
Раздел I. Философия хозяйства	
<i>А.В. Кузнецов</i>	
Социально-хозяйственная роль России в глобальном мире	11
<i>И.П. Смирнов</i>	
Вызовы новой реальности: похищение Европы.....	22
<i>С.Г. Ковалев</i>	
Державный суверенитет РФ: иллюзии и реальность	29
<i>Л.А. Асланов</i>	
Глобальная борьба и диалог цивилизаций.....	43
<i>Н.П. Недзвецкая</i>	
Необходимость видоизменения хозяйственной модели в цифровую эпоху.....	52
Раздел II. Экономическая теория	
<i>В.В. Бирюков</i>	
Статус человека в экономической науке и пути ее выхода из кризисного состояния	63
<i>Р.Н. Павлов</i>	
Социальное предпринимательство как носитель новой идеологии	77
<i>И.В. Филатов</i>	
Дж.С. Милль о методологии политической экономии: завершение классического периода	93
<i>А.И. Васильев</i>	
О понятиях, подходах и направлениях метаэкономического мышления	108
Раздел III. Актуальная философия	
<i>Н.Б. Шулевский</i>	
Иное — опыт парадоксальной онтологии	123
<i>А.А. Козлачков</i>	
«Третье общение» как Иная форма социальности. Онтология	137
<i>А.А. Медникова</i>	
Постапокалиптичность экологического дискурса в современной философии	150

Раздел IV. Актуальная социология

А.Л. Андреев, И.А. Андреев, Т.В. Кузнецова

Техника в социальном контексте:
к характеристике российского опыта..... 173

Г.С. Широкалова, П.И. Куконков

Нижегородское студенчество в усложняющемся мире..... 189

Раздел V. Проблемы экологии

А.И. Завалева, И.С. Завалеев, А.И. Лыков

Анализ жизненного цикла проекта реконструкции старого
жилого фонда с целью повышения энергоэффективности
и сокращения выбросов парниковых газов 207

Научная жизнь

Е.С. Зотова

Великодержавная карма России
(социохозяйственный аспект) 232

Анонсы — 2023 244

Наши авторы 247

Contents

Compression (<i>Chief Editor</i>).....	7
Part I. Philosophy of Economy	
<i>A.V. Kuznetsov</i>	
Socioeconomic Role of Russia in the Global World.....	11
<i>I.P. Smirnov</i>	
Challenges of the new reality: the Abduction of Europe	22
<i>S.G. Kovalev</i>	
Sovereignty of the Russian Power: Illusions and Reality	29
<i>L.A. Aslanov</i>	
Global Struggle and Dialogue of Civilizations	43
<i>N.P. Nedzvetskaya</i>	
The Necessity to Modify the Economic Model in the Digital Age.....	52
Part II. Economic Theory	
<i>V.V. Biryukov</i>	
The Status of a Person in Economics and the Ways Out of Its Crisis State	63
<i>R.N. Pavlov</i>	
Social Entrepreneurship as a New Ideology Carrier	77
<i>I.V. Filatov</i>	
J.S. Mill on the Methodology of Political Economy: Ending of the Classical Period	93
<i>A.I. Vasiliev</i>	
Modern Metaeconomic Views Pose the Most Important Civilizational Task	108
Part III. Actual Philosophy	
<i>N.B. Shulevskij</i>	
The Other as an Experience of Paradoxical Ontology	123
<i>A.A. Kozlachkov</i>	
Society of the Third Communication. Ontology	137
<i>A.A. Mednikova</i>	
Post-Apocalypticity of Ecological Discourse In Modern Philosophy.....	150

Part IV. Actual Sociology

A.L. Andreev, I.A. Andreev, T.V. Kuznetsova

Technique in the Social Context: to the Characterization
of the Russian Experience..... 173

G.S. Shirokalova, P.I. Kukonkov

Nizhny Novgorod Students in a Complicated World..... 189

Part V. Ecological Problems

A.I. Zavaleeva, I.S. Zavaleev, A.I. Lykov

The Life Cycle Analysis of a Project for the Reconstruction
of Old Existing Multifamily Buildings in Order
to Improve Energy Efficiency
and Reduce Greenhouse Gas Emissions 207

Scientific Life

E.S. Zotova

Great-Power Karma of Russia (Social and Economic Aspect) 232

Anounce 247

Our Authors 250

Сжатие

Хоть гуманитарность нынче и на паузе, но остаточный гуманитарий не может не думать обо всем происходящем с миром человеческим, в котором вовсе не только царит хорошо заметная внешняя (феноменальная) кризисная турбулентность, но и нарастает скрытое внутреннее (ноуменальное) напряжение, грозящее куда более серьезными и яростными, чем та же прокси-война на Украине или то же последнее малоазийское землетрясение, последствиями для земно-человеческого бытия, ибо история не просто зашла, как это частенько у нее бывает, в зону поверхностно-ситуационной взбаламученности, а оказалась зажатой, что не раз с ней тоже бывало, в глубинных выжидательных тисках неведомых ей радикально-тектонических перемен.

Там и там в игре и на кону не что-нибудь, а судьба земно-человеческого мира — что глобализированного по атлантической модели, что уцелевшего в матрично-национальной модели, а в целом — *мира вообще* — не более и не менее!

И вот наряду с бурливой волнительностью, на Земле так или иначе отчетливо замечаемой, в мире земно-человеческом имеет место еще и не столь, а то и вовсе не бросающееся в глаза, но от этого не менее реальное... *сжатие*, причем чуть ли не в точку, да вот не по случаю вдруг откуда-то выскочившей, аки дикий зверь, опасности, а по причине накатывающей на человечество роковой для него... *неизвестности* — НЕИЗВЕСТНОСТИ!

Если бы мир человеческий просто затрещал по швам, что не только хорошо слышно, но и хорошо видно, хотя бы по той же украинской событийности, так нет, мир явно... *загудел*, да так, что гул сей мало что зримо ничем не обозначен, так ведь он и не слышен, ну пусть почти не слышен, а это-то и самое страшное: отчего гул, зачем, что с ним надвигается на мир, кроме его очередной встряски и даже кое-какой перетряски, уж не *иной* ли мир идет, аки каменный гость, на смену *этому миру*, а может... но не будем об этом, господа-товарищи, все равно ведь не поверите, точнее, не захотите поверить, что правильно, надо заметить, и сделаете.

А что же российский гуманитарий? Смолчит, как всегда, на всякий случай, да и оттого, что нечего бывает ему, как всегда, ска-

зять, ибо мыслями своими он, как всегда, там, в западном размыслительном ареале, на него и надеется, авось какая-нибудь новая пророческая книженция вдруг там явится, с которой все и разъяснится, да и заняться будет чем — комментариями...

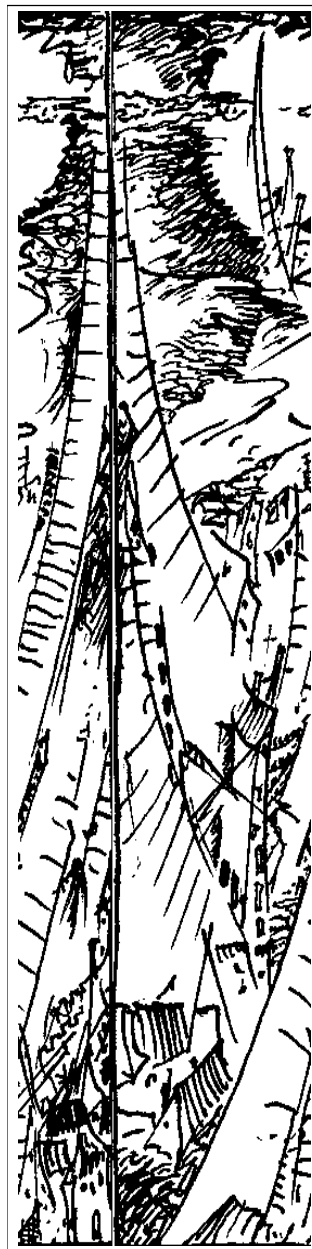
А ежели вдруг найдется, который не смолчит и *свое* слово скажет, что тогда? Да ладно, что окруженцы непременно сочтут за сумасшедшего и нарочито проигнорируют, так ведь через какой-то срок, а теперь чуть ли не онлайн, когда вдруг окруженцы увидят, что реальность и впрямь по гуманитарии идет, да ведь выдадут еще и за свое откровение.

Да, господа-товарищи, *война идет мировая, и тектонические перемены грядут*, да все будет не так, как об этом ныне вам думается, совсем не так, а потому остается *мобилизация* и еще раз *мобилизация* со всеми отсюда вытекающими *переменами* — ПЕРЕМЕНАМИ!

Главный редактор

I

**ФИЛОСОФИЯ
ХОЗЯЙСТВА**

А.В. КУЗНЕЦОВ

Социохозяйственная роль России в глобальном мире*

Аннотация. Раскрыта сущность глобализации как процесса подмены реальных ценностей искусственными. Обсуждаются исторические причины формирования и современные особенности эволюции глобальной системы ценностей. Проведен критический анализ альтернативных моделей мирохозяйственного устройства с точки зрения их отношения к месту и роли человека. Показана кармическая природа русского цивилизационного генотипа. Обоснована непреходящая социохозяйственная роль России в построении глобального человекоцентричного общества.

Ключевые слова: ценности, симулякр, цивилизационная матрица, человекоцентричное общество, англобализация, великодержавная карма России.

Abstract. The essence of globalization is revealed as a process of replacing real values with artificial ones. The historical reasons for the formation and modern features of the evolution of the global system of values are discussed. A critical analysis of alternative models of the world economic structure from the point of view of their relationship to the place and role of human has been carried out. The karmic nature of the Russian civilizational genotype is shown. The enduring socio-economic role of Russia in building a global human-centered society is substantiated..

Keywords: values, simulacrum, civilizational matrix, human-centered society, anglobalization, great-power karma of Russia.

УДК 330; 327

ББК 65в

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Кузнецов А.В. Социохозяйственная роль России в глобальном мире // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 11—21. DOI: 10.5281/zenodo.7840724.

Глобализация как ценностный симулякр

Сегодняшнее положение дел в международных отношениях характеризуется крахом неолиберальной модели глобализации в связи с эскалацией геополитической напряженности, сворачиванием глобальной повестки дня ведущими экономическими державами, возвратом офшорных производств и капиталов в национальные экономики и трансформацией однополярного мироустройства в многополярное.

Однако, несмотря на очевидный рост националистических, популистских и протекционистских настроений, человечество продолжает формироваться в рамках англосаксонской глобальной цивилизационной матрицы, включающей в себя четыре основных структурных элемента — либеральную идеологию, корпоративную культуру, английский язык и информационные (цифровые) технологии.

Идеология либерализма основана на английских теориях естественного отбора, мальтузианства, социал-дарвинизма, оправдывающих возвышение сильных над слабыми. Либертарианский мейнстрим выступает главной движущей силой предпринимательства, рыночной экономики и космополитизма, ослабляющих влияние национальных государств и усиливающих власть наднациональных корпораций.

В свою очередь корпоративная культура ставит нескончаемое повышение благосостояния и бытоустройство (комфорт) во главу смысла существования человечества посредством потребления все новых товаров и услуг, изобретаемых и производимых корпорациями.

Главным проводником распространения либеральных и корпоративных ценностей в глобальном мире выступает английский язык как инструмент передачи универсальных концептов англосаксонского глобализма, в том числе в кибернетическом формате, поскольку непосредственно на английском языке пишутся все компьютерные программы.

И, наконец, за счет развития информационно-цифровых технологий (в первую очередь, искусственного интеллекта) корпора-

ции стремятся создать идеальный мир, независимый от несовершенства государства, социума и человека.

Таким образом, конечными целями англосаксонского глобализма являются полная техногизация социума и, в конечном итоге, избавление от человека, устранение человека из земного мира.

Откуда у англосаксонской элиты возникли такие асоциальные установки? Ответ на вопрос очевиден — от страха утраты своего жизненного пространства.

На протяжении веков Британские острова подвергались бесконечным захватам и служили «полем» битвы континентальных империй за право главенствовать на морях и океанах. В конечном итоге победу в этих битвах одержала Британская империя, которая встала во главе стран Запада и сегодня посредством «невидимой руки» глобализации и своего главного «исполнительного механизма» в лице США продолжает встраивать мировое сообщество в собственную мировоззренческую матрицу [3].

Островное месторасположение, бедность природных ресурсов, относительная изолированность от внешнего мира и нахождение между Старым и Новым светом сформировали у британской элиты особый тип мировоззрения. Британец всю жизнь проживает на ограниченном островном пространстве, фактически не попадая под воздействие резкой смены времен года или температурного режима. Сумрачная монотонная погода навевает тоску и тревогу, как от одинокого дуба, растущего посреди овечьего пастбища. Мягкий ровный климат и ограниченность жизненного пространства, с одной стороны, минимизируют расход жизненной энергии, но, с другой стороны, располагают к одиночеству, способствуют развитию у англичан различных фобий (мой дом — моя крепость), склонности к разработке всяких теорий, фантазерству, созданию виртуальных миров.

По сути глобализация — это параноидальный многовековой «проект» англосаксонских элит, обусловленный островными страхами утраты жизненного пространства, а отсюда и неприятием, неприязнью всего континентального человечества, размер которого постоянно растёт.

По факту экономическая и финансовая глобализация — это процесс неэквивалентного обмена искусственных (виртуальных) ценностей на подлинные (реальные) ценности.

Англия (теперь уже в лице всего коллективного Запада) компенсирует дефицит реальных ресурсов (пространства, природы, человека) путем создания всевозможных виртуальных благ и технологий и делает их привлекательными и дорогими для остального мира с целью относительно дешевого обмена на реальные ресурсы.

Самой привлекательной и востребованной в остальном мире западной ценностью выступают доллары, поскольку именно в долларах выражаются цены практически всех товаров и ресурсов, продаваемых на глобальном рынке. США могут неограниченно создавать доллары с минимальными издержками — путем простого запуска печатного станка или элементарного нажатия на кнопку компьютера. Конечно, нельзя трактовать данный процесс упрощенно. Для поддержания виртуальной ценности доллара создана огромная глобальная инфраструктура в виде контролируемых англосаксами товарных и фондовых бирж, валютных рынков, всевозможных кредитных и финансовых инструментов, рейтинговых агентств, офшорных юрисдикций, юридических и аудиторских компаний, инвестиционных холдингов и международных финансовых организаций [2]. Однако, несмотря на это, непосредственные издержки производства как наличных, так и безналичных долларов стремятся к нулю.

По-иному выглядит ситуация для остального мира, которому для получения долларов нужно создать реальный ресурс и продать его дешево за дорогие доллары. В этом вся суть глобализации как процесса неэквивалентного обмена. Демократия, открытые рынки, равные возможности — все это яркая упаковка, которая скрывает реальное положение вещей.

Итак, Англия посредством глобализации создала систему неэквивалентного обмена, в рамках которого произошла подмена жизненно важных ценностей искусственными. Сегодня функциональность этой системы поддерживается главным образом на ресурсной игле России и товарной игле Китая.

Россия, Китай, а вместе с ними и все остальные страны, подключенные к процессу «англобализации», продолжают ее подпиты-

вать вследствие «манипуляции сознанием» [1] населения, возбуждающем в человеке благоговение перед искусственными ценностями, вожаемое, непреодолимое желание обладания ими. К таким «ценностям», в частности, относится офисная (удаленная) работа в условиях постоянного стресса и пониженной физической активности вследствие необходимости выполнения «эффективных контрактов» и всеобщей компьютеризации «рабочих» мест; культ ресторанной еды и модной одежды, создаваемых все чаще на химической, а не натуральной основе; проживание в элитной недвижимости мегаполисов, экология и образ «жизни» в которых ведет к росту хронических заболеваний и погружению человека в состояние перманентной депрессии; низкопробные образчики поп-культуры, массово тиражируемые посредством современной музыки, литературы, живописи, кинематографа и повсеместно пропагандирующие самые низкие человеческие страсти и пороки. Частная собственность на средства производства развивает у человека маниакальную потребность в постоянной максимизации прибыли, ради которой он не пренебрегает никакими средствами. В совокупности все эти «ценности» унижают человеческое достоинство, ослабляют его волю к осмысленной, одухотворенной, полноценной жизни.

Подчеркнем, что формирование системы «ценностей» Запада испокон веков основывалось на зыбкой почве. С тех пор как римская католическая церковь превратила веру в товар, без разбора отпуская грехи всем желающим купить индульгенцию, меркантилизм и лавочничество стали неизменными характеристиками эволюционирующего западного генотипа. Как следствие, коммерциализация пустила корни во все сферы жизни общества, доведя его развитие до полного абсурда, граничащего с помешательством.

Сегодня Запад привлекает все большее число искушенных пользователей в расставленные по всему миру кибернетические сети сомнительных удовольствий и преходящих развлечений. Забываясь в виртуальном дурмане спортивных онлайн-тотализаторов, мыльных опер и компьютерных игр, изолированный от реальности индивид отказывается от ответственности за самого себя и от обязательства быть человеком. В процессе принятия западных «ценностей», в безуспешных попытках воплощения американской картинки сытой, беззаботной и красивой жизни человечество молчаливо

соглашается с актами братоубийства, совершаемых в реальности во всех регионах земного шара.

«Цифровое наваждение» [8, 5—6] глубоко завладело человеческим умом в интерпретации качества повседневной жизни. К примеру, разработанные на Западе мировые рейтинги, соизмеряющие уровень развития человеческого потенциала или уровень экономической свободы — это математические формулы, включающие в себя различные показатели и веса. В конечном итоге все эти рейтинги основаны либо на измерении относительных финансовых расходов на отдельные виды деятельности человека, либо на показателе скорости, с которой деньги могут получить к ним доступ.

Поэтому неудивительно, что «развитые» страны Запада (по замечанию русского философа А.С. Панарина, «промотавшие общечеловеческое планетарное наследие в ходе технико-индустриальной авантюры» [6, 84]), специализирующиеся на производстве различных хитроумных финансовых схем и технологических инноваций, находятся на вершине этих международных рейтингов, а страны, действительно богатые природными и человеческими ресурсами — в середине или на дне. Упорядоченные таким образом, эти рейтинги представляют собой полезное руководство для бизнес-стратегий, но плохо отражают реальное качество жизни. Подлинная жизнь человека наполнена эмоциональным контекстом, иррациональной сложностью и возвышенными чувствами, т. е. одухотворенностью, недоступной для воспроизводства посредством математических, статистических и криптографических методов.

Иммунитет против расчеловечивания

В советский период Россия предложила совершенно иной подход к мироустройству.

В СССР почти создали того самого нового человека, который обладал минимальными бытовыми потребностями. Усилия этого нового человека были направлены вовнутрь, а не вовне — на саморазвитие, т. е. на преобразование себя, своего внутреннего мироощущения, а не на замену естественной природной среды обитания искусственными симулякрами.

В СССР почти удалось создать бесклассовое общество как основу стабильного развития — без кризисов, дисбалансов и неравенства.

В СССР были созданы целые индустрии по производству товаров длительного пользования, чтобы наносить минимальный урон окружающей среде и здоровью человека.

В СССР человека практически освободили от гнета производственной рутины с ее бесконечными стрессами, связанными с необходимостью максимизации прибылей частных работодателей.

Общественная собственность на средства производства в СССР сдерживала жажду наживы и проявление нездоровых животных инстинктов.

В СССР дали человеку самое дорогое, что есть в системе хозяйства — свободное время, чтобы человек мог заниматься саморазвитием, преодолением своих порочных начал и греховной природы.

В многонациональной семье народов СССР наблюдался беспрецедентный культурный расцвет, плодами которого стали непревзойденные произведения в искусстве, литературе, поэзии, музыке, народных танцах, кинематографе.

В СССР была создана общедоступная комплексная инфраструктура для укрепления физического и психологического здоровья человека, всестороннего умственного и нравственного формирования личности.

В советской плановой экономике был преодолен циклический характер экономического развития. Цель плановой экономики заключалась в снижении себестоимости продукции за счет освоения новых методов производства. В основе хозяйства лежала ценность как категория производства, а не цена как категория распределения.

Мировой социалистический проект развивался на принципе соревнования, состязания, конечной целью которого было постоянное совершенствование творческих способностей человека путем некоммерческого расширения системы социальных благ. Принцип соревнования кардинально отличался от принципа конкуренции, конечной целью которой является максимизация частных прибылей путем всеобщей коммерциализации всех сфер социального взаимодействия.

В создании первого в истории человекоцентричного общества ключевая роль принадлежала великим жертвам и великим людям. Как отмечает основатель русской школы философии хозяйства Ю.М. Осипов в своей фундаментальной монографии «Отшельник», поколение великих людей превратили «СССР во вторую в мире, еще и нетривиальную, великую державу, одержавшую целый сонм необычных, даже и невозможных, побед, среди которых массовое образование, высокая культура, великая наука, достойная инженерия, современная армия, классное здравоохранение, выдающийся спорт, первоклассная индустрия, всеобщая электрификация, да мало ли еще что, а главное — победа во Второй мировой войне, а для них всех, этих великих людей, как и для нас всех в Великой Отечественной войне, а также осуществленный ими вырыв в Космос» [5, 34].

Фундаментальной ошибкой советского строя было отсутствие комплексной теории, учения о построении человекоцентричного общества, которая могла бы составить противовес теории западного «экономикса» в ее глобальной популяризации. И.В. Сталин еще в 1924 г. на XIII съезде партии предупреждал: «Один из опасных недостатков нашей партии состоит в понижении теоретического уровня ее членов. Причина — адская практическая работа, отбивающая охоту к теоретическим занятиям и культивирующая некую опасную беззаботность — чтобы не сказать больше — к вопросам теории» [7, 257].

Еще большая ошибка советского общества состояла в самонадеянном отказе в конечном счете от веры в Бога — начала и конца всего сущего во Вселенной. Как следствие, распад СССР стал поистине «геополитической катастрофой», погрузившей человечество в состояние эгоцентризма, жадности, бесцензурной аморальности и жестоких правил выживания.

Сегодня все достижения советской системы разрушены. Биполярный мир вновь стал однополярным. В погоне за примитивной наживой человек снова опустился на самое дно, возвратился в цивилизационные джунгли, где деградирует с огромной скоростью.

Следует подчеркнуть, что каждый раз, когда Россия пыталась «плыть» с Западом в одной лодке, это плохо заканчивалось. Все современные попытки российских элит и обывателей встроиться в

западную систему «ценностей» обречены. Куда бы не эмигрировал русский человек, на каком языке бы не говорил, под каким бы флагом не просыпался, в нем воспроизводится уникальный (кармический) ген (код), в котором отсутствует страх утраты жизненного пространства.

В российский генотип встроен защитный (самоуничтожающий) элемент против осуществления насилия над человеком и природой, против безжалостной эксплуатации колоний, против выдавливания «соков» из неплодородной почвы.

В отличие от Запада Россия никогда не насаждала наступательной агрессии в отношении окружающего мира. Включившись в навязанный Западом вооруженный конфликт на Украине, Россия вступила на путь очищения русской земли от богоборческой химеры. Даже в условиях перехода в «горячую» фазу противостояния, неся огромные человеческие, материальные и финансовые потери, Россия пытается вразумить «недружественные» страны, обратить звериное в человеческое. Украинская трагедия — одно из самых катастрофических и выраженных последствий подмены реальных ценностей искусственными, страшный результат манипуляции массовым сознанием в угоду извлечения узкокорыстных корпоративных интересов.

Русский человек рождается на безграничной территории, наделенной несметными богатствами, поэтому ему изначально не присуще стремление к экспансии, грабежу, насилию — свое бы сберечь и освоить. Благодаря резкой смене времен года и суровому климату русский человек не изнежен, он постоянно находится в тонусе приспособления к изменчивой среде обитания. Поэтому русский человек практичен и предприимчив. Однако обратная сторона этих безусловно положительных качеств — отсутствие склонности к созданию собственной, не заимствованной на Западе, теории развития общества.

* * *

Итак, глобализация — это социохозяйственная болезнь планеты, заговор неполноценных против полноценных, процесс подмены реальных ценностей искусственными. Запад забирает у человека все, что важно, и дает взамен все, что не важно.

Великодержавная карма и социохозяйственная роль России в глобальном мире заключаются в том, чтобы сделать знание об этой болезни (подмене ценностей) общедоступным — через учебники, систему образования, науку, средства массовой информации, миссионерство, философские дискуссии. Одновременно необходимо создавать учение о том, как человеку самостоятельно выстраивать защиту против манипулирования его сознанием.

Россия — это уникальное, нематериальное, неэкономическое, нефинансовое, нестатичное, неимиджевое, нерейтинговое государство-цивилизация, перерабатывающее мертворожденную виртуальность в жизнеутверждающую реальность, воспроизводящее «иномирническую свободу» [4, 27] и противостоящее, по образному выражению профессора МГУ Н.Б. Шулевского, «антимиру с зеленой однополой печатью» [9, 102].

Мечи Запада — ложь, выгода, насилие. Щиты России — правда, вера, справедливость.

Высшему провидению не нужна Россия в виде второго Запада со всеми его гаджетами, извращениями и самоубийственными комфортами. Чтобы войти в будущее, России необходимо навести мосты в свое прошлое и завершить незаконченный проект по построению человекоцентричного общества, основанного на принципах нестяжательства, морали, справедливости и здравого смысла.

Литература

1. *Кара-Мурза С.Г.* Манипуляция сознанием. Век XXI. М.: Алгоритм, 2015.
2. *Кузнецов А.В.* Влияние геополитической ситуации на формирование новой мировой финансовой архитектуры: вызовы и возможности для России // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15. № 4. С. 17—29.
3. *Кузнецов А.В.* Тайная власть британской короны. Англобализация. (Серия «Игры мировых элит»). М.: Книжный мир, 2016.
4. *Михайлов Юр.* Невразумительное чтиво, или Книга ни о чем и ни для кого. М.; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015.

5. Михайлов Юр. Отшельник, или Вестник не от мира сего. Антироман. Иное об Ином / Юр. Михайлов. М.; Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
6. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.
7. Сталин И.В. Соч. Т. 6. М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947.
8. Цифровизация и бытие: коллективная монография / Под ред. Ю.М. Осипова, М.И. Лугачева, Т.С. Сухиной, Т.Н. Юдиной. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021.
9. Шулевский Н.Б. Софиасофия. М.: ТЕИС, 2017.

References

1. Kara-Murza S.G. Manipulyciya soznaniem. Vek XXI. М.: Algoritm, 2015.
2. Kuznecov A.V. Vliyanie geopoliticheskoy situacii na formirovanie novoj mirovoj finansovoj arhitektury: vyzovy i vozmozhnosti dlya Rossii // Ekonomika. Nalogi. Pravo. 2022. Т. 15. № 4. S. 17—29.
3. Kuznecov A.V. Tajnaya vlast' britanskoj korony. Anglobalizaciya. (Seriya «Igry mirovyh elit»). М.: Knizhnyj mir, 2016.
4. Mihajlov YUr. Nevrazumitel'noe chtivo, ili Kniga ni o chem i ni dlya kogo. М.; Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G.R. Derzhavina, 2015.
5. Mihajlov YUr. Otshel'nik, ili Vestnik ne ot mira sego. Antiroman. Inoe ob Inom / YUr. Mihajlov. М.; Tambov: Izdatel'skij dom «Derzhavinskij», 2021.
6. Panarin A.S. Rossiya v ciklah mirovoj istorii. М.: Izd-vo MGU, 1999.
7. Stalin I.V. Coch. Т. 6. М.: OGIZ; Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1947.
8. Cifrovizaciya i bytie: kollektivnaya monografiya / Pod red. YU.M. Osipova, M.I. Lugacheva, T.S. Suhinoj, T.N. YUdinoj. М.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2021.
9. SHulevskij N.B. Sofiasofiya. М.: TEIS, 2017.

И.П. СМЕРНОВ

Вызовы новой реальности: похищение Европы*

Аннотация. Автор ставит проблему «похищения Европы», которое он видит в возобладавшей сегодня в западном обществе политизированной «культуре отмены». Это один из вызовов той новой реальности, о наступлении которой говорит философия хозяйства. Проводятся очевидные параллели с духовной ситуацией Первой мировой войны и установлением массового общества, так же сопряженным со значительными культурными потерями. Делается вывод о необходимости реанимирования и реабилитации действительно европейских духовных начал и культурных ценностей, на что в современном мире способна лишь Россия.

Ключевые слова: Россия, Европа, национальная мыслительная традиция, русская мысль, ценности.

Abstract: The author poses the problem of the «abduction of Europe», which he sees in the politicized «cancellation culture» prevailing in Western society today. This is one of the challenges of the new reality, the onset of which is indicated by the philosophy of economy. Obvious parallels are drawn with the spiritual situation of the First World War and the onset of mass society, also associated with significant cultural losses. The conclusion is made about the need to reanimate and rehabilitate truly European spiritual principles and cultural values, which only Russia is capable of in the modern world.

Keywords: Russia, Europe, national thought tradition, Russian thought, values.

УДК 304.930
ББК 63; 66.2

После вступления нашей страны в открытую войну с Западом возникло и продолжает только крепнуть ощущение, что необратимые изменения копились втуне в течение длительного времени и

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Смирнов И.П. Вызовы новой реальности: похищение Европы // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 22—29. DOI: 10.5281/zenodo.7841026.

лавинообразно обрушились с началом активной фазы боевых действий на несчастной Украине. Говоря словами Ю.М. Осипова, реальность разверзлась. В числе прочих изменений обращает на себя внимание одно весьма принципиальное и знаковое. Кажется, что извечная культурно-цивилизационная дихотомия России и Европы близится к своему разрешению (при том, что в команде гостей замена — Европу вследствие полной утраты дееспособности представляет в этой традиционной формуле агрессивно наследующая ей Америка).

Новизна реальности, ее новое качество заключаются в том, что две части человечества живут теперь в двух различных реальностях, и это не фигура речи. Имея возможность судить о сложившейся в противоположной части ситуации по Германии, могу констатировать: ситуация эта шокирующая [3]. Европейская культура исторически самоопределялась, а также трактовалась со стороны русской мысли, как рационалистическая. Однако на деле она проявляет себя сейчас как культура иррационализма и ложной метафизики. Свойство рационализма доходить до крайности и оборачиваться своей противоположностью подмечал В.Ф. Эрн, один из глубоких русских критиков этого мыслительного течения. Согласно его заключению, анализируя реальность только рассудочно, западная рационалистическая философия отказывается от живой, онтологической связи с ней и неизбежно приходит к «ирреализму» [8].

В европейском общественном мнении Россия и русские преподносятся и воспринимаются сегодня как абсолютное зло. Речь не просто о пресловутых двойных стандартах, а о странной, мистической глухоте к аргументам, опирающимся на факты, о нежелании проверять эти факты, об их априорном, в сущности, метафизическом отрицании. Все возражения против своей суицидальной позиции, независимо от вложенного в них смысла, объявляются неполицорректными и тем самым нивелируются. Настолько же мало поддается рациональному объяснению вошедшая в обиход гротескная «отмена» русской культуры как таковой и всего русского вообще.

Но здесь следует указать, что «культура отмены» началась несколько раньше, чем военный конфликт с Россией. Характерно, что отрицание направлялось не вовне, а на собственную же мыслительную традицию. Сам процесс глобализации в своих последова-

тельных выводах отрицал национальные культуры и в перспективе национальные государства. Применительно к немецкому самосознанию эту тенденцию уже приходилось отмечать: «Школа, университеты, средства массовой информации, господствующие партии — все согласованно утверждают и внушают, что быть немцем вовсе не значит: быть носителем немецкой культуры и немецкой мыслительной традиции. Можно презирать Шиллера и Гете (ведь они, рассматривая вопрос хронологически, “привели к Гитлеру”), быть, к примеру, чернокожим мусульманином, но, если ты исповедуешь “права человека”, — значит, ты немец» [2, 180]. Если такой категоричный и радикальный нигилизм направлялся на собственную традицию, то чего было ожидать, когда речь зашла об инокультурной.

Итак, в известном смысле можно констатировать, что объектом отмены (включая, кстати, экономическую в результате порожденной санкциями деиндустриализации) наряду с нашей страной становится «старая» Европа. И нас как носителей и продолжателей русской мысли не может устраивать ни одно, ни другое. Европейские корни неотъемлемы для русской мыслительной традиции. В связи с этим уместно вспомнить, что в нашей мысли присутствовала линия, которая оспаривала «европейскость» у Запада. Первый журнал славянофилов, издаваемый И.В. Киреевским, не напрасно назывался «Европеец». А.С. Хомяков называл Европу «страной святых чудес», а Ф.М. Достоевский писал о «священных камнях» европейской культуры, дорогих любому образованному русскому, у которого, по наблюдению писателя, две родины — Россия и Европа. Федор Михайлович указывал, что Россия должна искать Европу не вне, а внутри себя. Позднее идею о подлинно европейском векторе нашей культуры развивал Г.П. Федотов: «В течение долгого времени Европа как целое жила более реальной жизнью на берегах Невы или Москва-реки, чем на берегах Сены, Темзы или Шпрее» [5, 178]. Федотов полагал, что русской мысли необходимо выбраться из тесноты социологических и в узком смысле социально-экономических вопросов и «выйти в мировые просторы сороковых годов» [6, 348], т. е. вернуться к незавершенному культурологическому и историческому спору западников и славянофилов в новых исторических условиях и на другом методологическом уровне. Современные

события возвращают эту классическую для России проблематику в самой brutальной форме.

Главные духовные истоки Европы согласованно находили в христианстве и античности. Вопрос о христианстве был для русских мыслителей вполне очевиден, с его разделением на западную и восточную ветви связывался целый ряд далеко идущих социально-политических, экономических, культурных, интеллектуальных последствий. Что же касается античности, обращает на себя внимание, что различия в восприятии отношений России с Европой увязывались в русской мысли с трактовками ее внутреннего единства. Из отношения к античности как определенному греко-римскому единству могло вытекать два разнонаправленных вывода. Согласно первому, славянский язык богослужения (вместо латинского) вкупе с драматичной историей в целом отбросили Россию назад; Ренессанс и порожденное им Просвещение были возрождением античного начала в Европе; в России секуляризованная, все больше ориентирующаяся на научное мировоззрение, детерминированная идеей прогресса европейская культура получила очень ограниченное развитие, не идущее дальше поверхностных форм. Соответственно, Россия не Европа, и это означало негативную оценку. Согласно второму выводу, античность была отдельной исторической цивилизацией; вопрос о том, какая из культур больше наследует античности, не имеет существенного значения, поскольку претендующие на наследство византийская и европейская культуры принадлежат прошлому, а русская будущему. Поэтому Россия не Европа, и это означало позитивную оценку.

Упомянутая линия русской мысли смотрела на проблему иначе, не считая античность внутренне единой. С этой точки зрения греческая и римская культуры покоятся на различных основаниях. Античное наследие распадается на два разрозненных начала, олицетворение которых — греческая философия и римское право. Как полагал И.В. Киреевский, рациональное мышление западных европейцев несет отпечаток Рима, в то время как органичная мысль русских духовно исходит из Греции. Схожего мнения придерживался А.С. Хомяков, акцентировавший различный характер этой преемственности: «От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь; от насильственного соединения Рима с Севером родились

западные царства. Греция и Рим отжили. Русь — одна наследница Греции; у Рима много было наследников» [7, 452]. Причем Грецию (Византию) русская мысль ценила именно за философское осмысление христианства. Как отмечал С.Н. Трубецкой, «греческая философия есть мост, посредством которого культурное, образованное язычество перешло к христианству» [4, 144].

В рецепции Западной Европой римского права Киреевский и Хомяков видели признак коренного отличия между европейским и русским образами мысли, отправной пункт, сделавший их историческое расхождение неизбежным. Таким образом снималась проблема отсутствовавшего в России Возрождения. Ведь подлинный синтез античности и христианства состоялся не на Западе Европы, вступившем на путь рационализма, а в Византии, где греческая философия и язык гармонично соединились с не поврежденной и не искаженной схизмой христианской верой. Западная Европа ведет преемственность от Рима, Россия — от Греции. А это значит, что Россия — истинная Европа, свободная от наслоений и искажений, накопленных Западом.

Европейская культура в России привычно находилась у себя дома, но адаптированная к отечественным условиям и потребностям, образу мыслей и чувств (пушкинская Татьяна «верила в обманы и Ричардсона, и Руссо», но оставалась «русская душою»). Иначе сложились отношения русской мысли с европейской цивилизацией, механистической и бездушной. О вражде культуры и цивилизации в нашей стране рассуждали очень многие, что органично связано с общей направленностью отечественной философии. Н.А. Бердяев объяснял успех Освальда Шпенглера в России именно тем, что немецкий мыслитель обратил внимание на принципиальное противоречие культуры и цивилизации [1, 163]. Конечно, особую роль сыграла Первая мировая война, которая сорвала многие маски и ускорила осмысление новых исторических процессов. Победа цивилизации над культурой стала в глазах русских мыслителей некоторым «похищением Европы», с которым они не хотели смириться, нынешняя ситуация не первая и не уникальная. Резкой реакцией русской мысли, спровоцированной жестокой войной, была вызвавшая большой резонанс работа В.Ф. Эрн с характерным названием «От Канта к Круппу». Эрн говорил о той же утрате Западом онтоло-

гического мировоззрения и господстве там позиции, согласно которой «ничто онтологическое не может встретиться в нашем внешнем опыте» [10, 309]. Решительным шагом в названном направлении был, по его мнению, Кант с присущим ему имманентизмом. Итогом проделанного пути — «глубоко философичные орудия Круппа». Высоко ценимый Эрном платонизм как один из источников русской мысли, отразившись в философии Шеллинга (столь же высоко ценимого славянофилами), ушел из немецкой мыслительной традиции: «В немецком идеализме много платонизирования, особенно в зрелом Шеллинге, которого уже никто не хотел слушать, но это платонизирование не имеет онтологических корней в исходных и основных линиях немецкой мысли и потому всегда поражено безземною, безосновною немощью люциферианского романтизма» [10, 310].

Как видим, уже в начале XX в. русские мыслители усматривали в Европе два противоположных начала: культуру, которую они считали в сущности своей, и культурно-нейтральную техническую цивилизацию, которую они не принимали. Большой вопрос, на который нет однозначного ответа, заключается в том, насколько Европа справилась тогда со своим «похищением», насколько сумела вернуть себе саму себя. Во всяком случае, за невиданной по масштабам войной последовало «восстание масс», описанное Х. Ортегой-и-Гассетом. На его книгу ссылался Н.А. Бердяев в «Философии свободного духа». Восстание закончилось полной победой и установлением «массового общества». Похоже, что теперь мы являемся свидетелями более радикального похищения. Его жертвой пало, например, казавшееся незыблемым международное право, к которому Россия пытается по инерции апеллировать, безуспешно цепляясь за остатки европейскости.

С одной стороны, в сложившихся условиях российское общество получило редкий шанс, когда на Западе заимствовать, по исторической привычке, уже фактически нечего. Следует прислушаться к словам В.Ф. Эрна, как будто произнесенным сегодня: «С великими жертвами нами одерживаются труднейшие победы не для того, чтобы после войны мы возвратились к разбитому корыту российской дряблости, безволия и готовности опять, как в последние десятилетия, идти на буксире европейской истории» [9, 303]. Но, с дру-

гой стороны, отказываться от Моцарта и Шекспира, как европейцы отказываются от Чайковского и Пушкина, Россия не должна и не собирается. Русский человек сохраняет свойство «всечеловечности», по Достоевскому. Сбережение европейской культуры становится русской миссией не впервые — скорее, вполне традиционно.

Согласно мифу, похищенная и соблазненная Зевсом Европа впоследствии вышла замуж за царя Крита Астериона, который, умирая бездетным, оставил свою власть усыновленным им сыновьям Европы от Зевса. Недостатка в «усыновленных» на западе континента в настоящий момент нет, наоборот, наблюдается недостаток мечетей и медресе. Вот только если власть действительно перейдет к ним, то на этот раз похищение Европы грозит стать фатальным, безвозвратным. Тем ответственнее историческое задание России. Оно не в консервации, а в реанимации подлинно европейских начал, которая должна быть сопряжена с оригинальным национальным творчеством. Как говорил В.Ф. Эрн, «мы должны с открытыми глазами нашим народным разумом перерешить все вопросы европейской культуры» [9, 302].

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. М., 1990.
2. Смирнов И.П. Европейская весна постглобализма // Философия хозяйства. 2017. № 4.
3. Смирнов И.П. Ложь ложью спасается // Философия хозяйства. 2022. № 2.
4. Трубецкой С.Н. Метафизика в Древней Греции. М., 2003.
5. Федотов Г.П. Письма о русской культуре // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Избранные статьи. Т. 2. СПб., 1992.
6. Федотов Г.П. Россия Ключевского // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. Т. 1. СПб., 1991.
7. Хомяков А.С. Несколько слов о философическом письме. // Хомяков А.С. Соч.: В 2 т. Т. 1. Москва: Медиум, 1994.
8. Эрн В.Ф. Беркли как родоначальник современного имманентизма // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991.
9. Эрн В.Ф. Голос событий // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991.
10. Эрн В.Ф. От Канта к Крүшпу // Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991.

Reference

1. *Berdyaev N.A.* Smysl istorii. M., 1990.
2. *Smirnov I.P.* Evropejskaya vesna postglobalizma // *Filosofiya hozyajstva*. 2017. № 4.
3. *Smirnov I.P.* Lozh' lozh'yu spasaetsya // *Filosofiya hozyajstva*. 2022. № 2.
4. *Trubeckoj S.N.* Metafizika v Drevnej Grecii. M., 2003.
5. *Fedotov G.P.* Pis'ma o russkoj kul'ture // *Fedotov G.P.* Sud'ba i grekhi Rossii. Izbrannye stat'i. T. 2. SPb., 1992.
6. *Fedotov G.P.* Rossiya Klyuchevskogo // *Fedotov G.P.* Sud'ba i grekhi Rossii. T. 1. SPb., 1991.
7. *Homyakov A.C.* Neskol'ko slov o filosoficheskom pis'me. // *Homyakov A.C.* Soch.: V 2 t. T. 1. Moskva: Medium, 1994.
8. *Ern V.F.* Berkli kak rodonachal'nik sovremennogo immanentizma // *Ern V.F.* Soch. M.: Pravda, 1991.
9. *Ern V.F.* Golos sobytij // *Ern V.F.* Soch. M.: Pravda, 1991.
10. *Ern V.F.* Ot Kanta k Kruppu // *Ern V.F.* Soch. M.: Pravda, 1991.

С.Г. КОВАЛЕВ

Державный суверенитет РФ: иллюзии и реальность*

Аннотация. В статье констатируется, что современный мир — многомерный мир, вступающий в новую фазу своего развития. Показана роль РФ как суверенной крупной державы, выделены ее характерные черты, их важность для современного понимания состояния и возможностей страны.

Ключевые слова: новый мировой порядок, суверенитет, держава, стратегия развития России.

Abstract. The article states that the modern world is a multidimensional world entering a new phase of its development. The role of

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Ковалев С.Г. Державный суверенитет РФ: иллюзии и реальность // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 29—42. DOI: 10.5281/zenodo.7840612.

the Russian Federation as a sovereign major power is shown, its characteristic features, their severity for the current state of the state and capabilities of the country are highlighted.

Keywords: new world order, sovereignty, power, Russia's development strategy.

УДК 330; 327
ББК. 65.в

Современная Россия — держава, погруженная в мировую природную и социальную среду, а это означает, что ее развитие неотделимо от изменений и, в определенной степени, обусловлено более общими законами эволюции человеческого бытия, общества. В исторической науке, как показано ранее автором, можно выделить два момента [1; 2].

Во-первых, парадигмы постижения социальной эволюции человеческого общества: общество как совокупность суверенных стран (страноведческий социогенез); общество как параллельно существующие и сменяющие друг друга цивилизации (культурно-ценностный социогенез); общество как экономические формации (производство-деятельностный, собственнический социогенез); общество как мир-системы — центр, полупериферия, периферия и иные локальные системы (пространственно социо-экономический, экспансионистский социогенез, включающий элементы других парадигм); общество как единая человеческая целостность [2].

В этой схеме в центр можно поставить формационный подход, а остальные его дополняют. Но при любом мировоззренческом взгляде на общество в реальной действительности именно страны еще долгое время останутся первичной «клеточкой» социально-политического устройства мира, а механизм обеспечения их суверенности — основой планетарной жизнедеятельности и эффективной международной политики [2]. Страны имманентно несут в себе вкрапления формационных, цивилизационных, мир-системных черт и собственных условий существования, по-прежнему остаются и выступают первичными ячейками планетарного социального устройства. Их суверенное воспроизводство — это фундамент стратегии развития для большинства этнических общностей, народов и национальных социумов [1].

Во-вторых, социально-экономическое развитие общества протекает в планетарной среде, в пространственно-временном континууме земной естественной природно-космической среде и ноосферной, сотворенной самим человеком, его эволюцией социально-природной среде, обуславливая при этом диалектическое единство: развитие индивида, развитие социума, развитие государства [2].

Применительно к социально-хозяйственному антропогенезу можно выделить: а) философско-научное осмысление единства экономического развития человека, общества, государства во взаимодействии с природой; б) изменчивость научного восприятия взаимодействия человека и природы, крен в экономизм, характерный для современной экономической теории — политической экономии, что нарушает всесторонность осмысления человеческой жизнедеятельности; в) основы существования и формирования будущего общества, связанные с объективной ограниченностью, невозобновляемостью, истощаемостью планетных природных ресурсов и масштабами отходов производственной и потребительской жизнедеятельности людей. Земля — сравнительно небольшое, замкнутое по возможностям человека, космическое тело. Безудержное увеличение человечества и человеческих потребностей, потребления в условиях жесткой рыночной индивидуальной конкуренции требуют постоянного расширения рыночного пространства для человеческой деятельности, что приходит в противоречие с природной емкостью планеты [2]. Соответственно, рыночная планетарная экспансия имеет пределы, обусловленные физическими свойствами самой планеты Земля.

В целом воспроизводственные процессы и взаимодействия в системе «Природа (П) — Общество (О) — Человек (Ч)» порождают природосоциоантропогенез — непрерывные взаимообусловленные изменения во всех трех компонентах системы. В этой единой триаде все компоненты одинаково важны и образуют непрерывный кругооборот взаимодействия, взаимопроникновения: П—Ч—О, Ч—О—П, О—П—Ч. В раннюю эпоху земной эволюции первична природа, а человек и общество — ее порождение и производные (если не вставать на позицию «богогенеза» или иного внеземного генеза). Но постепенно человек, его деятельность начинают играть все более активную роль, и природогенез дополняется антропогенезом и со-

циогенезом. В настоящее время в этом треугольнике все большая роль отводится обществу, его элите, которые сознательно конструируют и контролируют свое будущее. Рассматривая процессы современного природосоциоантропогенеза, акцент можно делать и на природе, и на человеке, и на обществе. Однако прочтение триады и как О—Ч—П или как О—П—Ч правомерно и с научной, и с практической точки зрения. Человек появляется и уходит из жизни в обществе. Общество наряду с природой все более становится силой и жизнетворящей, и жизнеразрушающей, определяет судьбы людей в земной среде, а сама среда становится не только естественно природной, но и «рукотворной», т. е. ноосферной, социальной. Отсюда именно общество во многом и предопределяет будущее планеты Земля. Человек начинает уподобляться Богу, становится творцом и своего будущего [2].

Акцент можно также сделать и на государстве, тогда — Г—Ч—П, или Г—П—Ч. В итоге имеем четырехугольник Г—О—Ч—П. Причем государство выступает цементирующей силой, своеобразным обручем, скрепляющем целостность странового человеческого бытия.

Земное сообщество неоднородно, не едино — состоит из множества различных сообществ — этнических, культурно-религиозных, институциональных, партийных, а также страновых. Объективно существует множество различных структур бытия и сознания социума. Страновое деление и надстрановые институты и организации — две основные стороны социально-планетарной жизнедеятельности, определяющие как внутреннюю жизнь суверенных социумов, так и их внешние взаимодействия и координацию воспроизводства жизни на планете Земля [2].

Рассматривая страновой суверенитет, возможно акцентирование внимания на следующем положении: ведущие державы во многом определяют состояние и перспективы развития мира. Россия воспроизводит себя в собственном суверенном планетарно-космическом и социально-мировом пространстве, а современный мир — очень жестко конкурентный мир, в нем одновременно существует и национальное, и транснациональное. Сохраняя свое место в нем Россия объективно вынуждена поддерживать свою политическую и социально-культурную идентичность и экономическую, финансовую и оборонную самодостаточность, свой суверенитет. По-

следний всегда означает международное признание, определенные международные гарантии (хотя и формальные), устойчивость границ, наличие независимого правительства. Это дает возможности: а) проведения более адекватной политики защиты интересов страны с учетом и национального, и глобального в современном мире; б) более адекватной оценки динамики процессов, происходящих в мире [2].

РФ и ее экономика воспроизводятся в собственной страновой и мировой среде и во многом производны, зависимы от среды, от ее воздействия и от ее эволюции: этап наших дней для характеристики внешней среды — это становления нового (новейшего) мирового порядка (НМП) и его ядра — мирового экономического порядка (МЭП), а для национальной экономики РФ (НЭР) — взаимодействие и выживающее развитие а нем (см. рис. 1).

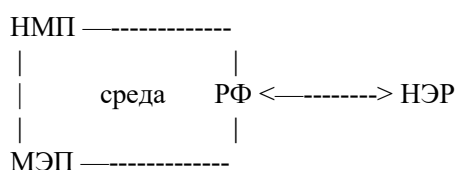

Рис. 1. Диалектика взаимодействия НМП, МЭП, НЭР

Соответственно, НМП и МЭП сопряжены между собой, но также НМП геополитически, а МЭП геоэкономически сопряжены с РФ и как обществом, и как страной, а в свою очередь РФ как страна и общество сопряжена с НЭР, а последняя через международные организации и международные рынки сопряжена и с НМП и МЭП. И все это на фоне обострившихся геопроблем, геопрогнозов, геоконкуренции и геовзаимозависимостей. Налицо клубок мировых противоречивых интересов и многоуровневых и многомерных причинно-следственных и функциональных связей.

НЭР реальна и одновременно дуальна по своей сути она: а) часть более широкого явления МЭП, той внешней системы, в которую погружена страновая экономика; б) часть деятельности страны по обеспечению вещественными и невещественными благами граждан и их безопасности. И, соответственно, в ней может преобладать либо интернациональное, либо суверенное начало. Но в лю-

бом случае в большей или меньшей степени НЭР вписана в МЭП, зависима от него (см. табл. 1).

Таблица 1

**Воспроизводственный порядок как взаимодействие
межстрановых, страновых, внутристрановых субъектов
в планетарном пространстве**

Уровень	Глобальный	Локальный
Тип	НМП, МЭП	СС, СЭ
Срезы	Природный, политический, социальный, культурный, экономический, экологический	Те же срезы пространства конкретной страны во взаимодействии с мировой средой
Субъекты	СС, ТНК элитарные семьи, клубы, международные организации	СС, национальные компании, элиты, и ТНК в простр. стран
Механизмы	Межд. властная координация и правительственные соглашения	Национальное законодательство, прямое и косвенное регулирование рынков
Современные особенности	Расширение влияния на все планетарное пространство	Сжатие суверенности стран, втягивание их в мировую циклическую динамику
Этапы	Становления, современный	История конкретных стран и империй
Закономерности	Быстрое насаждение НМП, концентрация и координация элитарной власти, нарастание логистической сетевизации ТНК, виртуализации, цифровизации деятельности общества, смещение центра мира в страны индо-тихоокеанского бассейна	Усиление неоднородности стран и неравномерности в их развитии, расширение санкционной политики к странам

Источник: составлено автором.

Глобальные срезы 1, 2, 3, 4, 5, 6 — столбец 3 входят в более широкую сферу — в НМП, а те же локальные срезы 1, 2, 3, 4, 5, 6 являются целью и непосредственным предметом державного суверенитета.

Проблема державности РФ предполагает многоаспектность анализа и прежде всего осмысление термина «держава», понимание немногочисленности держав во все времена человеческой истории, преемственность поколений в формировании держав, роли РФ как державы в современном мире, выбора концептуальной модели для державного пути РФ. Кратко рассмотрим вышеназванные аспекты.

Слово «держава» означает крупную страну, обладающую могуществом удерживать свои владения и духовные концептуальные ценности. Россия волею судьбы — держава. И не важно, какой судьбы — то ли небесной, то ли стечения исторических обстоятельств. И не важно, осознает ли население эту миссию, считает ее роком или благом, но с этим страна живет уже более 485 лет и будет жить, пока продолжится ее исторический страновой социогенез. В мире около 250 субъектов позиционируют себя как страны, из них 193 — члены ООН, т. е. имеют коллективное международное признание: голос в международных организациях, место на карте, герб, флаг, правительство, иные формальные или реальные атрибуты странового суверенитета. А реальных держав во все эпохи было мало.

Держава — это не просто крупная страна, а страна с историческим мироощущением. Державность означает не только определенные онтологические основания и параметры странового бытия, но и державное восприятие и извне, и изнутри Держава должна быть *державой*, а не просто ею казаться. Адекватность отражения державных атрибутов без иллюзий и их критическое осмысление — важные признаки державности и залог ее сохранения. Раскрытие РФ как империи — это аллегория. Даже Царская Россия была особой — не океанической, не колониальной, а континентальной империей, обеспечивающей ее народам равные права с типом территориального развития во многом за счет чисто русских губерний. На такое положение первым обратил внимание П. Савицкий в своих дореволюционных статьях. Тем более это справедливо по отношению к РФ, где все ее народы обладают равными гражданскими правами.

Безусловно наличествует расслоение населения, но оно носит не этнический характер, а вытекает из классового и частично сословного положения в обществе.

Говоря о державности РФ, надо не забывать, что это усилия многих поколений людей, ее населяющих. Это важно не только в плане исторической памяти и преемственности, но и в плане осознания концептуального смысла РФ как интегрированного целого, ее державной синтетической истории, истоки которой не только Древняя Русь, но и Монгольская империя, в которую в XIII в. вошли русские княжества. Отсчет державности следует вести от 1537 г. — венчания Ивана IV на царство, наделения его державой (предмет в форме земного шара) и скипетром (укороченный посох), которые олицетворяли не только атрибуты власти над подданными, но и ее новый смысл — внешнюю и внутреннюю независимость, пространственную протяженность, преемственность и легитимность — наследование и интеграция царства как по линии Московии, так и по линии Византии, Золотой Орды. Фактически Иван IV вновь собрал Ордынские земли, их население, родовую знать вокруг нового политического центра — Москвы. Это объясняет стремительное и достаточно мирное расширение страны за счет территорий, входивших ранее в единое государство. Отсюда и собственное восприятие себя как легитимного правителя — в жилах кровь римских и византийских императоров, в жилах кровь московской династии Рюриковичей, кровь чингизидов (по линии матери Елены Глинской, а у нее по линии отца). Отсюда и создание приказа по ведению родословных книг.

Позднее, при императоре Александре I, после победы над императором Наполеоном I, страна на Венском конгрессе (1814—1815) обретает статус Великой державы (наряду с Британией, Австро-Венгрией, Пруссией) — признание примата превосходства над другими европейскими странами.

В последующие десятилетия линия обеспечения и сохранения державности как монархической сохраняется и прерывается Февральской революцией 1917 г., а затем восстанавливается в форме советской, социалистической державности (по замечанию И. Солоневича, чем-то напоминавшей народную монархию).

Соответственно, современная Российская Федерация — держава, как по своему происхождению — самая крупная, центральная часть сверхдержавы — СССР, так и по своему страновому потенциалу и по своей роли в мире — ядерная страна, член Совбеза ООН. Но при этом страна, теряющая свою сверхдержавность, скатывающаяся на позиции региональной державы. Отсюда и возможная траектория эволюции: либо по восходящей линии: держава — великая держава — сверхдержава; либо по нисходящей линии: держава, страна, распад страны. Возможны обе траектории. Главное — не попасть в ловушку и на траекторию последней фазы второго сценария. Державность — это не вечный дар предков. Ее надо сохранять, приумножать, подкреплять конкретными делами.

Роль РФ в мире нельзя определять только ее экономическими результатами в краткосрочном и даже среднесрочном периоде времени, следует принимать во внимание весь потенциал — природный (занимаемая территория и обусловленные ею воздушно-космическое и водное пространство), духовный, научно-образовательный, военный, исторический (сохранившиеся международные связи и авторитет в памяти для многих стран), потенциал советско-русского человеческого мира волею судьбы разбросанного по всей планете. При этом учитывается и потенциал жизнеспособности нации, ее стойкости к трудностям и воли политической элиты по их преодолению, желания мобилизации и себя и населения на развитие страны. Реальная державная мощь страны может быть выше, чем ее формальные количественные экономические показатели. Роль страны в мире также зависит и от поведения среды: агрессивная, нейтральная, союзническая (благоприятная).

РФ остается крупнейшей державой мира, но НМП предъявляет жесткие критерии отбора для вхождения в этот клуб избранных. НМП — это власть, и, прежде всего, сетевая: крупнейшие международные организации и транснациональные коммерческие структуры, фонды, клубы, наиболее богатые семьи, но это и мощные, крупнейшие страны. Они, по-прежнему, сохраняют лидерские позиции в формирующемся новом миропорядке, во многом определяя его архитектуру и воздействуя на другие, более слабые страны. Однако претензии любой страны на глобальное лидерство должны подкрепляться занятием ведущих позиций по показателям, характери-

зующим мировую мощь: занимаемое пространство, население и его качество, в том числе доля мужчин до сорока лет, научно-образовательный и технологический потенциал, военный потенциал, размер и качество экономики, доступ к международным рынкам ресурсов и товаров, международное влияние, долговременное поступательное развитие, наличие возможностей вести войны в разных частях света. Если оценить место крупнейших стран по показателям развития и потенциалу, то лишь две страны ныне могут претендовать на корону великих держав: США (старый лидер) и Китай (возможный новый лидер), вместе составляющие ядро нового биполярного мира. Однако картина будущего НМП не предопределена — позиции США ухудшаются, а у Китая как глобального мирового лидера достаточно проблем — стареющее население, резкое расслоение по уровню потребления, недостаток научно-технологической мощи и доступных собственных природных ресурсов. Причем между этими державами не исключен компромисс — раздел сфер влияния.

Мировая картина стран по критерию «великая держава» приводится далее (см. табл. 2). Видно, что выделяются глобальные державы, действующие во всем планетарном экономическом пространстве, и крупные региональные державы, действующие в пространстве крупных макрорегионов. В новой стратегии национальной безопасности США, принятой в октябре 2022 г., прямо сказано: США — глобальное государство, т. е. нет разграничения их внутреннего странового и внешнего мирового пространств, их интересы — весь мир. А это иная форма глобализации — не просто пост-Запад, обнуляется и мир самой старой Европы, а также весь западный мир.

Позиции РФ хуже, чем были у РФ и тем более у СССР — экономически слабее. Геополитически Россия зажата двумя сверхдержавами (США, Китай) и экономически мощным ЕС, который не возражает обрести полную государственность — собственные вооруженные силы и собственную внешнюю политику по всему миру, с другой стороны — региональными державами — Турцией (превращающейся в газовый и зерновой международный хаб), Ираном, Пакистаном, Южной Кореей, Японией, а также бывшим постсоциалистическим и постсоветским пространством, страны которого,

приобретя независимость, ведут собственную геополитику (прежде всего, Польша, которая при поддержке Британии мечтает возродить новую Речь Посполитую). При этом у РФ протяженная открытая граница. Такая ситуация объективно вынуждает РФ вырабатывать модель выживания в геополитической среде даже без претензий на имперское лидерство и форпост борьбы с объединенным Западом.

Таблица 2

Разбивка стран по показателям страновой мощи

	Показатели страновой мощи	Ранг стран
1	Эффективное территориальное пространство (суша, территориальные воды)	РФ, Канада, Китай, США, Бразилия
2	Население	Китай, Индия, США
3	Военная и разведывательная мощь (численность армии, современное конвенциональное оружие, стратегическое ядерное и тактическое ядерное оружие, межконтинентальные носители, космическая и иная разведка, собственный ВПК)	США, Китай, РФ, Франция, Израиль
4	Экономический потенциал и его динамика (ВВП в целом и ВВП на душу населения, ПТ, капиталотдача)	ЕС, США, Китай
5	Научный и технологический потенциал (собственные открытия, патенты, высокие и критические технологии)	США, Китай, Германия, РФ, Франция, Япония, Индия, Израиль, Тайвань
6	Информационный потенциал (собственные системы связи, ЭВМ, программное обеспечение, искусственный интеллект)	США, Китай, Тайвань, Япония, Южная Корея
7	Сырьевой потенциал (ископаемые страны или доступность к зарубежным, в том числе редкоземельные металлы)	РФ, США, Китай

Продолжение табл. 2

8	Концептуальное мировоззрение, идеология (духовные смыслы, ценности, этика: конфуцианская, протестантская, староверческая, когнитивные технологии)	США (американский либерализм), Китай (современный маоизм-социализм с китайской спецификой новой эпохи), Ватикан (католицизм), Израиль (традиционный иудаизм)
9	Дееспособные институты и элита, включая центры ее подготовки, в том числе для всего мира	США, Китай, Израиль, Англия, Южная Корея, Вьетнам
10	Международное влияние (устойчивые связи, диаспоры, группы лоббирования, страны-сателлиты)	США, Китай, Британия, ЕС
11	Штаб-квартиры глобальной элиты, транснациональных компаний, международных организаций, сопряженность национальной элиты с формирующейся мировой	США, Британия, Китай (Синьцзян), Швейцария

Источник: составлено автором.

Противостояние с США началось с приходом к власти Трумэна, реально с 1946 г. — холодная и гибридная, а очагами и конвенциональная война в третьих странах. Попытка М. Горбачева ослабить противоречия, выйти из противостояния двух систем: мира социализма и мира капитализма за счет сдачи интересов СССР (встреча с Бушем старшим около острова Мальта в декабре 1989 г.), его идея об общеевропейском доме — изначально были нереалистичными и закончились развалом СССР.

Сильная, неразделенная Европа и ее союз с СССР США были не нужны тогда, не нужны и сейчас. Отсюда распад Советского Союза как плата за вхождение в Запад остроту цивилизационного противоборства не снял, а только усугубил положение новой страны — РФ. Этому предшествовали инерционная экономическая политика Л. Брежнева, курс на военную и политическую разрядку — Хельсинский акт (1975 г.), его третья часть (права человека выше инте-

ресов общества как целого) и желание части элиты жить как на Западе.

Соответственно, абстрагирование от реальных условий выживания страны в современном мире, ставка на подобие в субстанциональной основе экономического строя: у современной РФ квазирыночная, во многом аналогичная западным стандартам экономика — это явное упрощение реальной ситуации, в которой оказалась страна, и уход от остроты проблемы суверенной державной выживаемости.

Учитывая сложившуюся геополитическую и экономическую ситуацию, выбор концептуального пути развития общества и хозяйства РФ приобретает особую теоретическую и практическую актуальность. Социально-экономическая модель должна работать на развитие и благосостояние всех членов общества.

Теоретически еще возможны два концептуальных варианта и их внутренние модификации: путь капиталистической смешанной экономики в направлении ее большей солидаризации, деколонизации; путь отката в новый социализм, ориентированный не на его экспорт в другие страны, а на благосостояние собственного населения. При последовательной реализации каждого из них результат по качеству жизни населения будет сопоставим, но второй больше обеспечивает социальную справедливость. Но у них есть общность — сложности реализации, при которой придется столкнуться с сопротивлением и внутри страны, и, особенно, со стороны объединенного Запада, который попытается окончательно разыграть карту пятой колонны в связке с постсоциалистическими европейскими, постсоветскими и иными странами, их группировками и внешними силами для разрушения РФ.

В заключение заметим: страны — по прежнему первичные клеточки планетарного социального устройства. Их суверенное воспроизводство — это фундамент стратегии развития для большинства этнических общностей, народов и национальных социумов. Тем более это характерно для РФ, имеющей тысячелетнюю историю¹.

¹ См. также [3—5].

Литература

1. Ковалев С.Г. Альтернативные парадигмы: марксистские и немарксистские отображения хода исторического процесса // Философия хозяйства. 2022. № 1. С. 223—241.
2. Ковалев С.Г. Воспроизводствогенез суверенности России // Философия хозяйства. 2018. № 3. С. 21—32.
3. Ковалев С.Г. Парадигма миропорядка и геостратегии России // Философия хозяйства. 2018. № 4. С. 53—61.
4. Ковалев С.Г. Цифровизация социально-экономического пространства: вызов и шанс для прорывного развития России // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 79—101.
5. Ковалев С.Г., Сабинин В.Е. Логика цивилизации: 1917—2017 // Философия хозяйства. 2017. № 5. С. 115—129.

References

1. Kovalev S.G. Al'ternativnye paradigmy: marksistskie i nemarksistskie otobrazheniya hoda istoricheskogo processa // Filosofiya hozyajstva. 2022. № 1. S. 223—241.
2. Kovalev S.G. Vosproizvodstvogenez suverennosti Rossii // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 3. S. 21—32.
3. Kovalev S.G. Paradigma miroporyadka i geostrategii Rossii // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 4. S. 53—61.
4. Kovalev S.G. Cifrovizaciya social'no-ekonomicheskogo prostranstva: vyzov i shans dlya proryvnogo razvitiya Rossii // Filosofiya hozyajstva. 2017. № 5. S. 79—101.
5. Kovalev S.G., Sabinin V.E. Logika civilizacii: 1917—2017 // Filosofiya hozyajstva. 2017. № 5. S. 115—129.

Л.А. АСЛАНОВ

Глобальная борьба и диалог цивилизаций*

Аннотация. Ископаемые ресурсы земли исчерпаемы. Борьба за ресурсы неизбежно сопровождает процесс глобализации. Крупные цивилизации — самые активные участники этой борьбы, среди них североморская, русская, китайская, индийская цивилизации. Обсуждаются сильные и слабые стороны ряда цивилизаций.

Ключевые слова: глобализация, североморская цивилизация, русская цивилизация, китайская цивилизация, индийская цивилизация, борьба и диалог цивилизаций.

Abstract. The fossil resources of the earth are exhaustible. The struggle for resources inevitably accompanies the process of globalization. Large civilizations are the most active participants in this struggle, among them the North Sea, Russian, Chinese, and Indian civilizations. The strengths and weaknesses of a number of civilizations are discussed.

Keywords: globalization, North Sea civilization, Russian civilization, Chinese civilization, Indian civilization, struggle and dialogue of civilizations.

УДК 316; 327
ББК 60.5

Растущее население земли и сокращение природных ресурсов неизбежно ведут к борьбе за ископаемое сырье, за пресную воду, за пашню, и эта борьба будет сопровождать объективно текущий процесс глобализации, в котором уже обозначилось стремление североморской цивилизации во главе с США и Великобританией навязать свой проект глобализации ради предпочтительного для нее распределения ресурсов [5]. Только самые сильные цивилизации имеют перспективу быть успешными в разрастающейся борьбе, и из них в первую очередь надо выделить североморскую, русскую и

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Асланов Л.А. Глобальная борьба и диалог цивилизаций // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 43—52. DOI: 10.5281/zenodo.7840574.

китайскую цивилизации, оказывающие влияние на процесс глобализации.

Североморская цивилизация во главе с англосаксами в соответствии со своими ментальными традициями стремится заполучить все ресурсы планеты, оставшись единственным обитателем Земли. Североморская цивилизация в своей основе индивидуалистическая, что заставляет каждого индивида выживать с полным напряжением сил. Это порождает большую креативность североморской цивилизации, но все недостатки людей являются продолжением их достоинств. Общество североморского цивилизационного типа корпоративно, но в кулак не собирается из-за индивидуалистических интересов индивидов. Даже США при наличии огромной военной машины не выиграло в одиночку ни одной войны, обретя успехи только в борьбе с аборигенами Северной Америки, Австралии, Новой Зеландии. Североморская цивилизация зародилась на маршах Североморья, отгороженных от континента сплошной чередой непроходимых болот, по словам Арнольда Тойнби [6], при компенсирующем действии окружающей среды — водной стихии, и распространялась по миру под защитой водной среды: сначала за морем, на Британских островах, а затем за океанами. Морская торговля была с самого начала основой их благосостояния, поэтому североморская цивилизация в высшей степени коммерциализована, что дает ей преимущества в мирной жизни, но не в борьбе с врагами.

Русская цивилизация возникла под ударами кочевников Центральной Азии только благодаря приобретенному умению себя защищать. Главным в русской цивилизации было сохранение людей, нужных для борьбы с врагом. Русское общество выстроилось как армия: народ служил главе государства, которому отданы все ресурсы народа, в том числе были подчинены и сами люди (как в армии) ради защиты от врагов. Так же как армия основана на коллективных устоях, русская цивилизация коллективистская. Хозяйственная жизнь на просторах Восточно-европейской равнины была возможна только в результате успешной защиты от врагов. Русская цивилизация давно превратилась в военный союз народов для совместной защиты от внешних врагов: к Московскому царству добровольно присоединились для защиты от набегов кочевников башкиры, украинцы — для защиты от Польши, шесть грузинских кня-

жеств нуждались в защите от Османской империи; просили русских царей о защите казахи.

Некоторых соседей приходилось, выражаясь современным языком, принуждать к миру силой, но всем народам предоставлялась культурная автономия при передаче политических прав общероссийскому центру. Если подарки и привилегии местной элите не позволяли добиться добровольного присоединения к Московскому царству, тогда применялась сила во избежание образования враждебной общности на границе государства. Такая практика начала складываться с Ивана Калиты, который выкупал удельные княжества, тут же отдавая приобретенные земли прежнему хозяину в управление при условии служения удельного князя Ивану Калите, причем из Москвы, а не будучи в бывшем своем уделе. Иван Калита никаких державных целей не преследовал, ему для хозяйственных дел нужны были спокойствие, защита от алчных соседей, но его государственническая практика, преобразившись, служила России в веках. Общественное устройство на армейский лад — безусловное достоинство в борьбе с врагами, но продолжение этого достоинства превращается в недостаток из-за подчинения одному руководителю. С этим недостатком Россия столкнулась трижды: в конце 1980-х и в 1990-е гг., в 1917 г., когда Николай II оказался не на высоте своего положения, или в начале XVII в. после пресечения династии Рюриковичей при неокрепшей традиции выборного царя. Россия — страна цивилизация в любом обличье: будь то Московское царство, Российская империя, СССР или РФ. Это ее цивилизационная сущность.

В качестве примера можно привести присоединение к Российской империи казахских жузов. Условия окружающей среды у казахов были несколько отличными друг от друга в разных местах ареала их обитания. На территории Семиречья казахи занимались не только отгонным скотоводством, но и оседлым земледелием, что позволяли почвы и водные ресурсы. Через Семиречье пролегали важные торговые пути. Там сформировался Старший жуз казахов. На востоке казахской степи, у Иртыша, климат был влажнее, пастбища и водопой более щедрые, чем на западе казахской степи. Там сформировался Средний жуз. Младший жуз освоил аридные земли Южного Приуралья и восточной части Прикаспийской низменности. Границей между Средним и Младшим жузами были

Мугоджарские горы [8, 80]. «Жузы — это, прежде всего, способ мышления и интерпретации происходящих в пространстве процессов и явлений сквозь призму генеалогического происхождения того или иного индивида или группы индивидов. Это способ объяснения и аргументации, регламентации и регулирования процессов социальной мобилизации и консолидации общества» [8, 82].

С начала 1730-х гг. началось катастрофичное по последствиям вторжение джунгаров на территорию старшего и среднего жузов, обитатели которых откочевали на территорию младшего жуза, вытеснив роды и племена младшего жуза на ареал обитания башкиров. Российская империя потеснила казахов младшего жуза, не давая в обиду подданных империи, что вызвало ответную реакцию казахов младшего жуза: Абулхаир хан стал просить русскую императрицу о принятии казахов младшего жуза под защиту Российской империи. Абулхаир хан поступил так, как извечно поступали в степи: выбрал сильного сюзерена и вступил с ним в союз для объединения сил против общих врагов, т. е. процесс был ментально традиционен. Большинство казахов в период присоединения к России считало добровольное подданство военным и политическим союзом с Россией ради мирной жизни [1, 21; 2, 72], и этот военный союз просуществовал более двух с половиной веков, несмотря на все испытания.

Процесс добровольного вхождения казахов в состав Российской империи протекал на протяжении более века противоречиво, с отказами и повторными просьбами о принятии под защиту. В конце концов, сформировался союз народов для совместной защиты от общих врагов, включавший в себя и казахов, т. е. продолжилась деятельность Российского государства, направленная на присоединение народов и земель. Благодаря этому союзу Россия защитила караванные пути на Восток, которые до присоединения казахов к России разграблялись кочевниками и вооруженными отрядами Хивы, Коканда и Бухары [8, 69—70]. Для защиты присоединенных территорий от проникновения банд грабителей были возведены крепости и защитные линии [8, 34, 42, 44—45], ограничившие миграции казахов с табунами и отарами, что вызвало их нарекания, но борьба с летучими бандами требует разветвленной сети военных баз и укреплений. Туркестан с Хивой, Бухарой, Кокандом пришлось при-

соединять силой ради защиты казахов, и набеги на территорию обитания казахов были прекращены [8, 43]. Показательно, что китайские власти предлагали свое покровительство казахам, но оно казахами было отвергнуто.

Нейтрализация вооруженных вылазок с территории Туркестана посредством ее присоединения вызвало озабоченность Англии из-за близости русских войск к колониям Англии в Индии. Англия стала создавать в Афганистане вооруженные силы, направленные против России, стараясь вытеснить Российскую империю из Туркестана. Пришлось дополнительно укреплять южные границы Туркестана и возводить военную инфраструктуру по всей его территории. В результате защита русских и казахов была обеспечена.

Временное «Положение об управлении Туркестанской областью», которая была буферной между Казахстаном и зоной влияния Англии, предусматривало: 1) неделимость военной и административной власти; 2) принадлежность всех чинов военно-народного управления военному ведомству; 3) сохранение традиционных институтов самоуправления под контролем русской военной администрации, которую возглавлял военный губернатор, подчинявшийся военному министру. Генерал-губернатор всего Туркестанского края был кассационной инстанцией для всех судов. Генерал-губернатор имел неограниченные права. Положение об управлении Туркестанским краем 1886 г. сохранило военный контроль над управлением краем [8, 89—106]. Более того, в 1881—1882 гг. было образовано Степное генерал-губернаторство. Положение об управлении степными областями было введено в действие в 1891 г. Его содержание практически не отличалось от положения об управлении Туркестанским краем. Пожалуй, только назначение областных военных губернаторов осуществляло МВД, но с согласия военного министра [8, 109—111].

В 1888 г. для переброски войск была построена Закаспийская военная железная дорога длиной 1414 верст. В 1906 г. было закончено строительство железной дороги от Оренбурга до Ташкента длиной 1736 верст для решения военно-стратегических задач. В начале XX в. были построены и другие железные дороги военного назначения, а в Степном крае в 1890-х гг. была построена Сибир-

ская железная дорога [8, 143—145]. В военных целях был проведен телеграф.

Министр финансов Российской империи М.Х. Рейтерн доказывал, что присоединение Центральной Азии очень затратно и не принесет доходов в будущем, но Военное министерство настояло на присоединении для сужения английского плацдарма [8, 66]. И Рейтерн был прав, например, с 1868 по 1881 г. из Туркестана в Государственное казначейство поступило 54,7 млн р. дохода, а было израсходовано на обустройство границ и крепостей (военных баз), проведение железных дорог, содержание администрации и войск 140,6 млн р. Разница была покрыта за счет податных сил коренных русских губерний. Только в 1911 г. впервые доходы — 22,2 млн р. — превзошли расходы — 18,8 млн р. [8, 136—137]. За XIX в. казахское население, избавленное от войн, увеличилось с 2,25 млн человек до 4 млн человек [8, 157].

В годы Первой мировой войны в степном крае в 1,5 раза увеличились налоги, реквизировался скот, продовольствие, фураж, мобилизовался гужевой транспорт. Для производства пороха увеличились посевы хлопчатника за счет зерновых. Цена на пшеницу возросла в 6 раз. После указа Николая II о призыве 480 тыс. жителей Степного края и Туркестана для строительства военных сооружений вспыхнуло восстание 1916 г., которое было протестом против политики властей, но не носило националистического характера. По сообщению полицейских властей, «...казахи считают своими врагами полицию и чиновников, между тем они нисколько не обижают русских». Попытка отдельных групп восставших восстановить ханское правление не была поддержана восставшими массами» [8, 287—291].

Общественное движение Алаш было проявлением национального самосознания казахской интеллигенции. Областной комитет Алаша в январе 1918 г. в Семипалатинске совместно с Советом крестьянских депутатов признали Сибирское Временное правительство. Это правительство внушало надежду на защиту. Сибирское Временное правительство пресекло любые претензии Алаша даже на самую ограниченную автономию и 25 июля 1918 г. передало все изъятые у кочевников земли переселенческим конторам, т. е. был восстановлен дореволюционный порядок землевладения. 8 августа

1918 г. восстали казахи Токтаульской волости, а за ними восстали жители 46 сел в Семипалатинской области [8, 121—230].

На Урале Алаш увидел опору в Комуче и создал Уильский Оляят, но вскоре Комуч себя дискредитировал, и Алаш был вынужден ликвидировать Оляят из-за его полной беспомощности.

Алаш создал для собственного руководства Директорию, оказавшуюся в конце сентября 1918 г. в Омске. В конце октября 1918 г. Омское правительство упразднило Алаш, а месяц спустя власть перешла к А.В. Колчаку, который продолжил политику изъятия земель у казахов и ее передачу переселенцам, чему Алаш сопротивлялся. После поражения армии Колчака Алаш-орда приняла условия советской автономии, примкнув к сильнейшему. 9 марта 1920 г. КирВРК ликвидировал все учреждения Алаш-орды и отменил все ее приказы [8]. Советская власть успешно провела свою линию, предоставив казахам советскую автономию. Тем самым военный союз русских и казахов получил продолжение в советский период.

Военный союз русских и казахов ярко себя проявил в период Великой Отечественной войны. Дивизии, сформированные в Казахстане, сражались на фронтах. Казахстан превратился в базу материально-технического содействия фронту. С начала войны до октября 1942 г. Казахстан принял 142 предприятия с Украины, Московской и Ленинградской областей. Эвакогоспитали Казахстана вернули в строй 55,5% поступивших раненых бойцов. Казахстан принял 428474 человек, прибывших в эвакуацию, в основном женщин и детей, в том числе сирот.

После войны военный союз русских и казахов получил продолжение. Семипалатинский полигон и Байконур сыграли важную роль в создании ракетно-ядерного щита. Одновременно продолжалось развитие материальной базы не только для повышения уровня жизни народа, но и для сохранения паритета военному потенциалу НАТО. При этом «совершенно невозможно отрицать тот неоспоримый факт, что СССР обеспечил сохранение уникальной этнокультурной мозаики евразийского пространства, на котором в XX в. не исчезла ни одна даже самая малая группа или язык, когда в других районах мира ассимиляция малых групп имела массовый характер» [8, 403]. СССР был военным союзом народов, и он выполнил свою задачу выживания всех входивших в него народов.

Казахстан обрел независимость с документально определенными границами своей территории, со своими правительственными органами, развитыми промышленностью и сельским хозяйством, высокообразованным населением, обеспеченным системой здравоохранения. Военный союз Казахстана с Российской империей и в составе СССР был нелегким делом, но военная защита от врагов всегда была, есть и будет затратным, трудным, кровавым подвигом, невозможным без взаимопомощи участников союза. Россия и Казахстан прошли совместный путь с честью.

Надо упомянуть о наводнившей казахскую научную литературу интерпретации Российской империи и СССР как колонизаторов Казахстана. Эту интерпретацию старательно пропагандируют США и страны НАТО в своих корыстных интересах. Такая интерпретация — калька с реально существовавшей Британской империи, ограбившей полмира. Пропагандистская подмена понятий есть один из приемов мягкой силы, которая используется в работе с казахскими учеными-стажерами в европейских и американских университетах и в повседневной работе СМИ.

Обретя независимость, Казахстан сохранил не только двусторонние связи с РФ, но и сотрудничает с РФ в ряде международных организаций: ЕАЭС, СНГ, ШОС, ОДКБ. Жизненная необходимость в военном союзе с РФ проявилась в январе 2022-го, во время беспорядков, инспирированных внешними силами. Потребность в совместной защите от общих врагов не надуманна, она веками проверена, и эта потребность не исчезнет и не уменьшится. Она будет только нарастать.

Возвращаясь к диалогу цивилизаций, необходимо вспомнить о том, что китайская цивилизация сочетает хозяйственный расчет, торговую сметку с многовековой практикой защиты от кочевников Центральной Азии силами профессиональной армии. В китайской цивилизации нет того всенародного армейского общественного устройства, которое есть в русской цивилизации, но есть доминанта, выражаемая конфуцианством, приоритета государственных интересов над личными интересами. Сочетание цепкой хозяйственной хватки и беззаветной защиты Поднебесной от врагов всегда было достоинством китайской цивилизации, но продолжением этого достоинства в прошлом был длинный период самоизоляции Ки-

тая в силу его самодостаточности. Остается надеяться, что этот недостаток никогда не проявится в будущем.

На процесс глобализации будет оказывать влияние и индийская цивилизация, но ее особенностью является своеобразная интровертность, которая не мешает ее самозащите, но ставит ее в положение утеса в бушующем море, а не сокрушающих волн.

В отличие от североморской цивилизации, склонной к борьбе с другими цивилизациями, русская, китайская и индийская цивилизации, познавшие тяготы защиты от врагов, предпочитают диалог цивилизаций.

Цивилизации, менее сильные в сравнении с перечисленными, будут образовывать союзы или их будут принуждать к союзам более сильные игроки. Это будущее находится за горизонтом событий и, согласно воззрениям синергетики, предсказанию не поддается. Важно лишь то, что глобальная борьба североморской цивилизации с другими цивилизациями, в соответствии с прогнозом Хантингтона [7], началась и будет развиваться по нарастающей. И в этой борьбе положение России вполне устойчивое, потому что в основе народной жизни лежит родная сестра русской идеи: правдоискательство в мире заблуждений и лжи [3]. Правда, в конечном счете, всегда побеждает.

Литература

1. *Быков А.Ю.* Истоки модернизации Казахстана. Барнаул: АзБука, 2003.
2. *Джампеисова Ж.М.* Казахское общество и право в пореформенной степи. Астана: Евразийский нац. ун-т им. Л.Н. Гумилева, 2006.
3. *Коптелова Т.И.* Диктатура правды — будущее России в парадигме органической философии // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 45—55.
4. *Масанов Н.Э., Абылхожин Ж.Б., Ерофеева И.В.* Научное знание и мифотворчество в современной истории Казахстана. Алматы: Дайк-Пресс. 2007.
5. *Осипов Ю.М.* Оцепенение // *Философия хозяйства*. 2022. № 1. С. 7—8.
6. *Тойнби А.* Постигание истории. М.: Прогресс, 1991.

7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2016.
8. Центральная Азия в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение. 2008.

References

1. Bykov A.YU. Istoki modernizatsii Kazakhstana. Barnaul: AzBuka, 2003.
2. Dzhampeisova ZH.M. Kazakhskoe obshchestvo i pravo v poreformennoy stepi. Astana: Evraziyskiy nats. un-t im. L.N. Gumileva, 2006.
3. Koptelova T.I. Diktatura pravdy — budushchee Rossii v paradigme organicheskoy filosofii // *Filosofiya khozyaystva*. 2022. № 1. S. 45—55.
4. Masanov N.E., Abylkhozhin ZH.B., Erofeeva I.V. Nauchnoe znanie i mifotvorchestvo v sovremennoy istorii Kazakhstana. Almaty: Dayk-Press. 2007.
5. Osipov YU.M. Otsepenenie // *Filosofiya khozyaystva*. 2022. № 1. S. 7—8.
6. Toynbi A. Postizhenie istorii. M.: Progress, 1991.
7. KHantington S. Stolknovenie tsivilizatsiy. M.: AST, 2016.
8. TSentral'naya Aziya v sostave Rossiyskoy imperii. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2008.

Н.П. НЕДЗВЕЦКАЯ

Необходимость видоизменения хозяйственной модели в цифровую эпоху*

Аннотация. Цифровая эпоха развивается настолько стремительно, что мир меняется буквально на наших глазах. Сохранение темпов научно-технического развития на должном уровне и дальнейшего процесса цифровизации является одной из главных гаран-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Недзвецкая Н.П. Необходимость видоизменения хозяйственной модели в цифровую эпоху // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 52—60. DOI: 10.5281/zenodo.7840769.

тием обеспечения всестороннего российского суверенитета в будущем. Новая политическая и экономическая реальность диктует России необходимость видоизменения модели хозяйствования и проведения структурной трансформации в кратчайшие сроки с целью сохранения и обеспечения своей национальной независимости. Однако необходимо учитывать, что диджитализация наряду с прогрессивными изменениями порождает проблему цифрового неравенства.

Ключевые слова: диджитализация, цифровое неравенство, структурная трансформация, цифровые технологии, научно-техническое развитие, искусственный интеллект, инновации.

Abstract. The digital age is developing so rapidly, that the world is changing literally before our eyes. Maintaining the pace of scientific and technological progress at the proper level and the further process of digitalization is one of the main guarantees for ensuring comprehensive Russian sovereignty in future. The new political and economic reality dictates to Russia the need to modify the economic model and carry out the structural transformation as soon as possible in order to preserve and ensure its national independence. However, it must be taken into account that digitalization along with progressive changes gives rise to the problem of digital inequality.

Keywords: digitalization, digital inequality, the structural transformation, digital technologies, scientific and technological development, artificial intelligence, innovation.

УДК 330
ББК 65в

Стремительно растущий уровень диджитализации на фоне тотальной глобализации коренным образом изменяет все стороны человеческого бытия. В этих условиях традиционная экономика постепенно трансформируется в сетевую, в которой взаимодействие широко внедряемых информационно-коммуникационных цифровых технологий и рыночных механизмов становится основополагающим фактором развития. Ключевым инструментарием сетевой экономики являются передовые цифровые технологии, осуществляющие

функциональную обработку «Big Data» абсолютно во всех хозяйственных сферах, начиная от промышленного сектора и заканчивая управленческим, захватывая валютно-финансовую область и диктуя новые правила распределения и потребления. Характерным аспектом сетевой экономики является ее функционирование «по заказу», фокусируясь, главным образом, на запросы потенциальных потребителей, которые под полным контролем оказываются привязанными к определенным серверам в интернет-пространстве. Повсеместно прослеживается тенденция постепенного видоизменения хозяйственной модели в результате дальнейшего процесса цифровизации.

В нынешних условиях всесторонней экономической блокады российских отраслей, которая сопровождается беспощадной санкционной политикой со стороны стран-членов НАТО и уходом из РФ иностранных компаний-партнеров, следует сконцентрировать силы на ускоренном процессе импортозамещения с целью преодоления зависимости от внешнего мира и поиска новых рынков сбыта, ориентированных в нынешней ситуации в значительной степени на восточные регионы мира. На современном этапе глубокого геополитического кризиса, в центре которого оказалась Россия, возникает необходимость скорейшей структурной перестройки всей отечественной экономической системы. Главная задача, с нашей точки зрения, структурных преобразований российской экономики должна заключаться в таком видоизменении модели хозяйствования, которое позволит сохранить высокий уровень научно-технического прогресса и сократит риски снижения темпов цифровой трансформации. Реализация именно этого условия поможет России в будущем сохранить свое несомненное могущество как в экономической, так и в политической мировых сферах.

Конечно, в последние месяцы появляется определенная тревога за цифровую «судьбу» России. Принимая во внимание те кардинальные преобразования, которые наблюдаются в настоящее время в построении диджитальной экономики в США, странах Западной Европы, Китая и других наиболее развитых странах, наша страна претерпевает колоссальные испытания и труднопреодолимые препятствия, связанные со специальной военной операцией на Украине, и вынуждена увеличивать расходы бюджета России по

статье «национальная оборона» для блокировки агрессии со стороны НАТО.

Возникает закономерный вопрос: технологическое лидерство России — мечта или реальность? Согласно нашим прогнозам, Россия и ее народ несомненно способны достигнуть высот научно-технического развития в будущем. Так, в последние годы правительство уделяет особое внимание передовой сфере НТП, а именно — проблеме исследования и использования искусственного интеллекта в самых разных отраслях. В 2019 г. в России была принята программа «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г.», а в 2020 г. был утвержден федеральный проект «Искусственный интеллект» и началась большая работа в этой передовой сфере научно-технического развития на уровне государственных органов, взаимодействия с крупным бизнесом. Дальнейшая цифровая стратегия, на наш взгляд, в первую очередь, предполагает государственное финансирование фундаментальных научно-исследовательских проектов по целенаправленной разработке искусственного интеллекта и роботизации, учитывая недавнее указание Президента РФ Путина В.В. на массовое внедрение искусственного интеллекта во все сферы, которое было оглашено на ноябрьской конференции 2022 г. «Путешествие в мир искусственного интеллекта». Представляется целесообразным интенсивное расширение сети стартапов, которые, как правило, становятся носителями сверхновых идей в сфере искусственного интеллекта. Мировой опыт показывает, что в тех странах, где существуют тесные связи между научными исследованиями и практическими разработками, развиты механизмы венчурного финансирования, сосредоточено пока большинство стартов в области искусственного интеллекта. Двойное увеличение рынка искусственного интеллекта зафиксировано в России за последние три года. При этом 20% российских компаний применяют искусственный интеллект в большинстве приоритетных отраслей [3]. Однако необходимо, на наш взгляд, соблюдать определенный баланс соотношения неоспоримых преимуществ внедрения искусственного интеллекта и возможных негативных последствий для современного социума. Никто не призывает отказаться от возможностей, которые открываются в связи с распространением искусственного интеллекта, но этот процесс должен

осуществляться под серьезным социо-ответственным контролем и корректироваться с учетом потребностей самого человека.

В связи с этой важнейшей задачей в настоящее время перво-степенное значение должно быть уделено проведению специальной, хорошо продуманной стимулирующей политике сохранения высококвалифицированных ИТ-специалистов, а также финансированию их подготовки и переподготовки для дальнейшего распространения сетевой экономики России и обеспечения ее кибербезопасности. Хорошо известный лозунг «Кадры решают все!» как нельзя лучше определяет главную проблему современной стадии цифровизации в России. И дело не только в массовом отъезде из страны квалифицированных кадров за последний год, хотя подобная эмиграция, конечно, нанесла определенный урон развитию диджитальной сфере в нашем государстве. Хочется надеяться, что большинство из покинувших страну продолжают работать в российских ИТ-компаниях с намерениями дальнейшего возвращения на Родину. К сожалению, полностью достоверных официальных статистических данных по этому вопросу в открытом доступе нет. Определенно, специалисты в области искусственного интеллекта наиболее востребованы в настоящее время во всем мире. Так, согласно последним выводам Министерства торговли США, на 100 вакантных мест претендуют в среднем 66 специалистов по всей стране [5]. Но проблема кадров на самом деле более многогранна: требуется в кратчайшие сроки увеличить подготовку ИТ-специалистов самого широкого спектра диджитальной сферы: разработчиков программного обеспечения, системных аналитиков, программистов и др. Наряду с этим у нас в стране также остро стоит вопрос дефицита и преподавательского состава по данному профилю подготовки. Поэтому достойное финансирование образовательной сектора ИТ-кадров является необходимым условием для решения данных проблем. Например, США на ближайшее десятилетие выделяют 50 млн долл. на образовательные программы для подготовки недостающих ИТ-профессионалов [5].

В начале процесса цифровизации наиболее оптимистично настроенные специалисты выражали надежду на то, что эта новая стадия научно-технического развития будет способствовать росту благосостояния для всех граждан посредством более быстрого перелива знаний и научно-технических открытий и уменьшения их

концентрации в региональных центрах, но теперь прослеживается совершенно иная тенденция. В последние десятилетия распространение высокоскоростного интернета и формирование баз данных (Big Data) постепенно фундаментально воздействуют и изменяют общество, создавая все большее социальное разделение. Цифровое неравенство приводит к тому, что преимущества диджитализации доступны далеко не всем в равной степени как на микро-, так и на макроуровне. Согласно нашей убежденности, цифровизация не может стать элитным проектом для избранных. Наоборот, расширение цифровых возможностей должно создавать гарантированный доступ к цифровым технологиям и обеспечивать равные шансы для всех слоев населения во избежание образования многоклассового цифрового социума. На самом деле, идея увеличения числа инноваций и рост производительности труда как основа повышения благосостояния для всех остаются пока нереализованными, и мы наблюдаем, что, например, региональное неравенство даже усиливается.

Когда речь идет об инновациях в новейшие диджитальные сферы, необходимо учитывать тот факт, что цифровые инновации сосредоточены в многомиллионных городах и их ближайших территориях, где находятся крупнейшие научные центры и большие компании, инвестирующие в инновации. Но подобная тенденция, как показывает практика, приводит к региональному неравенству в инновациях на фоне развития информационных технологий. Этот дисбаланс особенно заметен при сравнении числа патентов и численности населения. Пять крупнейших городов в 30 странах ОЭСР создают почти четверть новых патентов (22%), тогда как живет в них лишь 8% населения этих государств [6]. Такая же картина наблюдается в большинстве стран мира. Во Франции 47% всех зарегистрированных патентов приходится на Париж [4]. В Германии, где исторически сложилась меньшая концентрация населения и экономических центров, на долю Мюнхена приходится 4% всех регистрируемых в стране патентов [7].

Везде в мире распространены инновационные центры, в которых сосредоточены «умные головы» и капитал, и эта тенденция концентрации и разницы в уровне развития между городом и деревней только усиливается. Также можно сказать, что в таких областях, как информационные технологии, биотехника, медицинская

техника, наблюдается высокий уровень концентрации. Несмотря на повсеместную возможность уже почти везде прямого доступа к данным и знаниям, высококвалифицированные кадры как раз в указанных выше научных, интенсивно развивающихся областях, тем не менее, все равно концентрируются в крупнейших научных, научно-технических и образовательных центрах. Подобные центры зачастую достаточно закрыты для того, чтобы их знания и информация проникали в другие регионы, которые, в свою очередь, попадают в разряд «второстепенных» и становятся зависимыми от передовых регионов. Чем выше инновационный уровень центров, тем более высокая у них производительность и, соответственно, больший доход. Если вся «инновационность» соберется на этих научно-технических островках, то появляется риск возникновения огромных социальных «ножниц» в реализации стратегии всеобщего благосостояния. С совершенно определенной целью притормозить эту тенденцию, не вредя уже сложившимся и эффективно функционирующим инновационным центрам, менее развитым в инновационном отношении регионам следует стремиться к «интеллектуальной» специализации на основе индивидуальных преимуществ, при которых инновации должны стабильно внедряться и в деловую практику для сглаживания региональных различий. Подобное региональное неравенство является отличительной чертой гибридного общества в эпоху диджитализации, о которой уже говорилось ранее [2, 155].

В заключение следует отметить, что трудно представить себе Россию в роли «догоняющего» игрока на мировой хозяйственной арене, хотя, как указывалось ранее, наша страна в последнее время попала в сверхсложную политическую и экономическую ситуацию. Однако, на наш взгляд, следует выработать дальновидную стратегию «опережающего и независимого развития» на основе видоизмененной в результате структурной перестройки хозяйственной модели, отвечающей главным задачам цифровой стадии научно-технического прогресса. Тема дальнейшей цифровизации является ключевой в общей стратегии безопасности нашей страны и требует дальнейшей последовательной разработки, в том числе и совершенствования российской научной, образовательной и культурной сфер. В этой связи уместно вспомнить слова В.И. Вернадского, сказанные почти сто лет назад: «Спасение России заключается в под-

нятии и расширении образования и знания. Только этим путем возможно достижение правильного государственного управления, только поднятием культуры возможно сохранить сильно пошатнувшееся мировое значение нашей родины» [1, 193]. Россия как одна из самых богатых стран мира в отношении природных ресурсов, а главное — высокоразвитого человеческого капитала, опираясь на великий опыт прошлого и учитывая судьбоносное настоящее, заслуживает права рассчитывать на устойчивое и благоприятное будущее.

Литература

1. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М.: Советская Россия, 1989. 704 с.
2. Дитце И.П., Недзвецкая Н.П. Гибридный мир: реальность и ориентиры // Цифровизация и бытие: коллективная монография / Под ред. Ю.М. Осипова, М.И. Лугачева, Т.С. Сухиной и др. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2021. С. 149—159.
3. Конференция по искусственному интеллекту: URL: <http://kremlin.ru> (дата обращения: 10.02.2023).
4. Digital 2020: Global Digital Overview. 30.01.2020: URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2020-global-digital-overview> (дата обращения 30.01.2023).
5. Intel Launches New Xeon Workstation Processors: URL: <https://www.hpcwire.com> (дата обращения: 15.02.2023).
6. Heimann H., Khaluf Y. Hybrid Societies & Challenges and perspectives in the Design of Collective Behavior in Self-organizing Systems: URL: <https://www.frontiers.org> (дата обращения: 10.11.2022).
7. Rodenstock R., Sevay-Tegethoff N. Wie sieht die Arbeitswelt nach der Corona-Krise aus, Herr Rodenstock und Frau Sevaytegethoff? // Mannheimer Morgen. 2023. 23 Jan. S. 5.

References

1. Vernadskij V.I. Nachalo i vechnost' zhizni. M.: Sovetskaya Rossiya, 1989. 704 s.

2. *Ditce I.P., Nedzveckaya N.P.* Gibridnyj mir: real'nost' i orientiry // Cifrovizaciya i bytie: kollektivnaya monografiya / Pod red. YU.M. Osipova, M.I. Lugacheva, T.S. Suhinoj i dr. M.: Ekonomicheskij fakul'tet MGU imeni M.V. Lomonosova, 2021. C. 149—159.

3. Konferenciya po iskusstvennomu intellektu: URL: <http://kremlin.ru> (data obrashcheniya: 10.02.2023).

II

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ**

В.В. БИРЮКОВ

**Статус человека в экономической науке и пути ее выхода
из кризисного состояния***

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы определения статуса человека в экономической науке и путей ее выхода из кризисного состояния. Кризисное состояние объясняется тем, что конкурирующие сегодня подходы сложились в результате применения разных версий базовой модели человека, возникшей в условиях маргиналистского переворота и используемой немецкой школой. В данной модели привлекаются элементы методологического индивидуализма и холизма, что предусматривает интерпретацию поведения субъектов с учетом экзогенного влияния неэкономических факторов. При этом построение неортодоксальных теорий опирается на двухуровневый подход: на ценностно-нормативном уровне на основе анализа ценностей описывается конструирование институтов экономики, а на институционально-инструментальном уровне изучаются особенности экономического поведения. Мейнстримовские теории выступают как описания процессов, происходящих на институционально-инструментальном уровне, и основываются на заимствовании ключевых идей классической и немецкой школы, а также неортодоксального институционализма. В работе обосновывается важность использования модели человека классической школы, ориентирующей на изучение эндогенных механизмов трансформации современной системы неокOLONIALного господства Запада и построения траектории успешного суверенного развития национальной экономики.

Ключевые слова: экономическая модель человека, классическая школа, историческая школа, неортодоксальные теории, экономический мейнстрим.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Бирюков В.В. Статус человека в экономической науке и пути ее выхода из кризисного состояния // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 63—77. DOI: 10.5281/zenodo.7841147.

Abstract. The article deals with the issues of determining the status of a person in economics and the ways out of its crisis state. The crisis state is explained by the fact that competing approaches today have developed as a result of the application of different versions of the basic human model that arose in the conditions of a marginalist coup and used by the German school. In this model, elements of methodological individualism and holism are involved, which provides for the interpretation of the behavior of subjects taking into account the exogenous influence of non-economic factors. At the same time, the construction of unorthodox theories is based on a two-level approach: at the value-normative level, based on the analysis of values, the construction of economic institutions is described, and at the institutional-instrumental level, the features of economic behavior are studied. Mainstream theories act as descriptions of processes occurring at the institutional and instrumental level, and are based on borrowing the key ideas of the classical and German schools, as well as unorthodox institutionalism. The paper substantiates the importance of using the classical school human model, which focuses on the study of endogenous mechanisms of transformation of the modern system of neocolonial domination of the West and the construction of a trajectory of successful sovereign development of the national economy.

Keywords: human economic model, classical school, historical school, unorthodox theories, economic mainstream.

УДК 330
ББК 65.01

Введение

Происходящие конфликтно-глобальные перемены в устройстве современной экономики усиливают потребность создания соответствующих новым вызовам исследовательских подходов, опирающихся на адекватную модель человека как концептуального ядра экономической науки. Сложившийся в последние десятилетия поиск более реалистичных трактовок человека как главного субъекта экономики приводит к тому, что представители мейнстримовских и неортодоксальных исследований предложили разные коррекции прежних представлений в связи с признанием сложной природы

экономической деятельности человека и необходимости использования междисциплинарного метода [1; 5; 8; 12]. При этом междисциплинарный метод трактуется по-разному [17].

Вместе с тем возникающие изменения в представлениях об экономической модели человека не приводят к построению удовлетворительных теорий. Сегодня часто указывается на кризисное состояние современной экономической науки, так как создаваемые теоретические описания являются эклектичными и обладают скромной практической ценностью [2; 11; 19]. В связи с этим важным становится поиск путей выхода современной экономической науки из кризисного состояния на основе переосмысления сложившихся концептуальных представлений об экономической модели человека и формирования системно-целостного видения картины экономической реальности. При поиске реалистичных предпосылок изучения экономики требуется исходить из того, что философско-хозяйственный концептуализм, как отмечает Ю.М. Осипов, связан с проникновением в смысловые глубины бытия, постижением скрытой от глаз и ушей сути реальности, ее собственной концептуальной метасмыслологии [13].

Экономическая модель человека исторической школы и особенности развития альтернативных направлений экономической теории

Особенности понимания статуса человека в альтернативных направлениях исследования экономики определяются спецификой эволюции экономических знаний, сложившейся в результате маржиналистского переворота. На протяжении большей части XIX в. развитие экономической науки происходило преимущественно под влиянием конкуренции теорий классической политической экономии и немецкой исторической школы. Их представители предложили принципиально разные исследовательские подходы к анализу экономики как сложной системы относительно устойчивых (институциональных) связей, используя альтернативные модели экономического поведения человека. В немецкой исторической школе в отличие от классической политэкономии фокусирование внимания на изучение национальных особенностей хозяйственной деятельности людей сопровождалось опорой на дуалистический подход к анализу

поведения субъектов экономики, который основывался на субъективной концепции ценности в сочетании с методологическим коллективизмом [20, 16].

Представители немецкой исторической школы в связи с переносом исследовательского фокуса на рассмотрение проблем развития национального хозяйства в явном виде привлекали в своих исследованиях понятие «институт» и указывали на особую роль политико-правовых и социокультурных институтов в достижении хозяйственного успеха. При этом они стали использовать при изучении экономических процессов и экономических взаимодействий в качестве базовой модели человека дуалистическую модель, в которой его экономические мотивы интерпретируются в русле утилитаристской этики, а экономическое поведение объясняется особенностями влияния неэкономических (экзогенных) факторов. На основе данной базовой модели сегодня создаются ее разные модификации и эклектичные описания экономической реальности. Вместе с тем мировоззренческие различия привели к появлению неортодоксальной и мейнстримовской версий базовой модели экономического поведения человека, в которых по-разному интерпретируется роль коллективных феноменов в теоретических описаниях экономических процессов.

Исследовательские традиции немецкой исторической школы во многом были заложены Ф. Листом, который рассмотрел ключевые проблемы развития национальных хозяйств и поиска путей их решения, занимающие и сегодня центральное место в исследованиях экономики как сложной системы и в обосновании выбора экономической политики. Он утверждал, что в отличие от политэкономии универсальных меновых ценностей важным является разработка национальной политической экономии, тесно увязанной с необходимостью учета ступени развития национального хозяйства и специфики устройства мирохозяйственных институтов. Ф. Лист жестко критиковал принцип «laissez faire» и указывал на необходимость осуществления институциональных изменений с учетом особенностей развития национального хозяйства Германии, ориентируясь на обеспечение приоритета внутреннего рынка с помощью воспитательного протекционизма, способствующего переходу к перворазрядной промышленно-торговой державе в результате создания

коммерческого землевладения, развития предпринимательства и молодых отраслей. При этом он писал, что популярная доктрина космополитической экономики оправдывает производственно-технологическое и политико-экономическое господство Англии [7].

Немецкая историческая школа, предложив объяснять экономическое поведение человека, исходя из влияния на него неэкономических переменных, вместе с тем ориентировалась на использование версии базовой модели, послужившей методологической основой разработки неортодоксальных теорий. Как писал П. Козловски, создаваемая Г. Шмоллером и исторической школой теория народного хозяйства опиралась на подход, в котором экономический анализ объединяет ключевые этические и культурные факторы, интегрируя в экономическую науку методы этики и культурологии [6, 132]. Идеи исторической школы находились в русле интересов российской науки и послужили важным импульсом формирования ее характерных черт: приоритета общего блага над индивидуальным; значимости социокультурных представлений человека в организации хозяйственной жизни; необходимости поиска самобытной модели развития народного хозяйства с учетом особой роли государства в формировании национальной системы хозяйствования и обеспечении ее суверенитета.

Становление неортодоксального институционализма происходило на основе исследований, выполненных Т. Вебленом, Дж. Коммонсом, У. Митчеллом, К. Эйрсом, Дж.К. Гэлбрейтом, Г. Мюрдалем, К. Поланьи и У. Каппом, которые подвергали острой критике неоклассическую теорию. При этом они стали опираться в своих исследованиях на экономическую модель человека исторической школы, привлекая также идеи классической школы. Выбор данной модели привел к тому, что неортодоксальные институционалисты с самого начала считали необходимым изучать экономику с помощью междисциплинарных методов. Использование при этом сложившейся неортодоксальной модели экономического человека предполагает построение теоретических описаний с помощью двухуровневого подхода: на ценностно-нормативном уровне анализ ценностей позволяет объяснять конструирование институтов экономики, а на институционально-инструментальном уровне рассматрива-

ется своеобразие поведения различных отдельных групп субъектов с учетом их экономического статуса.

Победное шествие экономического мейнстрима в значительной степени происходит в результате создания множества мифов, которые ориентированы на формирование убеждений об использовании его представителями методологии, способствующей адекватному описанию картины экономической реальности в отличие от альтернативных направлений ее исследования. В связи с этим распространяется нарратив о том, что лишь в рамках мейнстрима разрабатываются подлинно научные теории; предлагаемые неортодоксальными институционалистами описания экономических процессов опираются на архаичную методологию и носят донаучный характер. Однако на деле исследовательские рамки мейнстрима определяются применением экономической модели человека, которая является институционально-инструментальной частью неортодоксальной модели. В данной версии модели человека институты обуславливают специфику его экономического поведения; человек становится узником институциональных обстоятельств в неоклассической и других теориях мейнстрима. При этом представители мейнстрима активно создают стереотипы об особых достоинствах их теорий в результате замалчивания того, что они используют «усеченную» версию неортодоксальной модели человека, их теоретические описания основываются на заимствовании ключевых идей классической и исторической школ, а также неортодоксального институционализма.

Так, основы современной микроэкономики заложил А. Маршалл, заимствовав идеи классической и исторической школ, а макротеории мейнстрима используют идеи классической и посткейнсианской школ [3]. Контрактная теория, эволюционная теория фирмы и историко-экономическая теория неoinституционалистов основываются на заимствовании представлений классической и исторической школ и неортодоксального институционализма о влиянии институтов на экономическую деятельность и ее результаты, важности внедрения инноваций для повышения производительности труда и создания добавочной стоимости, а также о зависимости развития экономики от характера институциональных изменений.

В настоящее время представители мейнстримовских и неортодоксальных направлений исследования экономики предлагают различные теоретические описания, используя модифицированные версии модели экономического эгоиста с поведенческими аномалиями. В данных описаниях сохраняется традиция интерпретации экзогенного влияния неэкономических факторов на поведение и взаимодействия субъектов экономики; поэтому перспективы развития экономической теории видятся преимущественно в применении междисциплинарного подхода. Такое видение перспектив, как пишет А.Д. Некипелов, означает, что экономическая теория должна носить по своей сути междисциплинарный, гетерогенный характер; при этом размывание предмета ведет, в пределе, к отказу от нее как самостоятельной теории [11, 32].

Классическая модель экономического человека и смена вектора развития экономической теории

Сегодня все чаще критика мейнстримовской версии экономической модели человека и теорий экономического мейнстрима осуществляется в результате публичного признания того обстоятельства, что сторонники классической политической экономии относили ее к числу моральных наук и на данной методологической основе создавали свои теоретические построения. В связи с этим складывается волна интерпретаций предложенной А. Смитом модели поведения человека фактически в рамках понимания концептуального ядра неортодоксальными институционалистами, что способствует сохранению традиционного вектора развития экономической теории. Для поиска путей формирования адекватной реальностям исследовательской парадигмы необходимо отказаться от сложившихся под влиянием доминирования мейнстримовского мышления упрощенного и искаженного понимания модели человека классической школой и на этой основе задействовать ее когнитивный потенциал.

Смит и классики политэкономии при исследовании сложной системы стоимостных связей в экономике, следуя этической традиции Аристотеля в отличие от конкурирующих сегодня трактовок экономических мотивов поведения человека, исходили из того, что ее субъекты обладают способностями создавать взаимовыгодные

формы связей на основе достижения ценностного согласия. При этом экономические процессы изучались с учетом противоречивой дуалистической связи сущности и явления, содержания и формы [2]. Смит обратил внимание на то, что годовой труд нации, являющийся истинным источником ее богатства, становится регулятором экономики, который выполняет двойственную роль, определяя процессы формирования как предложения товаров, так и спроса на них. Так, он писал, что все предметы, которые покупаются за деньги, приобретаются трудом, как и предметы, приобретаемые нашим собственным трудом [14, 103]. Поэтому естественной (справедливой) ценой является равновесная рыночная цена, а цена товара, возникающая в зависимости от спроса и предложения, выступает справедливой трудовой оценкой его меновой ценности.

Выполненное К. Марксом исследование, опирающееся на модель человека классической школы, способствует формированию целостного видения эндогенного процесса построения многоуровневой системы стоимостных связей экономики. По Марксу, в силу двойственного характера труда стоимость характеризует двойственную связь затрат общественного времени на производство товаров и рыночного спроса. Данная связь проявляется в том, что созданный совокупный доход общества, выражающий в денежной форме величину рабочего времени общества, направляется на покупку тех или иных товаров в соответствии с платежеспособной потребностью общества [10, 204]. Поэтому вопреки традиционным представлениям феномен времени является не только измерителем стоимости производства товаров, но и измерителем их рыночной ценности (цены). Для Маркса модель поведения человека в товарном производстве выступает предпосылкой анализа рыночно-институциональных связей экономики, которые складываются в следствие ценностного согласия в условиях классовой дифференциации мотивов и превращения стоимости в цену производства. В его модели экономического поведения обращается внимание на наличие у человека способности создавать и внедрять инновации, что приводит к экономии времени и появлению прибавочного времени. Следовательно, всегда должен существовать создаваемый в результате роста производительности труда прибавочный продукт, на основе которого происходят процессы расширенного воспроизвод-

ства, но способы производства и распределения общественного продукта зависят от институционального устройства экономики. В мейнстриме отсутствует теория стоимости; замалчивание этого позволяет, как писал Р. Хайлбронер, «забыть», что фетишизм о г-не Капитале и г-же Земле, каждый из которых имеет право на вознаграждение за свой вклад в общественный продукт, был разоблачен Марксом [18].

Развивая идеи классической теории о статусе человека в экономике, М.И. Туган-Барановский рассматривал этический принцип в качестве единственной точки зрения построения внутренне связанной теоретической и практической части политэкономии, позволяющей подняться над противоположностью интересов при создании новых форм хозяйственной жизни. С позиции данного принципа человек является верховной ценностью; это требует признания того, что труд выступает основой стоимости, все виды труда могут сравниваться и поэтому объединяться в понятие общественного труда. Поскольку стоимость (затраты) является средством, а ценность — целью любого вида хозяйственного труда, то ценность и трудовую стоимость требуется рассматривать как основные категории любой формы хозяйствования [15, 224].

В современной экономике валовой внутренний продукт (ВВП) характеризует затраты и результаты системно связанной хозяйственной деятельности людей, возникающие на основе использования общественного времени в сложившихся институционально-структурных условиях. В связи с этим ВВП выражает величину общественно необходимого для его производства времени, выступает в виде созданной совокупной добавленной стоимости и направляется на цели потребления и инвестирования [10]. Применяемая в экономике денежная единица является измерителем величины общественного времени, необходимого для производства некоторой части ВВП. Хотя под влиянием институционально-структурных особенностей развития национальной экономики усложняется система ценообразования, но общественное время остается регулятором производства и обмена продуктов, так как стоимость создания продукта — это денежная оценка затрат общественного времени, а его цена — денежная форма общественно-временной оценки полезного результата производства [2; 3]. Признание человека верховной цен-

ностью способствует пониманию того, что рост производительности общественного труда, как отмечал еще Туган-Барановский, приводит к экономии общественного времени и возрастанию общественного продукта; данный избыточный продукт увеличивает доход общества, и поэтому могут одновременно возрасти и все общественные доходы.

Модель человека классической школы в отличие мейнстримовской модели исходит из этического принципа в качестве центрального ориентира разработки важнейших понятий политической экономии, который предполагает, что хозяйственная система складывается в результате достижения ценностного компромисса, а экономические феномены выступают формой проявления ее институциональных связей, обеспечивающих сочетание частных и общих интересов в данных конкретно-временных условиях. Сегодня возрастает значимость идей классической, немецкой и русской школ, связанных с особенностями реализации исторического подхода к анализу хозяйственных форм и институтов, в том числе частной собственности как экономического института. В связи с этим актуализируется подход С.Н. Булгакова к рассмотрению процессов изменения отношений собственности исходя из необходимости подчинения их общей цели освобождения от бедности и социальной неволи, проведения экономической политики на основе выбора лучших хозяйственных форм комбинаций частной и общественной собственности, соответствующих критерию роста общественного богатства [4].

Для формирования адекватного видения механизмов развития современной экономики важно отказаться от частно-эгоистичных трактовок капитала исходя из того, что признание капитала как особого экономического института предполагает создание системы неформальных и формальных видов институциональных связей, обеспечивающих воспроизводство и использование капитала в интересах его владельцев и общества. Вопреки мейнстримовским интерпретациям в национальном хозяйстве как целостном образовании в силу системной связанности хозяйственной деятельности людей возникает национальный по своей природе капитал, воспроизводство которого происходит за счет формирования инвестиционной части ВВП, а ее источником является инвестиционная составляющая стоимости, создаваемой каждым занятым в национальном

хозяйстве [2]. Поэтому Г. Форд в русле идей классической школы справедливо указывал, что капитал — это ресурс, доверенный данному человеку обществом, и должен использоваться в интересах общества; никто не может считать его личной собственностью, ибо не он один его создал [16, 155]. В реальной жизни возникают сложные проблемы построения механизма воспроизводства и накопления национального капитала, обеспечивающего его межотраслевое и внутриотраслевое движение в соответствии с меняющимися общественными потребностями на основе поддержания баланса экономических интересов всех заинтересованных сторон. Для решения данных проблем требуется учитывать особенности связи частных и общественных экономических интересов субъектов в рамках сложившейся ценностно-институциональной модели развития национального хозяйства и потребности ее изменения в соответствии с переменами во внешней и внутренней среде.

Реализация в последние три десятилетия в нашей стране либерально-монетарной политики, основанной на теоретических описаниях мейнстримом экономического поведения человека, привела к включению российской экономики в неокOLONIAльную систему, построенную западными странами, созданию механизмов торможения ее развития в результате появления разнообразных моделей ведения бизнеса, связанных с формированием рыночной коррупционной архаики и «яхтенно-офшорных» финансовых потоков. Поиск адекватной реальности национальной модели в условиях беспрецедентного санкционного давления, обуславливая необходимость отказа от догм либерального монетаризма, актуализирует идеи классической, немецкой и русской школ, а также неортодоксального институционализма. Для выхода на траекторию успешного суверенного развития, способствующую переходу к передовому технологическому укладу, важное значение приобретает поворот в экономической политике, который направлен на изменение миропорядка и построение национальной хозяйственной системы, ориентированный на устранение дисбаланса частных и общественных интересов на основе создания: стратегического планирования с двухконтурной финансовой системой, обеспечивающей доступное и длинное финансирование капиталовложений; механизмов государственного регулирования и контроля с привлечением информаци-

онных технологий и надзора за использованием капитала крупных компаний в соответствии с его предназначением, включая при необходимости меры по деприватизации собственности; налоговых, ценовых и иных инструментов, позволяющих перенаправлять финансовые потоки в интересах всего общества в соответствии со стратегическими целями суверенного развития национального хозяйства.

Заключение

Сложившееся в экономической науке кризисное состояние обусловливается использованием исследовательских подходов, которые опираются на разные версии модели человека, предложенной немецкой школой и предусматривающей интерпретацию поведения субъектов исходя из экзогенного влияния на них неэкономических факторов. При этом неортодоксальные исследования проводятся с помощью двухуровневого анализа экономических процессов: на ценностно-нормативном уровне объясняется институциональное построение экономики на основе доминирующих коллективных ценностей, а на институционально-инструментальном уровне описываются особенности экономического поведения. Мейнстримовские исследования ограничиваются рассмотрением процессов, происходящих лишь на институционально-инструментальном уровне, что приводит к заимствованию важнейших идей классической и немецкой школ, а также неортодоксального институционализма. Для выхода из сложившегося кризисного состояния экономической науки требуется осуществить поворот к модели человека классической школы, которая способствует формированию системно-целостного видения экономической реальности, изучению эндогенных процессов трансформации современной системы неокolonialного господства Запада и формирования траектории успешного суверенного развития национальной экономики. Вместе с тем следует учитывать, что смена мейнстримовского мышления затрудняется не только сложившимися стереотипами; за этим стоят мировоззренческие предпочтения, политические пристрастия и чудовищный корыстный интерес тех, кто оказывает финансовую поддержку для сохранения статуса-кво, включая финансирование научно-исследовательских центров [19].

Литература

1. *Автономов В.С.* Человек в зеркале экономической теории (Очерк истории западной экономической мысли). М.: Наука, 1993. 176 с.
2. *Бирюков В.В.* Дуалистическая теория стоимости и особенности изучения экономики как сложной системы // *Общество и экономика*. 2021. № 10. С. 20—40.
3. *Бирюков В.В.* Альтернативные институциональные стратегии разработки монетарных теорий // *AlterEconomics*. 2022. № 2 (19). С. 262—282.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства / Отв. ред. О. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 464 с.
5. *Капелюшников Р.* Кто такой homo oeconomicus? // *Экономическая политика*. 2020. Т. 15. № 1. С. 8—39.
6. *Козловски П.* Прощание с марксизмом-ленинизмом. Очерки персоналистской философии. СПб.: Экономическая школа, 1996. 215 с.
7. *Лист Ф.* Национальная системы политической экономии. Челябинск: Социум, 2020. 451 с.
8. *Лозина О.И., Тутов Л.А.* Методологические предпосылки модели человека в современной экономике // *Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика*. 2020. № 5. С. 24—39.
9. *Маевский В.* Воспроизводство основного капитала и экономическая теория // *Вопросы экономики*. 2010. № 3. С. 65—85.
10. *Маркс К.* Капитал. Т. 3. Ч. 1. М.: Политиздат, 1985. 508 с.
11. *Некипелов А.Д.* Кризис в экономической науке — природа и пути преодоления // *Вестник Российской Академии наук*. 2019. № 1 (89). С. 24—37.
12. *Нифаева О.В.* Экономика и этика: теория и методология взаимосвязи. Брянск: Новый проект, 2015. 280 с.
13. *Осипов Ю.М.* Философско-хозяйственный концептуализм // *Философия хозяйства*. 2018. № 4. С. 7—8.
14. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов // *Антология экономической классики*. М.: Эконов-Ключ, 1993. С. 79—396.
15. *Туган-Барановский М.И.* Социализм как положительное учение // *Образ будущего в русской социально-экономической мыс-*

ли конца XIX — начала XX века: Избр. произвед. М.: Республика, 1994. С. 202—250.

16. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения. М.: Финансы и статистика, 1989. 206 с.

17. Хубиев К.А., Рассадина А.К. Междисциплинарный метод в экономической теории: исторический опыт и перспективы // Вест. Моск. ун-та. Сер. 6. Экономика. 2020. № 2. С. 198–214.

18. Heilbroner R. Economics as universal science // Social Research. 1991. Vol. 58. No. 2. P 457—474.

19. Komlos J. How to change economics 101 // Challenge. 2021. Vol. 64. No. 3. P. 182—219.

20. Kurz H. German and Austrian schools // Handbook on the history of economic analysis / H. Kurz, G. Faccarello (eds.). Vol. II. Cheltenham: Edward Elgar, 2016. P. 252—273.

References

1. Avtonomov V.S. Chelovek v zerkale ekonomicheskoy teorii (Ocherk istorii zapadnoj ekonomicheskoy mysli). M.: Nauka, 1993. 176 s.

2. Biryukov V.V. Dualisticheskaya teoriya stoimosti i osobennosti izucheniya ekonomiki kak slozhnoj sistemy // Obshchestvo i ekonomika. 2021. № 10. S. 20—40.

3. Biryukov V.V. Al'ternativnye institucional'nye strategii razrabotki monetarnyh teorij // AlterEconomics. 2022. № 2 (19). S. 262—282.

4. Bulgakov S.N. Filosofiya hozyajstva / Otv. red. O. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2009. 464 s.

5. Kapelyushnikov R. Kto takoj homo oeconomicus? // Ekonomicheskaya politika. 2020. T. 15. № 1. S. 8—39.

6. Kozlovski P. Proshchanie s marksizmom-leninizmom. Ocherki personalistskoj filosofii. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1996. 215 s.

7. List F. Nacional'naya sistema politicheskoy ekonomii. Chelyabinsk: Socium, 2020. 451 s.

8. Lozina O.I., Tutov L.A. Metodologicheskie predposylki modeli cheloveka v sovremennoj ekonomike // Vest. Mosk. un-та. Ser. 6. Ekonomika. 2020. № 5. S. 24—39.

9. *Maevskij V.* Vospriizvodstvo osnovnogo kapitala i ekonomicheskaya teoriya // *Voprosy ekonomiki*. 2010. № 3. S. 65—85.
10. *Marks K.* Kapital. T. 3. CH. 1. M.: Politizdat, 1985. 508 s.
11. *Nekipelov A.D.* Krizis v ekonomicheskoy nauke — priroda i puti preodoleniya // *Vestnik Rossijskoj Akademii nauk*. 2019. № 1 (89). S. 24—37.
12. *Nifaeva O.V.* Ekonomika i etika: teoriya i metodologiya vzaimosvyazi. Bryansk: Novyj proekt, 2015. 280 s.
13. *Osipov YU.M.* Filosofsko-hozyajstvennyj konceptualizm // *Filosofiya hozyajstva*. 2018. № 4. S. 7—8.
14. *Smit A.* Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov // *Antologiya ekonomicheskoy klassiki*. M.: Ekonov-Klyuch, 1993. S. 79—396.
15. *Tugan-Baranovskij M.I.* Socializm kak polozhitel'noe uchenie // *Obraz budushchego v russkoj social'no-ekonomicheskoy mysli konca XIX — nachala XX veka: Izbr. proizved.* M.: Respublika, 1994. S. 202—250.
16. *Ford G.* Moya zhizn', moi dostizheniya. M.: Finansy i statistika, 1989. 206 s.
17. *Hubiev K.A., Rassadina A.K.* Mezhdisciplinarnyj metod v ekonomicheskoy teorii: istoricheskij opyt i perspektivy // *Vest. Mosk. unta. Ser. 6. Ekonomika*. 2020. № 2. S. 198—214.

Р.Н. ПАВЛОВ

**Социальное предпринимательство как носитель
новой идеологии***

Аннотация. В работе рассматриваются некоторые особенности развития социального предпринимательства как новой формы организации предпринимательской деятельности, направленной не на максимизацию прибыли собственников, а на реализацию соци-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Павлов Р.Н. Социальное предпринимательство как носитель новой идеологии // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 77—93. DOI: 10.5281/zenodo.7841248.

альных задач в условиях усиления неолиберальных тенденций в экономической политике и экономической теории в контексте выявления идеологических основ его развития. Показано, что, оставаясь в рамках неолиберальной идеологии, сохраняющей свое влияние в экономической науке, невозможно создать адекватную теорию, объясняющую значение социального предпринимательства в контексте процесса смены парадигм экономических отношений. В этом смысле представляется, что методология политической экономии, учитывая современные тенденции трансформации общественно-экономических отношений и отклонения тенденции общественного развития от рамок формально сохраняющейся, но приходящей в упадок неолиберальной парадигмы, оказывается весьма востребованной, тем более, что в число ее проблемных областей входят такие вопросы, как различие индивидуальной и общественной форм производства, соотношение между необходимым и прибавочным продуктом, а также распределение прибавочной стоимости (в случае ее возникновения). В настоящей работе данные методологические принципы применяются для анализа идеологических основ социального предпринимательства. Как показано в работе, во многом идеология социального предпринимательства зависит от баланса между его социальной и экономической миссиями. Также с точки зрения формационного подхода показано, что идеология социального предпринимательства формируется на этапе перехода от стадии «социализм-предтеча» к новой многоуровневой демократической модели зрелого социализма. Также отмечено, что с точки зрения разделения социального предпринимательства на надстройку и базис сущность социального предпринимательства как социалистической демократической модели вполне укладывается в новый базис, который вступает в противоречие с действующей парадигмой экономических отношений современного капитализма.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, политическая экономия, мейнстрим, производственные отношения, идеология.

Abstract. The paper considers some peculiarities of genesis of social entrepreneurship as a new form of organizing entrepreneurial activity aimed not at maximizing the owners' profits, but at realizing social

tasks in conditions of strengthening of neoliberal trends in the economic theory and economic policy within a context of deriving the ideological fundamentals of its development. It is shown that being under the dominance of neoliberal approach and its influence on the economic theory it's impossible to create an adequate theory explaining the significance of social entrepreneurship within a context of changing the paradigms of economic relations. In this sense, the methodology of the political economy seems to be highly demanded, allowing for the current trends of transformation of socio-economic relations and the deviation of the trend of social development from the framework of the neoliberal paradigm, which is formally in effect, but it is declining. Moreover, among its problematic areas one should mention such issues as distinguishing between the individual and social forms of production, relation between the necessary and added product, distribution of the added cost (in the case, when it emerges). In this paper these methodological principles are used to analyze the ideological fundamentals of social entrepreneurship. As it is shown in the paper, in most part the ideology of social entrepreneurship depends on the balance between its social and economic missions. Also in terms of the formation approach, it is shown that the ideology of social entrepreneurship is formed at the stage of the transition from the stage Socialism-precursor to the new multilevel democratic level of mature socialism. Also it is mentioned that in terms of dividing social entrepreneurship in two sides, — namely the superstructure and the basis, the essence of social entrepreneurship can be rather well laid within a new basis, which conflicts with a new paradigm of economic relations of modern capitalism.

Keywords: social entrepreneurship, political economy, mainstream, productionrelations, ideology.

УДК: 330.101.8

ББК: 330.101.22

Введение

Последние несколько десятилетий в развитии капитализма наблюдаются тенденции, которые можно было бы охарактеризовать как процессы социализации капитализма. Во многом это связано с тем, что в области предпринимательской деятельности появляются

новые организмы, которые получили название социальных предприятий, т. е. таких предприятий, которые функционируют не ради прибыли, а ради достижения определенного социального эффекта. По образу своей деятельности данные предприятия вступают в противоречие с обычными коммерческими предприятиями, поскольку с точки зрения прибавочной стоимости здесь, если она образуется, то реинвестируется в дальнейшие социальные проекты, а не присваивается топ-менеджерами или владельцами предприятия. Кроме того, данные предприятия пользуются активной государственной поддержкой, а не отдаются на произвол рыночных сил, как это происходит в случае с обычными коммерческими предприятиями. Так, например, в Великобритании правительство финансирует деятельность социальных предприятий посредством механизма государственных закупок, а в США посредством реализации программы «Выплата за успех», которая начала действовать еще в период президентства Б. Обамы, при которой инвестору возвращалась определенная сумма, вложенная им в реализацию конкретного проекта социального предприятия; в случае, если данное социальное предприятие достигало поставленной цели, ему возвращалась вложенная сумма, и он получал определенную премию, если социальному предприятию удавалось перевыполнить заявленную программу, но инвестор не получал ничего в случае, если социальному предприятию не удавалось достичь заявленной цели. В процессе финансирования данной программы были задействованы также и средства налогоплательщиков, а значит фактически данная программа реализовывалась с помощью государственного бюджета. По сути, государство в рассматриваемых странах начинает активно вмешиваться в процессы финансирования социальных предприятий, и тем самым это означает активное участие государства в развитии социальных предприятий.

То, что данные предприятия на самом деле отличаются от обычных коммерческих по характеру своей деятельности, не могут скрыть даже представители неolibерального направления из НИУ ВШЭ, когда пытаются изобразить данные предприятия как самокупаемые предприятия, функционирующие за счет устойчивого коммерческого эффекта, наилучшей гарантией которого служит получение дохода преимущественно от продажи товаров и услуг, а

не грантов и благотворительности, которые в качестве дополнительных финансовых ресурсов, однако, не исключены [4, 16]. То, что данная точка зрения является ошибочной, фактически вынуждены признавать сами эти авторы, когда заявляют, что для этих предприятий характерно такое обозначение, как not-for-profit (неприбыльные). Правда, они под этим понимают реинвестирование полученной прибыли в последующие социальные проекты, а не некоммерческий характер деятельности данных предприятий, как это принято понимать во всем мире, и на что, в частности, указывал Э.Н. Рудык в своем исследовании современных тенденций развития социальных предприятий [3, 263].

Все это позволяет говорить нам о том, что у социальных предприятий существует своя идеология, которая определяет образ поведения социальных предприятий, определяет их стратегию развития на долгосрочную перспективу и создает те основы их общественной миссии, которые отличают их от обычных коммерческих предприятий, действующих на основе максимизации прибыли и присваивающих прибавочную стоимость классом буржуазии. Именно по этой причине известный зарубежный исследователь Ч. Лидбитер назвал социальное предпринимательство мейнстримом инакомыслящих [14], потому что оно не укладывается ни в одну из тех схем, которые предлагают для него представители неолиберального направления экономической науки. Выражаясь образно, эти мейнстримовские концепции «трещат по швам», когда их пытаются натянуть на социальное предпринимательство для характеристики его образа действия как обычного коммерческого предпринимательства, отличающегося только выполнением определенных социальных обязательств.

Многообразие определений социального предпринимательства в современном мире

Одной из совсем необычной форм социального предпринимательства можно считать реформу, проведенную в Перу депутатом греческого парламента Еленой Панаритис, которая существенно улучшила жизнь трудовых мигрантов в данной стране. В результате этой реформы, данные трудовые мигранты получили возможность на законных основаниях приобретать недвижимость, которая до

этого фактически захватывалась ими на нелегальной основе. Главный результат данной реформы состоял в том, что благодаря процедуре легализации недвижимости у этих трудовых мигрантов появилась возможность заниматься предпринимательской деятельностью на данной территории, и в целом это способствовало экономическому росту и росту ВВП. После этого в своих многочисленных интервью Елена Панаритис называла себя социальным предпринимателем [18], что выглядит совершенно оправданным в данной ситуации. Таким образом, если учитывать данную реформу, то более широкое определение социального предпринимательства выглядело бы таким образом: социальное предпринимательство — это деятельность, направленная на решение социальных проблем, в результате которой возникает коммерческий успех, при котором основная целевая группа, ради которой данная деятельность осуществляется, получает возможность повысить уровень своего благосостояния на основе рыночного механизма, а также за счет привлечения внешних источников финансирования (грантов, субсидий, микрокредитов, инвестиций, государственных закупок и т. д.).

У социальных предприятий коммерческая составляющая скорее носит вспомогательный характер, в основном они пользуются внешними источниками финансирования, но поскольку они регулярно испытывают нехватку внешних источников, им приходится самостоятельно сводить концы с концами и выходить на рынок с тем, чтобы заработать определенную прибыль для реализации социальных проектов. Прибыль здесь является дополнительным источником дохода, а не главным, потому что для них главная задача — решать социальную проблему, а не быть самоокупаемым. И именно их идеология, которая заключается в том, что они действуют не ради прибыли (*not-for profit*), и определяет характер их деятельности как в целом некоммерческой, но в рамках которой может осуществляться коммерческая деятельность как вспомогательный источник финансирования. В другом определении в работе Ч. Силоса и Дж. Мейера [20] «социальное» относится к эффективному обслуживанию основных человеческих потребностей, *которые существующие рынки и институты не смогли удовлетворять*. Согласно их трактовке, социальные потребности являются целью достижения устойчивого развития [20, 242]. Подобным образом С. Церто и

Т. Миллер [9, 268] ссылаются на социальное как на выполнение базовых и долгосрочных потребностей, таких как предоставление пищи, воды, крова, образования и медицинских услуг тем, кто нуждается в них. Другая точка зрения, принадлежащая С. Хибберту, Дж. Хоггу и Т. Куинну, связана с устойчивым методом предоставления возможности группам, находящимся в неблагоприятной ситуации, улучшить свое положение [12, 299] для того, чтобы уменьшить (устранить) социальную исключенность и безработицу. В исследовании М. Шарира и М. Лернера [21, 7] «социальное» относится к ответам на социальные проблемы, будь то образовательные, связанные с благосостоянием, экологические или связанные со здоровьем. Наконец, Х. Некк и его коллеги [16] рассматривают окружающую среду как одну из многих социальных проблем, с которой мир сегодня сталкивается. Этот подход имеет своим результатом очень разнообразные и часто узкие интерпретации социальной ценности, того, кем являются социальные предприниматели и чем они занимаются. Хотя этот подход релевантен к конкретным исследовательским контекстам, ему трудно удержаться на концептуальном уровне при изучении гетерогенной популяции социального предпринимательства.

Кроме того, исследователи расходятся во взглядах на то, что собой представляет социальная ценность. Термин «социальная ценность» рассматривается как субъективный и сильно различается от одного контекста к другому, поэтому этот термин является неточным и трудным для измерения. А. Передо и М. МакЛиан [19, 59] полагают, что социальные ценности способствуют росту благосостояния или благополучия в данном человеческом сообществе, в то время как П. Мерфи и С. Кумбс [15, 326] подразумевают при этом лежащий в основе культуры общества ряд базовых ценностей, которые желательны и важны в цивилизованном обществе. С. Бриксон [8, 866], в свою очередь, определяет социальную ценность как то, что повышает благосостояние для Земли и ее живых организмов. По мнению ряда исследователей (см., например, [22]), общим знаменателем этих определений является их почти *идеологическая* (позиция в сторону продвижения благосостояния людей и местных сообществ (общественное или общее благо), основанного на ряде базовых ценностей. По сравнению с этим создание экономической цен-

ности в основном сосредоточено не на общественном благе, а на возрастании экономической отдачи и акционерного благосостояния [7; 10; 12].

Социальная и экономическая миссия социальных предприятий

В настоящее время некоторые исследователи, которые пытались проанализировать идеологические основы социального предпринимательства, полагают, что фактически любое социальное предприятие основывается на реализации двух миссий — социальной и экономической. При этом социальная миссия социальных предприятий относится к созданию ценности для «общественного блага», в то время как их экономическая миссия относится к созданию ценности для «частной выгоды». В то время как коммерческие предприятия сконцентрированы только на своей экономической миссии, отличительной чертой социальных предприятий является их социальная миссия в дополнение к экономической, и именно баланс между социальной и экономической миссией определяет в конечном итоге стратегию социального предприятия и его потенциал по реализации социальных функций. По мнению Р. Стивенса, Н. Морей и Дж. Брюнила [22], эти два явления могут быть ограниченными во времени, так как относительный баланс между социальной и экономической миссиями может различаться во времени из-за институционального давления, и здесь речь, видимо, идет о политическом давлении, поскольку в России в настоящее время ведущая роль в исследовании и практическом внедрении законодательных актов по социальному предпринимательству принадлежит НИУ ВШЭ, традиционно придерживающимся неолиберальных ценностей, и ее исследователи традиционно ставят экономические ценности развития (т. е. экономическую миссию) выше социальной. В этом плане в других странах социальные предприятия находятся в более выгодном положении, особенно в тех из них, в которых социальная миссия ставится выше экономической, в частности, в таких как Великобритания, США, Германия и Китай.

Идеология социального предприятия дает нам возможность определить, в какой степени социальное предприятие нуждается в государственной поддержке и в привлечении других внешних источников финансирования, поскольку если идеологически функция

социального предприятия состоит в помощи людям и производстве социальной ценности, доходящей до того, что это делается в ущерб экономической миссии, то это дает право признать, что данное предприятие действительно нуждается в сильной государственной поддержке и внешнем спонсорстве. В этом смысле социальное предпринимательство в Китае вполне можно рассматривать как иллюстрацию данного тезиса (см. рис. 1). Как мы видим, здесь доля внешних источников финансирования социального предпринимательства довольно значительна и свидетельствует о том, что идеологически данные предприятия ориентированы в первую очередь на реализацию социальной миссии, что делает их довольно уязвимыми с точки зрения возможностей для самоокупаемости.

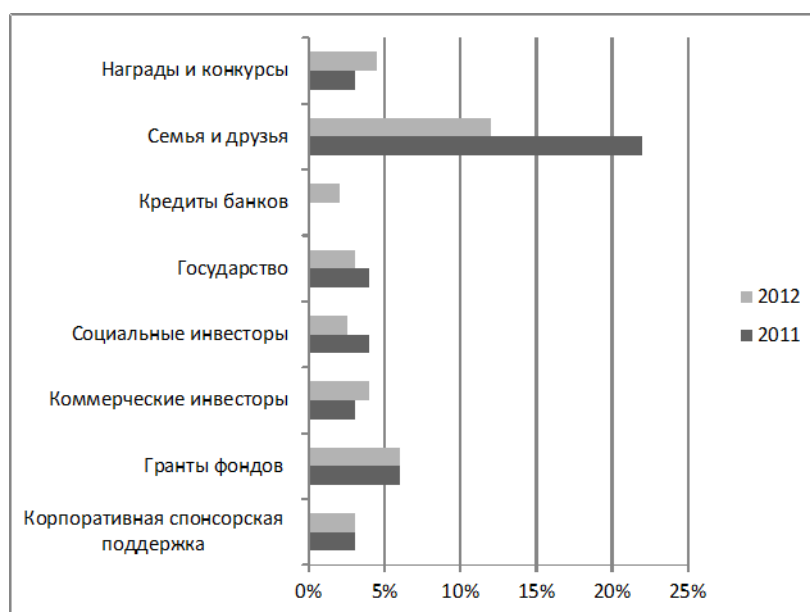

Рис. 1. Финансовые источники поддержки социального предпринимательства в Китае в 2011—2012 гг. [13]

По мнению Р. Стивенса, Н. Морей и Дж. Брюнила [22], социальные предприятия начинают действовать благодаря индивидам с просоциальной ценностной позицией, которые не руководствуются

частной выгодой. Эти социальные предприниматели альтруистичны в своей деятельности и ставят социальные ценности выше прибыльности. Для того, чтобы наполнить социальную и экономическую миссию содержательным смыслом, вышеуказанные авторы провели корреляционный анализ и выявили, что корреляция между утилитаристской идентичностью социального предприятия и относительной значимостью роста продаж положительна и значительна, в то время как корреляция между нормативной идентичностью и относительной значимостью роста продаж отрицательна и значима. Так, например, для социальной миссии характерны такие показатели деятельности предприятия, как нормативная идентичность, внимание к социальным целям и ценности, ориентированные на развитие местного сообщества, а для экономической миссии характерны такие показатели, как утилитаристская идентичность, внимание к экономическим целям и эгоцентричные ценности. Для каждой из этих миссий, соответственно, все эти показатели были положительно коррелированы, но между каждой из миссий для данных показателей наблюдалась отрицательная корреляция, что вполне объяснимо, учитывая противоборствующий характер между социальной и экономической миссиями.

Место социального предпринимательства с точки зрения современных тенденций формационного развития

Если оценивать место социального предпринимательства в контексте современных трансформаций социально-экономического развития, можно воспользоваться периодизацией современной истории экономических отношений, предложенной известным марксистом Д. Лайбманом. Согласно данной периодизации, получается, что социальное предпринимательство следует относить к стадии, которую он назвал «социализм-предтеча», которая, в частности, характеризуется следующей особенностью: возможности и сознание народных масс исторически ограничены, поскольку они проникнуты собственническо-индивидуалистической идеологией и практиками общества, из которого они вышли, смягчаемыми опытом кооперации в процессе производства, коллективной борьбы и солидарности — частично, но не полностью [2]. Все эти признаки можно вполне обнаружить у многих социальных предприятий.

Кроме того, они привносят в хозяйственную практику и элементы новой системы оценки эффективности предприятий. Известно, что эффективность социальных предприятий измеряется с точки зрения создания не экономической, а социальной ценности (social value). В этом смысле данная система является предтечей формирования такого механизма, как *многоуровневая демократическая итеративная координация* (Multilevel Democratic Iterative Coordination, MDIC), составляющего основу ядра зрелого социалистического общества [2], которое, согласно концепции Д. Лайбмана, является этапом, следующим за периодом социализма-предтечи [2]. Помимо других важнейших элементов координации социально-экономических процессов, данная система, в частности, включает в себя и критерии, характеризующие решение предприятиями ряда социальных задач: развитие самих работников, преодоление унаследованных от прошлого проявлений расслоения и угнетения по гендерному или расовому признаку, достижение намеченных целей, касающихся воздействия на окружающую среду, развитие отношений с местным сообществом, с другими предприятиями и т. д. Весь этот перечень как раз и является областью воздействия социального предпринимательства и, соответственно, объектом оценки, судя по некоторым публикациям в данной сфере (см., например, [23]). В этом смысле, относясь к периоду социализма-предтечи, социальное предпринимательство несет с собой также признаки генезиса следующего этапа — зрелого социализма — и поэтому, безусловно, вносит вклад в его формирование [6, 248]. Таким образом, скорее всего, можно определить способ производства, который представляет социальное предпринимательство, как переходный от капиталистического уклада к новой форме экономических отношений, в которых уже доминируют ценности солидарности и общества всеобщего благосостояния, а не индивидуалистические и частно-собственнические интересы. Называть ли этот этап зрелым социализмом или как-то иначе — покажет время. Сегодня день можно утверждать лишь одно: современное состояние капиталистических отношений достигло уже той стадии, когда для сохранения данной парадигмы и устранения всех ее противоречий государству приходится привносить в нее массу несвойственных ей элементов — элементов планирования, развития социального сектора и снижения

значительного уровня социального напряжения, обусловленного ростом социального неравенства [6]. Однако со временем все эти количественные изменения могут перерасти в качественные, и это может привести к процессу формирования нового интегрального общества, в котором ценности солидарности и сотрудничества будут играть бóльшую роль, чем ценности индивидуализма и конкуренции [6, 248]. Признаки этой рождающейся на наших глазах новой технико-экономической формации совершенно справедливо отмечает в своей работе С.Д. Бодрунов, указывая, что для нее характерно приоритетное развитие высокотехнологичного производства на базе социально-ориентированного регулируемого хозяйственного развития [1]. Важнейшей задачей для нее он отмечает необходимость заимствования опыта зарубежных стран в области государственного регулирования и программирования рыночной экономики. Активная роль государства по поддержке развития социального предпринимательства в Великобритании и США говорит о том, что оно фактически регулировало его развитие, включая его, таким образом, в общую программу развития страны, следствием чего явился высокий уровень его развития в этих странах [6].

Надстройка и базис социального предприятия

О том, что это явление является чужеродным по сути для действующей рыночной системы, писал А. Николлс, когда говорил о том, что оно бросает вызов рыночной парадигме на трех уровнях [17]. Согласно подходу А. Николлса, социальные предприятия бросают вызов доминирующей парадигме на трех уровнях: микро (предприятия), мезо (новые рынки, посредники) и макро (социально-экономическое воздействие, политическое значение). Это относится к социальным предприятиям, которые (1) реагируют на провал рынка и (или) институциональный провал путем разработки новых продуктов и услуг, (2) вносят вклад в реконфигурацию рынков, для того чтобы генерировать новую или увеличенную социальную ценность, и (3) бросают вызов институциональным системам через политическое воздействие [17]. Также в работе Николлса представлена классификация социальных предприятий в зависимости от каждого из представленных уровней. Так, например, первому типу (предприятия, которые реагируют на провал рынка или инсти-

туциональный провал путем разработки новых продуктов и услуг) соответствует институциональное социальное предприятие. Второму типу (реконфигурации рынков для того, чтобы создать новую или увеличенную социальную ценность) соответствует нормативное социальное предприятие. И, наконец, третьему типу (бросание вызова институциональным системам через поддержку и политическое воздействие) соответствует преобразующее социальное предприятие [17].

Во многом конфликтный характер между действующей парадигмой экономического развития и социальным предпринимательством можно объяснить тем обстоятельством, что если вспомнить известное с советских времен разделение экономики на надстройку и базис, можно с уверенностью говорить о том, что социальное предпринимательство можно также разделить на подобные категории и показать, что с точки зрения базиса социальное предпринимательство представляет собой новую идеологическую систему, вступающую в конфликт с действующей системой экономических отношений современного капитализма. Если применять здесь концепцию Д. Лайбмана к социальному предпринимательству как к переходному явлению, то получается следующая картина: основу, т. е. базис социального предпринимательства, составляет социалистическая модель, которую можно считать предтечей многоуровневой демократической системы, составляющей ядро зрелого социалистического общества. Ее основные элементы: кооперация, коллективная борьба и солидарность. При этом надстройка представляет собой уходящие в прошлое формы и тенденции капиталистической формации, а именно — присутствие собственническо-индивидуалистической идеологии и практик общества, из которого социальное предпринимательство вышло, т. е. структур ведения бизнеса, присущих капиталистической формации, а именно — наличие в структуре управления предприятия таких постов, как генеральный исполнительный директор, финансовый директор и других должностей, свойственных обычному коммерческому предприятию, составляющему основу капиталистического уклада.

Заключение

То, что у социального предпринимательства существует своя идеология, признают даже западные ученые, в частности, исследование Форемана и Уэттена [11] охватывает убеждения лидеров относительно организационной идентичности путем измерения их представлений об основных ценностях и идеологии. В России пока что на эту тему работ не существует, и наша статья является первой попыткой взглянуть на развитие социального предпринимательства с точки зрения его идеологии. Как было показано, идеология социального предпринимательства во многом зависит от баланса между его социальной и экономической миссиями. Также с точки зрения формационного подхода было представлено, что идеология социального предпринимательства формируется на этапе перехода от стадии «социализм-предтеча» к новой многоуровневой демократической модели зрелого социализма. При этом было отмечено, что с точки зрения разделения социального предпринимательства на надстройку и базис сущность социального предпринимательства как социалистической демократической модели вполне укладывается в новый базис, который вступает в противоречие с действующей парадигмой экономических отношений современного капитализма. Хочется надеяться, что это исследование является перспективным, поскольку в настоящее время внимание к идеологическим аспектам различных производственных систем усиливается по причине того, что потребность в идеологии как духовной сфере общества неуклонно растет, и поэтому в будущем может наблюдаться рост внимания к изучению идеологического аспекта как общества в целом, так и его отдельных производственных структур.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Обновление российской экономической системы: политико-экономический аспект // Вопросы политической экономики. 2015. № 2. С. 52—57.
2. Лайбман Д. Зрелый социализм: структура, предпосылки, переходные периоды // Альтернативы. 2013. № 1: URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/al-2013/19011-zrelyy->

socializm-structurs-predposylki-perehodnye-periody.html (дата обращения: 23.10.2017).

3. Рудык Э.Н. Социальное государство и социальное предприятие // Человек и экономика: справедливость и базисная демократия против тоталитаризма рынка и капитала / Под ред. А.В. Бузгалина, М.И. Воейкова. М.: Экономика, 2011. 556 с. С. 263—273.

4. Социальное предпринимательство в России и в мире: практика и исследования / Под ред. А.А. Московской. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 284 с.

5. Павлов Р.Н. Политэкономический анализ современных тенденций развития социального предпринимательства // Экономическая наука современной России. 2017. № 3. С. 113—128.

6. Павлов Р.Н. Политическая экономия как теоретико-методологическая основа для выявления основных тенденций развития социального предпринимательства // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. № 4. С. 235—251. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.15.

7. Austin J., Stevenson H., Wei-Skillern J. Social and commercial entrepreneurship: Same, different, or both? // Entrepreneurship Theory and Practice. 2006. No. 30 (1). P. 1—22.

8. Brickson S.L. Organizational identity orientation: The genesis of the role of the firm and distinct forms of social value // Academy of Management Review. 2007. No. 32 (3). P. 864—888.

9. Certo S.T., Miller T. Social entrepreneurship: Key issues and concepts // Business Horizons. 2008. No. 51 (4). P. 267—271.

10. Dees J.G., Anderson B.B. For-profit social ventures // International Journal of Entrepreneurship Education 2002. No. 2 (1). P. 12—38.

11. Foreman P., Whetten D.A. Members' identification with multiple-identity organizations // Organization Science. 2002. No. 13 (6). P. 618—635.

12. Hibbert S.A., Hogg G., Quinn T. Consumer response to social entrepreneurship: The case of the big issue in Scotland // International Journal of Nonprofit and Voluntary Sector Marketing. 2002. No. 7 (3). P. 288—301.

13. Lane A., Baral S., Simons K., Lane A., Zhang C. China Social Enterprise Report. 2012: URL: <https://www.bsr.org/reports/>

FYSE_China_Social_Enterprise_Report_ 2012.PDF (дата обращения: 24.01.2023).

14. Leadbeater C. Mainstreaming of the Mavericks // *The Observer*. 2007. March 25.

15. *Murphy P.J., Coombes S.M.* A model of social entrepreneurial discovery // *Journal of Business Ethics*. 2009. No. 87 (3). P. 325—336.

16. *Neck H., Brush C., Elle E.* The landscape of social entrepreneurship // *Business Horizons*. 2009. No. 52. P. 13—19.

17. *Nicholls, A.* What is the Future of Social Enterprise in Ethical Markets? Office of The Third Sector. London: URL: https://webarchive.nationalarchives.gov.uk/ukgwa/+/http://www.cabinetoffice.gov.uk/media/cabinetoffice/third_sector/assets/future_social_enterprise_ethical_markets.pdf (дата обращения: 21.01.2023).

18. *Panaritis E.* Prosperity Unbound. Building Property Markets with Trust. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2007. 182 p.

19. *Peredo A.M., McLean M.* Social entrepreneurship: A critical review of the concept // *Journal of World Business*. 2006. No. 41 (1). P. 56—65.

20. *Seelos C., Mair J.* Social entrepreneurship: Creating new business models to serve the poor // *Business Horizons*. 2005. No. 48. P. 241—246.

21. *Sharir M., Lerner M.* Gauging the success of social ventures initiated by individual social entrepreneurs // *Journal of World Business*. 2006. No. 41 (1). P. 6—20.

22. *Stevens R., Moray N., Bruneel J.* The Social and Economic Mission of Social Enterprises: Dimensions, Measurement, Validation, and Relation // *Entrepreneurship Theory and Practice*. 2015. Vol. 39. Is. 5. P. 1051—1082. DOI: 10.1111/etap.12091.

23. *Young R.* For what it is worth: Social value and the future of social entrepreneurship // *Social entrepreneurship: New models of sustainable social change*. Oxford: Oxford University Press, 2006. P. 56—73.

References

1. *Bodrunov S.D.* Obnovlenie rossijskoj ekonomicheskoy sistemy: politiko-ekonomicheskij aspekt // *Voprosy politicheskoy ekonomii*. 2015. № 2. S. 52—57.

2. *Lajbman D.* Zrelyj socializm: struktura, predposylki, perekhodnye periody // *Al'ternativy*. 2013. № 1: URL: <http://www.intelros.ru/readroom/alternativi/al-2013/19011-zrelyy-socializm-structurs-predposylki-perekhodnye-periody.html> (data obrashcheniya: 23.10.2017).

3. *Rudyk E.N.* Social'noe gosudarstvo i social'noe predpriyatie // *CHelovek i ekonomika: spravedlivost' i bazisnaya demokratiya protiv totalitarizma rynka i kapitala* / Pod red. A.V. Buzgalina i M.I. Voejkova. M.: Ekonomika, 2011. 556 s. С. 263—273.

4. *Social'noe predprinimatel'stvo v Rossii i v mire: praktika i issledovaniya* / Pod red. A.A. Moskovskoj. M.: Izd. dom Vysshej shkoly ekonomiki, 2011. 284 s.

5. *Pavlov R.N.* Politekonomicheskij analiz sovremennyh tendencij razvitiya social'nogo predprinimatel'stva // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. 2017. № 3. S. 113—128.

6. *Pavlov R.N.* Politicheskaya ekonomiya kak teoretiko-metodologicheskaya osnova dlya vyavleniya osnovnyh tendencij razvitiya social'nogo predprinimatel'stva // *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*. 2018. T. 11. № 4. S. 235—251. DOI: 10.15838/esc.2018.4.58.15.

И.В. ФИЛАТОВ

**Дж.С. Милль о методологии политической экономии:
завершение классического периода***

Аннотация. В статье исследованы методологические взгляды Джона Стюарта Милля (1806—1873) — английского экономиста, философа науки, логика. Милль завершил классический период развития британской политической экономии и был одним из предтеч будущей традиции, которая стала формироваться уже после его

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Филатов И.В. Дж.С. Милль о методологии политической экономии: завершение классического периода // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 93—105. DOI: 10.5281/zenodo.7841266.

смерти и на основе критики классической теории стоимости получила название маржинализма. Идеи Милля о разделении позитивной и нормативной экономической науки, построение общих предпосылок модели экономического человека широко используются современной неоклассической школой. По Миллю, политическая экономия должна основываться на сочетании индуктивных и дедуктивных методов. При этом изучение ограничений дедуктивного метода приводит к учету значения институтов как закономерностей поведения индивидов в хозяйственной системе. Важные следствия завершения классической политической экономии, которые предвидел Милль, — математизация экономического знания и применение гипотетико-дедуктивного метода. Статья подготовлена к 150-летней годовщине смерти ученого.

Ключевые слова: методология экономики, классическая политическая экономия, философия науки, экономический человек, гипотетико-дедуктивный метод, институты.

Abstract. The article explores the methodological views of John Stuart Mill (1806—1873), an English economist, philosopher of science, logician. Mill completed the classical period of British political economy and was one of the forerunners of the future tradition, which was called marginalism. Mill's ideas about the separation of positive and normative economics, the construction of general prerequisites for the economic man model are widely used by neoclassical economics. According to Mill, political economy should be based on a combination of inductive and deductive methods. At the same time, the study of the limitations of the deductive method leads to the consideration of the importance of institutions as patterns of behavior of individuals in the economic system. An important consequence of the completion of classical political economy, which Mill foresaw, is the mathematization of economic knowledge and the application of the hypothetical-deductive method. The article was prepared for the 150th anniversary of the death of John Stuart Mill.

Keywords: methodology of economics, classical political economy, philosophy of science, economic man, hypothetical-deductive method, institutions.

УДК 330.8
ББК 65.01

В богатой интеллектуальной истории XIX столетия Джону Стюарту Миллю выпала роль завершить классический период развития британской политической экономии. Одновременно с этим он, наряду с Уильямом Уэвеллом и Огюстом Контом, стал признанным основателем философии науки как самостоятельной области знания. Становление философии и методологии науки было связано с профессионализацией научной деятельности, в частности, с формированием дисциплинарной структуры социальных наук и, в особенности, политической экономии.

В своем замечательном биографическом очерке о Милле М.И. Туган-Барановский кратко рассматривает его учение о методах науки, изложенное в «Системе логики силлогистической и индуктивной»; [4]. Однако этому труду по общей философии науки предшествовала более специальная работа, посвященная анализу предмета и метода политической экономии. В 1831 г., когда в Англии шли оживленные дискуссии между последователями Д. Рикардо и его критиками, Милль пишет свое первое и основное методологическое произведение в области экономической науки — очерк, названный «Об определении предмета политической экономии; и о методе, свойственном ей». Небольшой и задуманный Миллем как предварительное введение к будущим «Основам политической экономии», очерк был дополнен идеями о разделении науки и искусства и опубликован в 1836 г. Через восемь лет он вошел в сборник «Эссе о некоторых нерешенных проблемах политической экономии» [3; 5]. Эта работа содержит основные экономико-методологические идеи Милля. В последующих трудах, включая «Систему логики», он либо повторял, либо уточнял те положения, которые высказал в этом первом очерке. В более поздних «Основах политической экономии» Милль практически не останавливается на методологических проблемах, что даже породило вопрос: насколько сам он следовал в конкретной работе собственным методологическим принципам и рекомендациям [1, 72; 7, 380; 8, 1045].

Через несколько десятилетий после опубликования Адамом Смитом своего главного труда увидели свет методологические ра-

боты Милля. Казалось бы это вполне достаточный период, чтобы политическая экономия вполне определилась со своим предметом, методами исследования и обоснования знания. Однако ни А. Смит, ни Д. Рикардо не оставили каких-либо ясных и подробных описаний методов своей работы. Не было определенности и с общим статусом этой новой науки, первой из других социальных наук выделившейся в качестве самостоятельной научной дисциплины из сложного комплекса философских, политических и моральных учений¹. Характерно в этом смысле, что в английской среде политическая экономия относилась к «моральным наукам», в немецкой — рассматривалась или как часть «камералистики» (науки о государственном управлении), или как одна из исторических «наук о духе». Во Франции О. Конт и его последователи в середине XIX в. отстаивали программу создания социологии как универсальной науки об обществе, по сути, отрицая необходимость политической экономии как особой науки. Поэтому Милль имел все основания рассматривать состояние «моральных наук», в том числе и политической экономии, как своего рода «пятно на лице науки», имея в виду как их «незрелость» по сравнению с развитием естественных наук, так и неразработанность в них методологической проблематики. Чтобы преодолеть такое положение политической экономии, Милль предлагал обобщить методы, свойственные тем областям знания, где «полученные результаты в конце концов были единогласны признаны всеми, кто обратил внимание на доказательство» [4, 124].

Как и классики политической экономии, Милль стремился найти некую рациональную основу для объяснения человеческого поведения в экономической системе, а также эволюции институтов, которые создает общество. При этом по своим взглядам он был со-

¹ Об этом хорошо написал русский философ и экономист С.Н. Булгаков в своей статье «Народное хозяйство и религиозная личность» (1909): «Политическая экономия в настоящее время принадлежит к наукам, не помнящим своего духовного родства. Ее начало затеривается в зыбучих песках философии просветительства XVIII века. У ее колыбели стоят, с одной стороны, представители естественно-правовых учений с их верой в неповрежденность человеческой природы и предустановленную естественную гармонию, а с другой стороны — проповедники утилитаризма — И. Бентам и его ученики, исходящие из представления об обществе как совокупности разрозненных атомов, взаимно отталкивающихся представителей различных интересов» [2, 343].

циальным реформатором, а общественная деятельность и произведения на социальные темы указывают, что Миллем двигало стремление к усовершенствованию общественных отношений. Именно этот практический мотив побудил его к тщательному изучению «принципов доказательства» и методов научного исследования в «Системе логики». Успех, достигнутый в первой половине XIX века в естественных науках (физики, химии, физиологии), а главное, в их практическом применении в виде технологий, убедил ученого в необходимости адаптации методов естествознания к исследованию человеческой деятельности. Милль отчетливо выражает свою веру в эффективность естественнонаучного метода как средства достижения истины в социальных науках: «С его помощью, — заявляет он, — мы можем впоследствии преуспеть не только в том, чтобы заглядывать далеко вперед в будущее человечества, но и определять, какие средства могут быть использованы, и в какой степени, для ускорения социального прогресса в той мере, в какой это возможно» [6, 11].

Поскольку разработка соответствующих методов в естественных науках принесла огромную материальную пользу, почему подобное научное исследование человека и общества не должно привести к столь же значимым результатам? Руководствуясь этим вопросом, Милль написал свою «Систему логики», в которой последней частью и наиболее важной для целей применения науки к решению проблем социального прогресса была книга «Логика моральных наук». Именно общая концепция естественнонаучных методов обеспечила Миллю логическую основу для исследований в этой области. Большинство из идей он унаследовал от своего отца Джеймса Милля и близкого друга семьи Иеремии Бентама. Оба они принадлежали к английской школе эмпириков, основывавшейся на философских системах Дж. Локка и Д. Юма.

В исследовании «Об определении предмета политической экономии» Дж.С. Милль проводит важное и ставшее позднее общепринятым разграничение между *позитивной* и *нормативной* экономической наукой (Джон Невилл Кейнс, Милтон Фридмен). В его системе это разграничение предстает в виде дилеммы между политической экономией как собственно наукой и ментальным, но прак-

тическим «искусством»², под которыми он понимает собственно научное экономическое знание и рекомендации и суждения по вопросам политики государства. Разделение науки и искусства применительно к политической экономии впервые встречается у Н. Сениора, однако Милль дает ему более глубокую трактовку, связывая его с учением о методе и логикой развития знания: «Наука принимает во внимание *явление* и стремится установить его *закон*, искусство ставит себе *цель* и ищет *средства* ее достижения. Поэтому, если политическая экономия — наука, она не может быть собранием практических правил, хотя, чтобы не быть бесполезной наукой, правила должны найти обоснование в ней» [5, 312]. В «Системе логики» отчетливо показана дисциплинарная неоднородность политической экономии: «Искусство ставит цель, которую нужно достичь, определяет эту цель и передает ее науке. Наука принимает ее, рассматривает как явление или факт, подлежащий изучению, а затем, разобрав причины и условия этого явления, отсылает его обратно искусству... Наука предлагает искусству положение (полученное при помощи ряда индукций и дедукций), что совершение известных действий поведет к достижению намеченной цели» [4, 764]. Данная констатация различия и одновременно взаимной зависимости науки и искусства соответствует общему учению Дж.С. Милля о рождении знания из опыта и выявляет один из главных стимулов развития науки.

Предметом политической экономии, по Миллю, является «производство и распределение богатства, насколько они зависят от законов человеческой природы» [5, 318]. Но экономическая наука имеет дело не со всеми особенностями и законами человеческой природы. Она выбирает узкий, абстрактный аспект человеческого поведения. В эссе Милль формулирует ставшее знаменитым описание «экономического человека». Разделяя методологический индивидуализм Адама Смита, он рассматривает человека как стремящегося к приобретению и накоплению богатства. В этом заключается его главная цель. Но здесь Милль ставит мысленный эксперимент:

²Термин «искусство» употребляется здесь не в привычном нам смысле художественного творчества, а в смысле, восходящем к античному понятию «*технэ*» (искусство, мастерство) как системе правил и навыков в осуществлении того или иного вида практической деятельности.

если бы люди не действовали на основе постоянных мотивов, которые можно назвать неэгоистическими, то какое тогда поведение они показывали бы в социуме, в котором действия руководствуются индивидуалистическими мотивами без исключения? Под влиянием частных устремлений человек стремится к безграничному росту своего дохода, но при этом он должен взаимодействовать с другими людьми, создавая и поддерживая институты собственности; устанавливая на основе старых торговых обычаев деловые кодексы и законы для того, чтобы не допустить внеэкономический захват собственности. Как люди, стремясь к снижению физических тягот труда и повышению его производительности, изобретают инструменты и машины; как происходит распределение продуктов труда по взаимной договоренности и на основе принятых и поддерживаемых законов, т. е. под воздействием складывающейся институциональной структуры, а также конкуренции. Причем Милль осознает, что конкуренцией на рынке управляют обычаи и деловые традиции, являющиеся важными неформальными регуляторами распределения продуктов и доходов; что эти обычаи поддерживают способы или институты рыночного взаимодействия между людьми раннего индустриального капитализма, к которым можно отнести, например, деньги — это «великое колесо обращения» Адама Смита, кредит или аренду земли. Действия людей политическая экономия склонна выводить из стремления к богатству. Эта предпосылка рассматривается как основополагающая. Однако множество проявлений человеческой природы вызваны не одним эгоистическим мотивом, возможно, множеством мотивов, допускает Милль. Человек предстает как существо, природа которого обуславливает предпочтение большего богатства меньшему. Это происходит во всех ситуациях, исключая те, в которых могут проявляться мотивы поведения, связанные с заботой о социальном благе, быть следствием индивидуального альтруизма. Но они трактуются только как исключение. Вряд ли хотя бы один ученый исходит из того, что человеческая природа действительно такова. Но этого нереалистического, по своей сути, допущения требует научный метод, который политическая экономия должна применять. При этом в тех сферах поведения человека, где индивидуальное богатство и безграничное стремление

к его росту не являются главными предметами исследования, политическая экономия не должна претендовать на абсолютные выводы.

Это предполагает понимание человека как более широкого существа, чем изолированная, абстрактная единица общества. Так, в книге «Об утилитаризме» Милль рассуждает о естественной основе чувств, которая поддерживает принцип всеобщего счастья и которая не может быть исследована с точки зрения отдельного индивида. Эта основа — социальные чувства, ощущение единства, которые усиливаются по мере прогресса цивилизации. Милль даже полагает, что можно будет поставить на службу человечеству «социальную эффективность» института религии [6, 12]. Сам ученый, повидимому, осознает неудовлетворительность своей интерпретации человеческой деятельности и социального прогресса. Он привносит в свою мысль элементы, которые смягчают детерминизм, обнаруживая, что в сложном явлении человеческой деятельности есть один элемент, который преобладает над всеми остальными как главный фактор общественного развития: способность к интеллектуальной деятельности, природное стремление к истине. Это главная определяющая причина социального прогресса и развития материальной цивилизации. Согласно тезису Милля, социальный прогресс подчиняется объективным законам, но знания человека являются главным фактором этого прогресса.

Очевидно, политическая экономия неизбежно ограничивает себя учетом только немногих мотивов человеческого поведения. Индивид предстает в ней не реальным человеком, а абстракцией. Поэтому и политическую экономию Милль характеризует как преимущественно абстрактное научное знание, которое опирается на «априорный метод». Однако «априорность» здесь понимается не в смысле И. Канта как независимость от всякого опыта, а как способ рассуждать, исходя из некой предварительно выдвинутой гипотезы. Так, вводимая гипотеза «экономического человека», согласно Миллю, основана на общих законах психологии и опыте наблюдения за окружающими исследователя людьми³. Но эти виды опыта, конеч-

³ Милль характеризует как «общеизвестный психологический закон», что «люди большую выгоду предпочитают меньшей».

но, отличаются от строгих наблюдений и экспериментов, которые проводят, например, естествоиспытатели.

Наличие такого рода абстракций и предпосылок в политической экономии приводит Милля к необходимости сочетания индуктивных и дедуктивных методов. Следует отметить, что Милля обычно считают последовательным защитником эмпиризма и индуктивизма. Действительно, любая наука, с его точки зрения, в своей общей содержательной характеристике индуктивна. Рост научного знания — это движение от наблюдаемых фактов к законам эмпирическим и оформление полученных знаний в определенную систему. Однако, обращаясь в последней части своей «Системы логики» к «моральным наукам», Милль признает, что в них обычные индуктивные методы не применимы в силу множественности действующих в социальной жизни факторов и причин и невозможности проводить эксперименты. Дедуктивный метод позволяет преодолеть данные сложности: «Общераспространенное мнение, что настоящими методами исследования вопросов общественной жизни являются методы бэконовской индукции, что истинным руководителем служит здесь не умозаключение из общих положений, а специальный опыт, — воззрение это со временем будут приводить как один из самых несомненных признаков низкого развития спекулятивных способностей в ту эпоху, когда подобное воззрение могло пользоваться признанием. Ничего не может быть потешнее тех пародий на экспериментальное умозаключение, какие встречаются не только в обыденных рассуждениях, но и в серьезных трактатах, — раз дело идет о жизни народов» [4, 368].

В политической экономии индукция призвана служить не методом установления законов, но средством проверки достоверности тех следствий, которые дедуктивным путем выводятся из гипотетически вводимых исследователем принципов и предпосылок. И Милль рекомендует применять тот метод, который с начала XX в. стал широко распространяться. В методологии и философии науки он получил название гипотетико-дедуктивного метода. Выразим словами ученого практически современное его восприятие: «Мы начинаем с какого-нибудь предположения (хотя бы и ложного) для того, чтобы посмотреть, какие следствия будут из него вытекать; а наблюдая то, насколько эти следствия отличаются от действитель-

ных явлений, мы узнаем, какие поправки надо сделать в нашем предположении» [4, 400].

Дедуктивное развертывание исследования позволяет, с одной стороны, абстрагироваться от так называемых «искажающих» экономическое поведение факторов, с другой стороны, оно приводит к обнаружению границ абстрагирования: «Политэконом исследует, каковы те действия, которые должно было бы породить желание богатства, если бы в рассматриваемых областях оно не наталкивалось ни на какие другие желания. Этим путем он насколько возможно близко подходит к действительным отношениям, имеющим место в этих областях... В какой степени (как нам известно или как можно предполагать) на поведение людей в их погоне за богатством оказывают побочное влияние также и другие свойства нашей природы, кроме желания получить с наименьшим трудом и самоотречением наибольшее количество богатства, в такой же степени и политическая экономия не может объяснять и предсказывать действительные события до тех пор, пока ее положения не видоизменены правильным учетом влияния других причин» [5, 323].

Вполне отчетливо понимал ученый ограниченность исходных абстракций и дедуктивного метода политической экономии, основанного на известных упрощениях и стремлении вывести универсальные зависимости. Так, он пишет: «У английских политэкономов было в большом ходу обсуждать законы распределения продуктов, исходя из такого предположения, которое едва ли где-либо осуществляется, кроме Англии и Шотландии: а именно, из предположения, что продукты делятся между тремя классами, совершенно отграниченными друг от друга (между рабочими, капиталистами и землевладельцами), и что эти классы являются свободными деятелями, могущими и по закону, и фактически назначать за свой труд, свой капитал и свою землю всякую цену, какую только они в состоянии получить за них... Они (законы. — *И.Ф.*) неприложимы там, где почти единственным землевладельцем выступает государство, как в Индии. Они неприложимы там, где земледельческий рабочий обыкновенно является собственником и самой земли, и капитала, как это часто бывает во Франции, или одного только капитала, как в Ирландии» [4, 822]. Однако вера в силу дедуктивного метода политической экономии все же имеет место быть: «Кто с полной точностью

изучил законы, определяющие при свободной конкуренции ренту, прибыль с капитала и заработную плату, тот нисколько не затруднится определить и весьма отличные от них законы распределения при любом из сочетаний общественных условий и земельной собственности» [4, 823].

Как видим, изучение преимуществ и ограничений дедуктивного метода приводит Милля к учету значения институтов. Объяснения человеческого поведения в терминах стремления к богатству должны основываться не только на эмпирическом исследовании реакции индивидов на социальное окружение, но и на знании и понимании роли институтов, которые мы называем неформальными, — образе жизни, нравах, обычаях и традициях, которые придают действиям человека значение и определяют эти действия. Институт представляет собой определенный вид единообразия, а единообразие, по Миллю, можно понять только путем обобщения. Поэтому исследование экономических институтов должно заключаться в наблюдении поведения людей как повторяющихся, регулярных моментов их хозяйственной жизни и выражении институтов как типичных форм деятельности в виде обобщений и тенденций.

Сохраняя в известной степени эмпирический, описательный характер, политическая экономия должна стремиться к дедуктивным построениям. В этом Милль видит ее будущее. Последующее развитие политической экономии, области знания со «сложным» предметом, исследующее взаимодействие человека и общества, возможно лишь на основе гипотетико-дедуктивного метода. Важное из следствий такого развития политической экономии, которое очень ясно предвидел Милль в первой половине XIX века и в чем он, несомненно, оказался прав — математизация экономического знания. Почему математизация возможна, а в дальнейшем и необходима для политэкономии? Милль считал, что политическая экономия могла бы стать дедуктивной наукой, если бы в процессе познания можно было бы исследовать посредством чисел и формальных знаков и человека, и общество. Это дало бы возможность использовать математику, количественно описывать экономические явления и действия человека, так как, по мнению ученого, «предложения науки о числах исполняют лишь то назначение, какое свойственно всем вообще предложениям, образующим цепь доказатель-

ства: они позволяют нам косвенным образом, посредством признака признаков, приходить к таким свойствам предметов, в которых нельзя или неудобно удостовериться непосредственным опытом» [4, 176].

Методологические идеи британского классика являются мировоззрением, отражающим философию «моральных» наук в период завершения и систематизации британской политической экономии того времени. Его представления о природе экономической теории как дедуктивной науки с априорно вводимыми предпосылками, в том числе абстракцией «экономического человека», стали неотъемлемой частью неоклассической традиции. Их следы легко обнаружить в более поздних работах по методологии экономической теории, в том числе таких влиятельных, как «Эссе о природе и значении экономической науки» Л. Роббинса или «Методология позитивной экономической теории» М. Фридмена.

Литература

1. Автономов В.С. Модель человека в экономической науке. СПб.: Экономическая школа, 1998.
2. Булгаков С.Н. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993.
3. Милль Дж.С. Основы политической экономии с некоторыми приложениями к социальной философии. М.: Эксмо, 2007.
4. Милль Дж.С. Система логики силлогистической и индуктивной. Изложение принципов доказательства в связи с методами научного исследования. М.: «Книжное дело», 1899.
5. Mill J.S. On the Definition of Political Economy; and on the Method of Investigation Proper to It // The Collected Works of John Stuart Mill. Vol. 4. Toronto: University of Toronto Press, 1967.
6. Thilly F. The Individualism of John Stuart Mill // The Philosophical Review. 1923. Vol. 32. No. 1.
7. Viner J. Bentham and J.S. Mill: The Utilitarian Background // The American Economic Review. 1949. Vol. 39. No. 2.
8. Whitaker J.K. Review: John Stuart Mill's Methodology // The Journal of Political Economy. 1975. Vol. 83. No. 5.

References

1. Avtonomov V.S. Model' cheloveka v ekonomicheskoy nauke. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1998.
2. Bulgakov S.N. Soch.: V 2 t. T. 2. M.: Nauka, 1993.
3. Mill' Dzh.S. Osnovy politicheskoy ekonomii s nekotorymi prilozheniyami k social'noj filosofii. M.: Eksmo, 2007.
4. Mill' Dzh.S. Sistema logiki sillogisticheskoy i induktivnoj. Izlozhenie principov dokazatel'stva v svyazi s metodami nauchnogo issledovaniya. M.: «Knizhnoe delo», 1899.

А.И. ВАСИЛЬЕВ

Современные метаэкономические взгляды ставят важнейшую цивилизационную задачу*

Аннотация. В статье представлен ряд исследований метаэкономического характера, включая авторские, с целью обратить внимание научно-философского сообщества на ситуацию «новых возможностей» для общественного прогресса и показать необходимость ее осознания с позиции национальных интересов, целей. Рассмотрены подходы, понятия и направления исследований, показано отличие их от авторских, отмечена ограниченность большинства работ морально-этическим уровнем и антропоцентричным подходом. Обращено внимание на общую ограниченность современных работ метаэкономического характера ввиду опоры исследователей на экономическую методологию, на экономизм. Кратким раскрытием основных работ, дополнительно к предыдущим публикациям автора, показано возникновение ситуации «новых возможностей» и, соответственно, научной задачи цивилизационного характера. В выводах относительно ее решения сформулированы основные барьеры.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Васильев А.И. Современные метаэкономические взгляды ставят важнейшую цивилизационную задачу // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 105—120. DOI: 10.5281/zenodo.7841225.

ерные задачи, без решения которых невозможно общественно рациональное решение главной задачи — организации научного обеспечения эмерджентного скачка к общественному прогрессу.

Ключевые слова: экономика, метаэкономика, метаэкономия, политическая экономия, гуманизация, этика, культура.

Abstract. The article presents a number of meta-economic studies, including authors, in order to draw the attention of the scientific and philosophical community to the situation of «new opportunities» for social progress and show the need for its awareness from the standpoint of national interests and goals. Approaches, concepts and directions of research were considered, their difference from the authors was shown, the limitations of most works were noted by the moral and ethical level and the anthropocentric approach. Attention is drawn to the general limitations of modern works of a meta-economic nature due to the reliance of researchers on economic methodology, on economics. A brief disclosure of the main works, in addition to the previous publications of the author, shows the emergence of a situation of «new opportunities» and, accordingly, a scientific problem of a civilizational nature. In the conclusions regarding its solution, the main barrier problems are formulated, without solving which a socially rational solution to the main problem is impossible — the organization of scientific support for an emergent leap towards social progress.

Keywords: economics, meta-economics, meta-economy, political economy, humanization, ethics, culture.

УДК 330
ББК 65.01

Введение

Известные кризисные и социально ущербные явления в последние десятилетия вызвали в научно-философском сообществе многие исследования, которые, думается, полезно научно обобщить теперь термином «метаэкономические взгляды» и подвергнуть совместному сравнительному анализу с позиций современных научно-исторических и системных знаний.

К настоящему периоду авторские исследования сложились таким образом, что, кроме прочих научных результатов, удалось объединить многие из своих системных исследований в определенные основания интегральной парадигмы общественного развития, которые научно соответствуют предложенному ранее термину *метаэкономика* [1]. К тому же, в конце 2022 г. были обнаружены (в интернет-поиске) и иные подходы, исходящие от реальной экономики, с обозначением их соответствующим (в авторском видении) термином — *метаэкономикой*. Они основываются на научно-историческом анализе экономического развития многих стран — главным образом в этико-культурном плане. В экономическом плане, кроме исследований по философии хозяйства, выделяются работы российских экономистов Б.М. Генкина и А.А. Олейникова [3; 10], а в этико-культурном плане — грузинского ученого Г.М. Малашхия [8; 9] и Т. Седлачека [14], который в своем выдающемся историческом исследовании рассматривает вопросы метаэкономики, связанные с историей, философией, антропологией, социологией и культурологией (этот выдающийся труд чешского ученого (2012), работавшего в администрации Вацлава Гавела, надо рассматривать отдельно, с позиций культурологии).

Все указанные научные работы вместе с авторскими ставят академическую задачу цивилизационного характера, прежде всего для России: поскольку являясь научными, системными обобщениями великого экономического и жизненного опыта человечества, они, несомненно, должны быть трансформированы академическим сознанием в определенные метаэкономические (политические) установки для общественно прогрессивных социально-политических и социально-экономических преобразований. К метаэкономическим взглядам следует, несомненно, отнести и обобщающие (интегральные) взгляды на великий опыт СССР — например, взгляд на базисные основания «Русского экономического чуда», представленного всему миру великим опытом СССР [2].

В связи со 100-летием образования СССР нельзя не обратить здесь внимания на работу (с 2005 г.) российско-грузинского международного научно-исследовательского центра «Человек» в Санкт-Петербургском и Тбилисском государственных университетах под руководством В.В. Парцвания. Некоторые сведения о нем и публи-

кации сохранились на сайте кафедры философской антропологии СПбГУ, в том числе итоговые публикации Г.М. Малашиха — статьи в сборниках указанного Центра [8]. Но особо информативной, в том числе по «перестроечному» опыту СССР, видится монография Г.М. Малашиха [9], в которой он подробно излагает не только свои философско-экономические взгляды метаэкономического характера, но и итоги перехода республик СССР к рыночной экономике.

В заключение вводных сведений нельзя не обратить внимания на методологию метаэкономического мышления. Еще в начале своих исследований автор использовал не только профессионально освоенную системную методологию (усиленную известной организационной наукой А. Богданова и системными обобщениями в теоретической биологии), но и принцип, установленный еще древнегреческими мыслителями — «только тогда можно понять сущность вещей, когда знаешь их происхождение и развитие» (многие исследователи указывают на «генетический подход»). Этот методологический принцип особенно значим для современных метаэкономических исследований. В этом плане полезно сразу же обратить внимание на опыт Карла Полаanyi. Но он, можно сказать, недоработал, однако, в части анализа происхождения *экономики*.

О понятиях, подходах и направлениях метаэкономического мышления

По исследованиям В.Я. Железнова [6] видно, что Аристотель определял экономику как практически необходимую совокупную хозяйственную деятельность, которая обеспечивала устойчивое (надежное) существование, воспроизводство и какое-то развитие общества (полиса). На этой практической основе, включающей и установившуюся, благоприятную для общества этику, моральные нормы, он пытался определить и некие принципы, нормы организации и сохранения общественно благоприятной экономической деятельности. При этом само слово-термин *экономика* определилось тем, что в тот период повсеместно господствовала деятельность по целям сохранения и всемерного, ускоренного развития (при господстве состязательности, конкуренции) так называемых *хозяйств* — личных и групповых, артельных и прочих.

В тот аристотелевский период уже повсеместно действовали рыночные отношения и способы денежного обогащения. Хорошо видя, что деятельность, направленная на безмерное личное обогащение (ее называли *хрематистикой*), не обеспечивает в должной мере общественно благоприятное развитие общего хозяйства и поглощает многие общественные ресурсы, Аристотель не включал ее в *экономику*. Однако позже, в связи с повсеместной устремленностью к личному обогащению, все способы таковой деятельности (коммерческая торговля, ростовщичество и пр.) были включены в понятие *экономики* и прочно закрепились экономистами-теоретиками (см. историю). Этот исторический момент происхождения *экономики*, достаточно полно представленный В.Я. Железновым и поверхностно рассмотренный К. Полаanyi, не попал в поле глубокого анализа первых и последующих экономистов-теоретиков. Выдающуюся работу В.Я. Железнова надо анализировать, конечно, отдельно, но уже предварительное ознакомление с ней показывает, что Аристотель исследовал не отношения, связанные с экономикой в современном определении, а средства достижения целей (блага) и процессы развития хозяйств, составляющих общенародное хозяйство. Теперь, на основе богатейшего экономического опыта и, главное, при существенных достижениях в научном самопознании, как человеческом, так и общественном, при хорошо видимых и обостренных уже необходимости ускоренного совершенствования экономической деятельности ради всеобщей военной и экологической безопасности, ради общественного возвышения человека, возникает необходимость именно метаэкономического мышления.

С научных позиций видно, что переход на этот уровень должен быть обеспечен интеграцией высших, выверенных знаний о человеке и обществе, и, стало быть, о природе, из которой вышел человек и внес в общество определенные фундаментальные закономерности, законы воспроизводства и развития. Именно таким образом и мыслил автор данных строк, когда начинал свое системное мышление метаэкономического уровня [1]. В то же время, к современному периоду, как выяснилось недавно и обусловило итоговую авторскую работу, сложился ряд других метаэкономических исследований, начиная с работ Г. Малашия [8; 9] и Т. Седлачека [16], близких по морально-этическому и антропоцентричному подходу

(см. также — www.metaeconomics.info). Отсюда, думается, и термин *метаэкономика*, предложенный Г. Малашхия (возможно впервые), на основе лишь этически-гуманного возвышения мышления над реальной экономикой. Соответственно, исследования этого характера направлены на гуманизацию экономики посредством воспитания и образования «нового человека», установления общественно благоприятных морально-этических норм в экономической деятельности.

Другие исследования имеют, кратко говоря, «хозяйственный подход», исходят из национальных целей роста и совершенствования народного хозяйства, т. е. продолжают российское философское мышление в русле философии хозяйства [12; 15]. Современные результаты в этом направлении требуют отдельного рассмотрения, совместно с недавней работой А.А. Олейникова [10]. Здесь можно лишь отметить, что они исходят, в значительной мере, из сложившихся экономических принципов развития народного хозяйства, «изнутри» сложившейся экономики. Среди представленных исследований выделяется работа Б.М. Генкина [3], основанная на теоретических исследованиях автора в области организации производственной деятельности. Она направлена на человеческую и общественную рационализацию всей экономики, но, как и многие другие, на основе сложившихся экономических принципов (подробнее далее).

Кроме отмеченных недостатков мышления, виден главный — не учитывается всеобщий системный принцип «живых организаций» — к которым, несомненно, следует относить и общество (как метаорганизацию) — *частное, единичное подчинение целостному состоянию с жизненной взаимозависимостью* (определенная автономность человеческих Единиц смягчает эту зависимость). Лишь в этом структурно-функциональном, иерархическом соподчинении могут быть достигнуты наивысшие параметры (свойства) организации относительно окружающего мира. То есть метаэкономическое мышление должно опираться, прежде всего, на этот принцип, который уже известен в социологии как принцип социотризма.

Поскольку метаэкономическое мышление устремлено, в сущности, к высшему самопознанию, в частности, к познанию объек-

тивно необходимой и общественно рациональной целевой жизнедеятельности человека и общества (которая была названа во всей совокупности *экономикой* — в плане хозяйственной деятельности), то мы должны, непременно, осознать теперь и основы, определившие установление *политической экономии* — как науки, тоже соответствующей высшему уровню мышления по поводу общественно-производственных отношений и законов, определяющих производство, распределение, обменные процессы и потребление в обществе (согласно исходному ее определению). Учитывая существенный недостаток научных знаний о человеке и обществе в период установления политической экономии и формирование ее на основе исторических обобщений экономического развития, теперь видится научно обоснованной замена этого термина на *метаэкономию*, с соответствующим обновлением научно-исторических оснований адекватно современным достижениям в научном самопознании и современной методологии исследований и проектирования особо сложных организаций (систем). Политическая экономия установилась и развивалась в своем содержании как научно-историческое (традиционное) предписание (назидание) для правителей и элит общества сохранять установленные ею (на базе великого опыта) принципы, нормы и правила жизнедеятельности, определяющие общественное производство, распределение, обменные процессы (в том числе внешние) и потребление. Социалистически развитый образец такого рода «экономии» представлен выдающимся теоретиком своего времени В.Т. Рязановым [14].

Метаэкономия (согласно исследовательскому опыту автора) имеет аналогичное назначение, но исходит при этом из современных научно-исторических знаний о человеке и обществе, из фундаментальных закономерностей, имеющих всеобщий характер. Приставка «мета» означает и надгосударственный уровень данной науки, т. е. ее назидательное значение и для политического мышления, для государственного комплекса управления общественным воспроизводством и развитием. Размышления в этом плане приводят нас к перманентной проблеме установления общественно рационального взаимодействия социально-гуманитарных наук (включая социологию и экономику) и власти. В современной России оно мо-

жет осуществляться, очевидно, через функционально связанную с государством Академию — РАНХиГС (по ее назначению).

Соответственно высшему уровню интеграции знаний мета-экономика должна общественно целесообразно и рационально определять и обосновывать правовое установление не только экономических деятельностей, но и всех прочих, обеспечивающих совокупное целерациональное движение общества — внутреннее и внешнее.

Примеры российского опыта метаэкономического мышления

Здесь видится полезным рассмотреть дополнительно к ранее представленным взглядам зарубежных и российских ученых (Т Седлачек, Г.Д. Линн, Г.М. Малашиха, Б.М. Генкин и др.) новые сведения по российским работам, найденным автором в расширенном поиске. Прежде всего, надо представить работы Г.М. Малашиха (которого, судя по календарному периоду и содержанию работ, можно считать и российским). Он акцентирует внимание в своем мышлении, главным образом, на нравственных и этических нормах человека и общества, прослеживая всю историю экономического развития. В монографии [9] мы видим, например, такие темы:

- Богатство и его воспроизводство (с анализом общественного значения *богатства*).
- Распределение и перераспределение благ (богатства).
- Потребление богатства. Праздная экономика.
- Эффективность экономики и экономическая динамика.
- Позитивы и негативы рыночной экономики.
- Неизбежность перехода на новую экономику, на новый образ жизни.
- Нерыночная экономика.
- Штрихи архитектуры нового общества. Конец капитализма.

Автор отмечает, например: «*Нерыночная экономика имеет в виду новый образ жизни* (а не модели бывших социалистических стран), создает больше предпосылок для подлинной свободы и прав человека, для их соблюдения на основе новой ценностной ориентации. Вместо мотивов чрезмерного обогащения, она основана на гуманной идеологии, направленной к дружбе и взаимной благосклон-

ности людей. *Новый человек — субъект нерыночной экономики будет простым и умеренным, внутренне свободным от излишних склонностей и потребностей. <...> Мотивацией в ней является не частное, а всеобщее благополучие. Члены общества будут заботиться не только о личном, но и о благополучии всех сограждан, всего народа. Эпоха господства эгоистических интересов завершится, начнется эпоха альтруизма, человеческого человека, которому уступит место экономический человек. Эта эпоха и соответствует подлинной сущности человека*».

Здесь полезно привести и дополнительные сведения по основной работе экономиста-теоретика Б.М. Генкина. Он подходит к научному определению *метаэкономики* путем теоретических исследований экономики как таковой и организации производственных, трудовых процессов [3]. В своей монографии он отмечает: «Более тысячи лет известен термин “метафизика”, который имеет много значений, однако по своему содержанию этот термин, прежде всего, относится к метатеории физики, т. е. к принципам исследования природы. Имеются публикации по метахимии, метабиологии, метапсихологии и другим метанаукам. Границы между основаниями науки и ее метатеорией нельзя считать общепризнанными даже в математике. Поэтому мы будем рассматривать метаэкономику как основу теоретического ядра экономических наук.

Дискуссии о фундаментальных основах экономической науки ведутся со времен Аристотеля. Эта проблема рассматривалась А. Тюрго, Ф. Кенэ, А. Смитом, Д. Рикардо, К. Марксом, Дж. Кейнсом, О. Контом, Дж. Миллем, А. Маршаллом, Дж. Кейнсом, М. Вебером, С. Булгаковым и другими классиками экономики, социологии и теологии.

Эволюция представлений об исходных положениях экономической науки достаточно полно изложена в монографиях (Козловски, 1999) и (Автономов). Известны попытки формирования системы аксиом, определяющих хозяйственную деятельность (Гринберг, Рубенштейн). <...> Наряду с этим в литературе 80—90-х гг. XX в. все настойчивее звучат призывы к системному анализу общества с учетом взаимосвязи экономических, этических, экологических, политических и других факторов (курсив наш — А.В.). Предлагается создание “этической экономии” (Козловски, 1999), “экологической

экономики” (Хильчевская), “экономики с человеческим лицом” (Флекснер), “философии хозяйства” (Осипов), являющейся развитием идей С.Н. Булгакова. Все эти предложения вытекают как из логики развития общественных наук, так и в еще большей мере из рассмотренных выше тенденций развития цивилизации.

Современное состояние экономической теории большинством специалистов признается неудовлетворительным. Это убедительно показано в обзоре “Кризис экономической теории” (Полтевич).

Очевидно, что кризис <...> обусловлен в первую очередь ее исходными постулатами. <...> Тот факт, что за последние 20 лет в экономической теории существенно повысилось значение этических концепций, можно трактовать как возврат экономической науки к своему истоку — этике, в рамках которой Аристотель сформулировал первые понятия науки о хозяйстве. Разумеется, экономика не станет снова частью этики <...>. Практически речь может идти о повышении значимости нормативного аспекта экономической теории и выводе ее фундаментальных положений из принципов этики, экологии и социологии» (см. также [4; 7; 13]).

Рассмотрим теперь особое направление теоретического мышления, претендующее по общественной значимости на ведущее место в научно-философском сообществе. Его основоположник и активный автор профессор С.Д. Бодрунов [5]. Данное направление было обозначено «ноономикой», что сразу же вызывает вопрос о научном его содержании, о месте экономической теории в нем. Здесь вспоминается «эргономика» как наука об эффективном нормировании использования биомеханических свойств человека в различных производственных условиях. Соответственно, «ноономика» видится наукой об эффективной организации и нормировании (для человека и общества) использования разума человека по специализированному интеллектуальному развитию и, соответственно, всего общественного разума по всем направлениям его функционирования, т. е. во всех системах общественно целевой деятельности. Такая наука — в сущности информационное средство организации мышления общества о самости, организации внутренней и внешней деятельности — действительно необходима обществу объективно (здесь уместна системная модель человека), и надо

обратить внимание поэтому на уже опасное запаздывание формирования данной науки, как основного раздела социологии. Думается, хорошо видно, что ее функционал частично выполняют сформированные ранее научные дисциплины, но совершенно несогласованно, без междисциплинарной верификации и интеграции знаний.

Книгу С.Д. Бодрунова завершает «восьмой шаг, где делаются выводы о переходе от экономики к ноономике, где происходят постепенный отказ от экономической рациональности, переход к неэкономическому способу регулирования хозяйственной деятельности и удовлетворения человеческих потребностей. Новая роль человека в этом сообществе — человека культурного — и есть, наверное, главное, к чему автор подводит читателя. <...> В связи с последним отметим, что эти идеи С.Д. Бодрунова перекликаются с рядом положений такого развивающегося знания, как *философия хозяйства...*» (см. [5]).

Сразу скажем, перекликаются они и с результатами метаэкономического мышления Г.М. Малашиха, Т. Седлачека и других ученых, показывающих необходимость особого развития «человека общественного» — не просто «культурного» (*культуры* соответствуют национально-историческому развитию обществ), а адекватного общественным целям существования и комплексного движения общества (как живой организации, оснащенной техникой) в окружающем мире. Надо сразу заметить, что С.Д. Бодрунов развивает, в сущности, отдельное направление «ноономики» как науки о разумной системе организации комплексного, живого и технического самодвижения общества. В этом плане оно научно равнозначно *метаэкономии* — как научно возвышенной политической экономии в связи с достигнутым уровнем самопознания.

По поводу отсылки к «философии хозяйства», необходимо заметить, что Ю.М. Осипов уже в начале своих исследований использовал отмеченный во введении принцип познания «от происхождения» (генетический), что совершенно необходимо применительно к «экономике» [6; 11; 12]. Современный системный анализ ее происхождения раскрывает судьбоносное для всего человечества искусственное преобразование первичного функционально целостного общества посредством функционального распада его по целям частного обогащения, — через «первичную экономику». Думается,

именно из этого неестественного для общества распада и великого опыта человечества надо исходить в современной выработке политэкономических алгоритмов перехода к объективно необходимой (по выводам автора и др.) социоцентричной (системной) модели развития.

«Философия хозяйства» Ю.М. Осипова и вся история этого мышления в России [15], все современные метаэкономические взгляды показывают необходимость возвышения социально-экономического и политического мышления посредством формирования и развития высшей междисциплинарной и интегральной науки, обозначенной автором этих строк как *метаэкономика*. Что касается совокупных результатов метаэкономических исследований последних десятилетий, то, думается, хорошо видно, что эта совокупность и выдвигает перед всем отечественным научно-философским сообществом цивилизационную сверхзадачу, кратко раскрытую данной статьей. Конкретная научная постановка и решение ее определяются организацией адекватного мышления, но главное организацией как первичной, так и конечной экспертной деятельности. Проблема общественной власти адекватных «знаний» («знающих», по Сократу) остается, к великому сожалению, до сих пор нерешенной.

Заключение

Здесь представляется возможным сделать пока лишь краткие итоговые замечания, связанные с организацией научно адекватного рассмотрения и изучения достигнутых результатов метаэкономического мышления, с общественной целью постановки и решения задачи выхода общественного сознания из состояния бифуркации на траекторию общественно эффективного и прогрессивного целевого мышления. К сожалению, для этого требуется прежде решить сложные научные и научно-политические барьерные задачи. Главной из них видится задача общественно рациональной переработки закона о науке, исходя из высших целей общественного развития, т. е. с исключением зависимости его от текущей экономики и установлением принципов организации научного мышления, адекватных эффективному достижению высших целей общества.

Параллельно работе над указанным законом видится необходимой организация интернет-ресурса для коммуникаций, имеющих главными целями научное единение по представленному направлению на основе единых выверенных знаний и единой научной методологии. Думается, само метаэкономическое направление как системный посыл будет способствовать этому единению и быстрому, прогрессивному выходу из современной — уже кризисно опасной — «бифуркации» (спасибо И. Пригожину за возможность простого отражения сложностей в общественном развитии).

Представляется решение предварительных организационных задач будет способствовать и образованию объективно необходимой (для любого цивилизованного общества) *российской ноосферы*, которую предвидел В.И. Вернадский и над формированием которой трудились выдающиеся организаторы науки в СССР и продолжили это важнейшее научное дело ученые новой России — А.Д. Урсул, Н.Н. Моисеев, А.И. Субетто, В.А. Шамахов и др. [17]. Думается, в современный период сложились все необходимые научные и практические, исторические основания для форсированной научной деятельности в указанных направлениях, итогом которой видится организация научного обеспечения эмерджентного перехода к общественному прогрессу на основе возвышения человеческой и общественной рациональности в так называемой экономической деятельности российского сообщества, нового союза дружественных народов.

Литература

1. Васильев А.И. О началах метаэкономики // Академия Тринитаризма. М., 2022: Эл. № 77-6567, публ. 28234, 24.12.2022.
2. Галушка А.С., Ниязметов А.К., Окулов М.О. Кристалл роста: к русскому экономическому чуду. М., 2021. 360 с.: URL: <https://www.twirpx.com/file/3667895/> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Генкин Б.М. Основания экономической теории и методы организации эффективной работы. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2009. 448 с.: URL: <https://www.twirpx.com/file/1986127/> (дата обращения: 05.12.2022).

4. Гринберг Р., Рубинштейн А. Социальная экономика: Введение в новую аксиматику // Российский экономический журнал. 1997. № 1.
5. Зотова Е.С. О ноономике как основе глобальной трансформации (рецензия на книгу С. Д. Бодрунова «Ноономика: траектория глобальной трансформации») // Экономическая наука современной России. 2021. № 2 (93). С. 123—129.
6. Железнов В.Я. Экономическое мировоззрение древних греков. Изд. 2-е. М.: Либроком, 2012. 257 с.
7. Козловски П. Принципы этической экономии. СПб.: Экономическая школа, 1999.
8. Малашиха Г.М. Тенденции гуманизации и дегуманизации экономики // Отчуждение человека в перспективе глобализации мира. Сб. философских статей / Под ред. Б.В. Маркова, Ю.Н. Солонина, В.В. Парцвания. Вып. 1. СПб.: Издательство «Петрополис», 2001. С. 157—182.
9. Малашиха Г. Малая экономология: Новые парадигмы экономической теории. Монография. Palmarium Academic Publishing, 2018. 205 с.: URL: <https://www.twirpx.com/file/3869217/> (дата обращения: 05.12.2022).
10. Олейников А.А. Политическая экономия национального хозяйства / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 1184 с.
11. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. Начала высшей экономии: В 3 т. М.: Изд-во МГУ; ТЕИС, 1995 — 1998.
12. Осипов Ю.М. Опыт философии хозяйства. Хозяйство как феномен культуры и самоорганизующаяся система. М.: Изд-во МГУ, 1990. 382 с.
13. Полтерович В.М. На пути к новой теории реформ // Экономическая наука современной России. 1999. № 3.
14. Рязанов В.Т. Современная политическая экономия. Перспективы неомарксистского синтеза. СПб.: Алетейя, 2018.
15. Савка А.В. Основы философии хозяйства. Учебное пособие. М.: ИКЦ «Академкнига», 2010. 480 с.
16. Седлачек Т. Экономика добра и зла. В поисках смысла экономики «от Гильгамеша до Уолстрит». М.: Ад Маргинем Пресс, 2016.

17. *Субетто А.И., Шамахов В.А.* Ноосферная парадигма будущей политической экономики как ответ на императив экологического выживания человечества в XXI веке // Академия Тринитаризма. М., 2022: Эл. № 77-6567, публ. 28200, 01.12.2022.

References

1. *Vasil'ev A.I.* O nachalah metaekonomii // Akademiya Trinitarizma. M., 2022: Эл. № 77-6567, публ. 28234, 24.12.2022.
2. *Galushka A.S., Niyazmetov A.K., Okulov M.O.* Kristall rosta: k russkomu ekonomicheskomu chudu. M., 2021. 360 s.: URL: <https://www.twirpx.com/file/3667895/> (data obrashcheniya: 01.10.2022).
3. *Genkin B.M.* Osnovaniya ekonomicheskoy teorii i metody organizatsii effektivnoy raboty. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Norma, 2009. 448 s.: URL: <https://www.twirpx.com/file/1986127/> (data obrashcheniya: 05.12.2022).
4. *Grinberg R., Rubinshtejn A.* Social'naya ekonomika: Vvedenie v novuyu aksiomatiku // Rossijskij ekonomicheskij zhurnal. 1997. № 1.
5. *Zotova E.S.* O noonomike kak osnove global'noj transformatsii (recenziya na knigu S. D. Bodrunova «Noonomika: traektoriya global'noj transformatsii») // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 2021. № 2 (93). S. 123—129.
6. *Zheleznov V.YA.* Ekonomicheskoe mirovozzrenie drevnih grekov. Izd. 2-e. M.: Librokom, 2012. 257 s.
7. *Kozlovski P.* Principy eticheskoy ekonomii. SPb.: Ekonomicheskaya shkola, 1999.
8. *Malashkhiya G.M.* Tendentsii gumanizatsii i degumanizatsii ekonomiki // Otchuzhdenie cheloveka v perspektive globalizatsii mira. Sb. filosofskih statej / Pod red. B.V. Markova, YU.N. Solonina, V.V. Parcvaniya. Vyp. 1. SPb.: Izdatel'stvo «Petropolis», 2001. С. 157—182.
9. *Malashkhiya G.* Malaya ekonomologiya: Novye paradigmy ekonomicheskoy teorii. Monografiya. Palmarium Academic Publishing, 2018. 205 c.: URL: <https://www.twirpx.com/file/3869217/> (data obrashcheniya: 05.12.2022).
10. *Olejnikov A.A.* Politicheskaya ekonomiya nacional'nogo hozyajstva / Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizatsii, 2010. 1184 s.

11. *Osipov YU.M.* Teoriya hozyajstva. Nachala vysshej ekonomii: V 3 t. M.: Izd-vo MGU; TEIS, 1995 — 1998.
12. *Osipov YU.M.* Opyt filosofii hozyajstva. Hozyajstvo kak fenomen kul'tury i samoorganizuyushchayasya sistema. M.: Izd-vo MGU, 1990. 382 s.
13. *Polterovich V.M.* Na puti k novej teorii reform // Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii. 1999. № 3.
14. *Ryazanov V.T.* Sovremennaya politicheskaya ekonomiya. Perspektivy neomarksistskogo sinteza. SPb.: Aletejya, 2018.
15. *Savka A.V.* Osnovy filosofii hozyajstva. Uchebnoe posobie. M.: IKC «Akademkniga», 2010. 480 s.
16. *Sedlachek T.* Ekonomika dobra i zla. V poiskah smysla ekonomiki «ot Gil'gamesha do Uolstrit». M.: Ad Marginem Press, 2016.
17. *Subetto A.I., SHamahov V.A.* Noosfernaya paradigma budushchej politicheskoj ekonomii kak otvet na imperativ ekologicheskogo vyzhivaniya chelovechestva v XXI veke // Akademiya Trinitarizma. M., 2022: El. № 77-6567, publ. 28200, 01.12.2022.

**АКТУАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ**

Н.Б. ШУЛЕВСКИЙ

Иное — опыт парадоксальной онтологии*

Аннотация. Исследуется Иное — друг, князь и властитель парадоксальных миров, безродных парадоксов, их основатель и перводвигатель. В онтологическом плане Иное представляет неизвестность, действующую посредством особых бытийно-ментальных структур, служащих местообитанием парадоксальной диалектики. В этих структурах противоположности неотделимы друг от друга, но они и не сливаются в тождество, создавая постоянное напряжение, которое порождает творящие действия. Неизвестность проникает в человеческий мир посредством парадоксов, служащих ее первыми вестниками. Парадоксы выражают реальность, которая еще не достигла стандартов бытия, еще не преодолела своей неизвестности. В то же время парадоксы служат таможенной службой, в которой неизвестность проходит проверку парадоксами на пороге своего входа в мир бытия.

В гносеологическом плане Иное проявляется и действует посредством импровизации, которая выражает, преобразует парадоксы неизвестности в смысловую энергию разума и сознания. В методологическом плане Иное предписывает субъекту путь парадоксальной метафизики, алгоритм которой сохранил для нас русский фольклор: «Пойди туда, не зная...». Фольклорный герой, следуя этому парадоксальному принципу, реализует все свои цели, находит справедливость, а его деловые братья, следуя ясным целям — обрести власть, богатство, знатную невесту, терпят крушение.

Ключевые слова: Иное, парадокс, Россия.

Abstract. The article investigates the Other as a friend, prince and ruler of paradoxical worlds, rootless paradoxes, their founder and mover.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Шулевский Н.Б. Иное — опыт парадоксальной онтологии // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 123—137. DOI: 10.5281/zenodo.7841989.

In ontological terms, the Other represents the unknown acting through special life-mental structures that serve as the habitat of paradoxical dialectics. In these structures, opposites are inseparable from each other but they don't merge into an identity creating the constant tension that make creating actions. The unknown penetrates the human world through the paradoxes that serve as its first messengers. Paradoxes express a reality that has not yet reached the standards of being, has not yet overcome its unknown. At the same time, paradoxes serve as a customs service in which the unknown is tested by paradoxes on the threshold of its entry into the world of being.

In gnoseological terms, the Other manifests and acts through improvisation which expresses, transforms the paradoxes of the unknown into the semantic energy of mind and consciousness. Methodologically, the Other prescribes to the subject the path of paradoxical metaphysics and its algorithm preserved Russian folklore for us: «Go there without knowing...». The folklore hero following this paradoxical principle, realizes all his goals, finds justice, and his business brothers fail following clear goals, to gain power, wealth, noble bride.

Keywords: the Other, paradox, Russia.

УДК 11

ББК 87.1; 87.6

Всякий самобытный человеческий мир, всякая уникальная культура имеют свои рационально-мистические начала, которые служат источником и перводвигателем их жизненной энергии, творческим принципом их самоорганизации. Эти начала должны быть независимыми от идей других народов, ибо они обеспечивают вменяемость разума и сознания своих народов, их способность различать добро и зло. Они охраняют духовную суверенность народов, начертанные промыслом их пути. Чужие мысли должны служить сотрудниками суверенных идей, но не заменять их.

Эти принципы-начала органично сочетает в себе познаваемость и непознаваемость. Их непознаваемость служит охраной созидательных сил и суверенного бытия народов. Таковыми смысловыми началами являются Логос европейского мира, Дао китайского мира, Брахма индийского мира. В этих познаваемо-непознаваемых

принципах таится секрет жизнестойкости индийского и китайского миров, их умение сохранять свою идентичность в переменах. Даже после самых грозных катастроф эти принципы возрождают организмы своих стран. Евроколонизаторы не смогли покорить Индию и Китай, поскольку не понимали таинственных сил, идущих от Дао и Брахмы и доступных восприятию лишь почвенным мудрецам и мыслителям этих стран.

Есть такой мистический принцип-начало и в Руси-России. Это — *Иное*. Русская мысль осознала, что ядром Руси-России является неисчерпаемая и непостижимая тайна Иного, которое делает познаваемым все многообразие онтологических и духовных проявлений страны. Россия изначально осознала себя и заявила о себе как об «Ином царстве»; она укрылась в Ином, которое охраняет ее от вестернизированных идеологий. И понимание России, решение ее стратегических проблем зависят во многом от признания ее как мира Иного, от понимания его императивов и тайных указов. Союз их кровный, не случайный, и только в роковые дни своею тайною манящей они нас вдохновляют мыслить и творить.

Что же собой представляет это прямо-таки волшебное Иное, формирующее реальность России, наделяющее ее самоходными алгоритмами? Что позволяет Иному крутить колесом и колесиками ее человеческого и земного мира, ее судьбы и ее рока?

Нерукотворный памятник Иному воздвиг его слуга и пророк, великий современный мыслитель, Ю.М. Осипов в харизматических обликах философии хозяйства и софиасофии. Своей жизнью, трудами Ю.М. Осипов оказал максимальную когнитивную помощь Иному в созидании им своего смыслового автопортрета. В его книгах, статьях имеется немало размышлений об Ином, но в качестве проясняющих и хотя бы комментирующих суждений они не работают, оставаясь закрытыми вербально-ментальными избами без окон и без дверей, хотя и переполненными неведомыми смыслами.

Памятник этот напоминает тайну Сфинкса, который соединяет в себе известные образы льва, человека, птицы, змеи, сакрального персонажа, но сам остается непознаваемым существом. Видимо, Сфинкс воплощает тайну, которую невозможно, да и не нужно по-

знавать, ибо он создан не для того, чтобы его познавали, а для того, чтобы с его помощью сама реальность, субъект имели метод обращения с силами неизвестности, работающими в реальности. Сфинкс есть мифогенный образ Иного, действующего в качестве нераскрываемой неизвестности, служащей ключом к тайнам реальности, которые приоткроются, станут явными, видимо, в последние времена.

Подобие Сфинкса, философии хозяйства и софиасофии обнаруживается в одном необыкновенном, поразительном факте. Концепции Ю.М. Осипова принципиально невозможно цитировать, ибо цитаты из его сочинений незнамо как закрывают свои смыслы, которые сопротивляются любому цитированию, даже исчезают после их использования в качестве цитат. Иное невыразимо посредством цитирования, оно уклоняется от цитатного статуса, противится цитированию, которое не раскрывает и не проясняет его содержание, а, наоборот, делает его еще более сложным, загадочным и непостижимым. Смысл, действующий в ядре Иного, не вмещается в цитатах, убегает из них, уничтожая их содержание, превращая их в лингвистические симулякры, разрушает словесную ткань мысли.

Сознавая тщету своих усилий, автор все же приведет один пример, используя цитаты максимально полное, разъяснительное трактование Иного Ю.М. Осиповым. «Иное (снимем кавычки) на то и иное, чтобы, о нем говоря, ничего путного (то бишь ясного, определенно-определяющего, конечного) не сказать. Здесь царит даже не неизвестность (она же и Неизвестность — с большой буквы), а... Тайна (тоже с большой буквы), как раз та самая — не разгадываемая и не могущая, может, до Конца Света, быть разгаданной человеком. Вводя в ментальный обиход “Иное” (пусть снова в кавычках), я указываю на наличие этой неразгадываемой Тайны, подчеркивая при этом, что оно — Иное (теперь опять без кавычек) всюю работает, постоянно побуждая зёмную реальность изменяться, включая и самого человека, его когнитив, его воззрения и сознание, его дух, но при этом, что исключительно важно, достигая результатов, в том числе и руками человека, его головой, к которым сам деятельный (хозяйствующий) человек не очень-то, а то и совсем, не стремился, вовсе бы и не хотел. Да, все знают о сложности, неопре-

деленности, запутанности, вероятности и даже неизвестности (разумеется, всего лишь частичных в глазах и уме человека) реальности, но — и это самое главное — не знают, не учитывают достаточно, не хотят, да и не умеют учитывать, что, во-первых, реальность — по сути в принципе, так сказать, иная (не такая, какой кажется сама и какой представляется человеку, в особенности хорошо, то бишь непробиваемо, образованному в просвещенческих, то бишь обрабатывающих мозги и душу человека, заведениях, а во-вторых, что Иное все время работает как раз как неизвестная, неразгадываемая, неучитываемая сила, и что это Иное с его загадочной работой надо все время иметь в виду (в уме, в душе) и на это умственно и душевно (и сверхумственно, и сверхдушевно, даже и инстинктивно) реагировать, делая бесспорные-де оценки и принимая вроде бы тщательно обдуманные и обоснованные решения, в особенности масштабные, дальнобойные, судьбоносные, зная при этом, что многое в реальности пойдет не так, а результат может оказаться совсем иным, да не только прямо противоположным, а и коварно разрушительным... Разумеется, по поводу Иного и с ним взаимодействия не может быть никаких точных, да еще правильных инструкций, ибо тут взаимодействие с хомосоциальной реальностью (ментальное или деятельское) сродни импровизационному искусству, да еще с мощным трансцендентным зарядом. А вообще, в реально происходящей реальности многое, очень многое — наиболее значимое — происходит, на чем я постоянно настаиваю, как самое невероятное и происходит частенько почему-то очень внезапно» [1, 270—271].

Все слова этой цитаты ясны, но ее эвристика, концептуальное послание ускользает от понимания, хотя интуиция смысловую глыбу текста воспринимает. Иное выражает незнаемое, тайну, и в то же время Иное требует ментально и деятельно выстраивать с ним творческие конструктивы. Как сочетать в одной когнитивной упряжке эти несочетаемые тезы? Как можно выразить единство знания и незнаемой тайны Иного?

Цитаты из харизматических текстов Ю.М. Осипова наиболее адекватно переводятся на язык импровизации, вынуждая «цитаторов» самостоятельно искать смысловые пути на целине неизвестно-

сти, карабкаться на ее вершины, возвращать свои же когнитивные плоды. Новизна цитатного знания об Ином будет состоять лишь в осознании того, что без этого миротворного начала нельзя обойтись в исследовании даже простых.

Содержание Иного во всех своих отношениях настолько парадоксально, что трудно составить даже простое его описание.

Иное не вполне в ладах с истиной и правдой, поэтому оно не отвергает заблуждения, иллюзии, ложь, а прислушивается и к их лукавым и суетным, веселым и кровавым глаголам. Но Иное сохраняет свой гносеологический суверенитет в качестве особого знания, действующего посредством импровизации, которая ищет в бездoroжье хаоса смысловые пути, на которых истина, правда и заблуждения сохраняют себя. Ибо смыслы есть и в заблуждениях, и в безумии, даже — в бессмыслице и в фейкоистерии. Иное воздвигает камень на распутьи, указывая возможные и скрытые пути движения жизни в контекстах правды, истины и заблуждения.

Иное не объективно, ибо само по себе, без людей, оно не существует; но оно и не субъективно, ибо проводит программную линию своей партии через сознание, разумение и действия людей независимо от их воли. В мыслях, сознании, императивах, интересах, целях и действиях людей Иное работает, минуя решения их воли, незаметно то ограничивая ее диктат, то усиливая ее энергию¹.

¹ И.В. Сталин осознавал свое творческое содружество с Иным, власть которого превыше власти судьбы.

Поговорим о вечности с тобою:
Конечно, я во многом виноват!
Но кто-то правил и моей судьбою,
Я ощущал тот вездесущий взгляд.

Он не давал ни сна мне, ни покоя,
Он жил во мне и правил свыше мной.
И я, как раб вселенского настроя,
Железной волей управлял страной.

Кем был мой тайный высший повелитель?
Чего хотел Он, управляя мной?
Я, словно раб, судья и исполнитель,
Был всем над этой нищею страной.

Иное анонимно действует в человеке и вокруг него, ускользая от взора его ума, интуиции, обходя и таможенный контроль бытия.

Иное — это не материальная субстанция, ибо нет в нем вещественных стихий и догматизма законов, не зависит оно и от пространственно-временных кошмаров бесконечности. Но Иное — это и не идеальная сущность, ибо оно представляет не содержание разума и сознания, а волю и творческую свободу Великой неизвестности, которая созидает их духовные организмы. Иное осуществляет проекты идеальности в материи и проекты материи в идеальности,

Иное не является причиной, ибо оно может изменять или даже отменять власть причин, но Иное не является и следствием, ибо оно делает сам детерминизм своим следствием и орудием. Иное подпирает своим индетерминизмом детерминизм, обогащая его причинностью через свободу.

Иное работает вне зоны и границ вечности, исполняя и представляя миротворную волю Провидения, Запределья и Великой Неизвестности. Но Иное свободно и от диктата времени, создавая миры и эпохи безвременья, миры и эпохи апокалиптического крушения времен.

Иное — тайный агент реальности, уклоняющийся от власти имен, званий, титулов, почестей, скрывающий свои родственные связи и привязанности, пренебрегающий формальными и условными знаками бытия. Люди и вещи ему нужны как послания и знамения, но Иное исправляет промахи, ошибки и авантюры мира людей. Поэтому Иное неотвратимо влечется к человеку, находя в его опасных ограниченностях творческую точку опоры, хотя человек и противится его вещим глаголам. Иное — это сам человек — и как след-

И было все тогда непостижимо:
Откуда брались силы, воля, власть?
Моя душа, как колесо машины,
Переминала миллионов страсть.
И лишь потом, весною, в 45-м,
Он прошептал мне тихо на ушко:
— Ты был моим послушником, солдатом,
И твой покой уже недалеко!

ствие неведомой причины, и как причина неведомого следствия. В человеке и посредством человека Иное умножает субстанцию неизвестности; в Ином и посредством Иного бытие умножает субстанцию своей человечности. Иное активирует в человеке его неизвестность, а человек активирует через Иное свою судьбу.

Иное — это не сакральное начало, ибо оно сотрудничает и с атеистами; но это и не чисто человеческое начало, ибо оно действует не по корысти и не по расчету; творя волю неизвестности, оно не знает милосердия и греха. Иное — это не дьявольское начало, ибо оно почитает и признает благостные, благословенные и благотворные дела святых и праведников, хотя и не спасает их от мирской жестокости и от глумливого злорадства невежд.

Иное повелевает случайностями, скрывая в них свои причины; но оно ладит и с детерминизмом, давая приют в нем творчеству и свободе. Иное устанавливает границы, но само границ не ведает. Иное произвольно «хозяйствует» в реальности, оформляя пространственно-временные ее измерения, регулируя ее циклы и метрику. Иное превращает времена и пространства в игру на вылет из бытия.

Иное утверждает реальность невозможного, ограничивая и обнуляя возможное. Иное неотделимо от *этого*, но оно не совпадает с ним, связывая несоединимое, совмещая несовместимые реалии. Иное действует по логике противоречий (в нем А и не-А даны одновременно), а потому оно не проясняется и не выражается в понятиях, которые скованы законом запрета противоречий. Иное использует концепты не для раскрытия своего содержания в абстракциях, а для сокрытия в них своей сущности, для отражения через понятия себя в самом себе, для изображения себя для себя.

«Иное не рационально, но ему ведом алгеброс высшей справедливости, которая часто поступает весьма иррационально и несправедливо с рационалистами (Маркс и Кейнс потерпели фиаско на биржевых операциях!). Иное не расчетливо, не своекорыстно, но его влечет к рискованным играм с деньгами, финансами и кровью.

Иное работает как в телесных, так и в бестелесных мирах, своеобразно проявляется в биосфере и в ноосфере, содействуя планетарному разуму Земли и ослепляя глобальных “вумников”. Но

Иное преимущественно все же состоит в странной-престранной связи с человеком, то совпадая с нравственностью, то цинично попирая ее, создавая “великих людей” и преступников. От воздействий Иного нет укрытий, невозможно найти избавления от его власти, ибо оно губит или дарит спасение по своему тайному кодексу ценностей.

Иное видит невидимое людьми: оно видит, что чудовищное зло есть следствие человеческой слепоты в отношении Иного. Иное не мстительно, хотя оно содержит в своем штате возмездие, используя бумеранг в качестве своего вещего и тайного посланника. Иное не имеет начала и конца в себе и для себя, но оно использует “начало” и “конец” как орудия своих тайных императивов, решений и действий.

Иное безразлично к полам, но ему ближе материнская и детская натуры, жизненные порывы которых более адекватно вершат его волю.

Иное не благоволит ни бедным, ни богатым, но иногда слегка содействует бескорыстным. (При крушении “Титаника” спаслись не бедные и не богатые, а удачники Иного! Конструктор лайнера уцелел. Зачем? Иное знает!)» [2, 37—38]. Тайные избранники Иного — воины, послушники мысли.

В действиях Иного нет определенного метода, но оно действует по неведомой матрице алгоритмов ума и сознания. Иное не охватывается идеологиями и парадигмами науки, искусства, философии, культуры, но оно использует их в качестве орудий своих миротворных проектов. В религиях Иное находится в центре Провидения, кармы, работая над формированием бездны апокалиптики. В науке и в культуре Иное действует и через демонизм, превращая энергии гибели в творящие силы.

Иное не зависит от развития и эволюции, но оно изнутри корректирует, изменяет проекты, алгоритмы их работы, создавая их уроборосные бифуркации.

Иное — не идея, ибо все логические формы заслоняют его смысловые пространства. Знания не раскрывают, а скрывают, укрывают, прикрывают, закрывают, накрывают, покрывают Иное, т. е.

прячут ту реалию, которая ищет прибежище в знании и в которой ищут прибежище люди. А посему знания есть тайные одеяния, которую лишь намекают о парадоксах Иного. Логическая и математическая точность и очевидность есть лучшие формы сокрытия тяжких дум Иного. «Как трудно видеть то, что ясно вижу» (Шекспир).

Что значит знать? Отражать реальность? Или — начинать достраивать, завершать, преображать, продолжать ее? И человек владеет знанием об Ином, или же Иное есть эзотерическое знание самой неизвестности, вершащее свой суд над людскими абстракциями, симулирующими знание? Отчего чем больше знаний у человечества, тем больше страха, тем больше беснования и тем ближе конец? Не умножение ли абстракций приближает конец? А знание есть зачатие, обогащающее разум и сознание новой жизнью. А такое знание скрывает в себе Иное.

Иное невозможно изучать, обсуждать в контексте стандартных научных и философских дискурсов и методов. Над Иным нужно размышлять, медитировать в контекстах воображения, импровизации, обогащая разум и сознание возникающими в них новыми смыслами, образами, метафорами.

Иное привлекает для служения своим делам всякого рода девиантов, но оно ценит, уважает и святых, приглашая их вещице голы на форумы бытия.

Если целое — причина частей, то причиной целого выступает Иное, зависимое лишь от творящей свободы бытия. Если противоречия — источник движения, то Иное служит источником и причиной противоречий. Иное действует в качестве познаваемо-непознаваемой «вещи в себе»: мы знаем, что Иное есть, но его сущностное содержание для нас закрыто.

Иное действует посредством контекстов бытия, миров, событий, черпая материю, энергии для их созидания в сакральном Хаосе, в резервациях бездны; но в качестве конструкций, скелетов для контекстов оно использует логосные трущобы схоластики и рационализма.

Иное все тайное превращает в явное, а все явное одевает в покровы тайны; но само Иное не вмещается в тайну и в явь, остава-

ясь их неведомым творческим наставником. «Кто может видеть мрак, слепому зримый» (Шекспир).

Иное часто действует в качестве агента судьбы, но еще чаще оно действует вопреки решениям судьбы, давая шансы сказать свое слово человеку и фактам. Иное есть своеобразное уравнение судьбы, превращающей людей и факты в своих сизифовых игроков.

Иное избегает шумных форумов бытия, но оно и не скрывается в кельях и в пристанищах пустынных, отдавая предпочтение белым отшельникам, возвращающим свободную, соборную и суверенную мысль.

Иное тоже мыслит. И мыслит оно полнее, глубже, адекватнее, совершеннее и плодотворнее, чем человек. Ибо оно мыслит бытием, мирами, развитием и творением. Не человек разумен и сознателен, а безошибочно разумно и сознательно окружающее его Иное, которое формирует и охраняет реальность, Космос.

Иное не растворяется в знаниях, ибо оно непознаваемо, но оно и не становится незнанием, ибо действует и через знания, и посредством импровизаций. Иное — это знаниевая импровизация, работающая в ядре бытия, человека, духа, бумеранга.

Иное есть импровизация неизвестности, учреждающей эпохи безвременья, отменяя в них все прогнозы и предвидения. Безвременье призывает к импровизационной работе власть, бытие, человека, науку, требуя творить само время как пространство событий и свободы.

Иное бытует и действует в когнитивном режиме апофатики, но и в катафатике его воля вершится посредством пророков, отшельников и бумерангов.

Иное — властелин царства бумерангов; оно регулирует алгоритмы их возмездий, определяет их карающие функции, рассчитывает их времена, траектории, снабжает их надлежащими боезапасами. Бумеранги — беспилотники Иного, его посланники и неведомые мстители.

Иное — это не власть, но это и не безвластие, а импровизация неизвестности, использующей власть, хаос и революции в целях

созидания адекватных форм реальности для творящей свободы бытия.

В Ином представлены не *это*, не *то*, не *другое*, не земной и не религиозно-потусторонний мир, а в нем бытие и субъект работают в контексте, эволюционные траектории которого расходятся с концом, минуют его ловушку, создавая реальность, альтернативную концу и будущему времени.

Иное опирается на топоры бытия, где жизнь как бы обходит свои концы, разминается с ними на путях своего продолжения. Иное допускает возможность бытия, преодолевающего соблазны и кошмары жизни, смерти и бессмертия, обращаясь к творческим ресурсам неизвестности, вопрошая, а что еще в ее смысловой бездне имеется помимо «концов» и «после концов»?

Сегодня внутри реальности возник ее симулякр — гиперреальность. Поэтому реальность бросает в бой свою метафизическую спецслужбу — Иное, не позволяющую кажимости создавать фейки о ней.

Иное содержит в себе качества, которые не могут стать предметами научного анализа; но эти недоступные качества придают реальность предметам доступным. Иное охватывает собой те сферы реальности, которые невозможно познавать, используя логические методы науки, философии, символы и образы религии, искусства, мистики. Иное свидетельствует о себе, действует в качестве спонтанно возникающих импровизаций как внутри самой реальности, так и внутри сознания, разума.

Человек не может адекватно оценивать Иное, ибо оно само оценивает адекватность мыслей, решений, действий человека, реальности. Но с помощью Иного человек более достоверно понимает, сознает реальность. Субъект в контексте Иного не предчувствует волю сущего, а сущее — после проверки когнитивного уровня субъекта — решает, допускать его к пониманию реальности или же отвалить от этого авантюрного стремления.

Что и кого «выбирает» Иное в качестве выразителей своей творящей свободы, в качестве своих событийных и предметных органов — мы не можем знать, и нам не дано это предугадать, ибо

Иное принуждает волю к волею, разум — к логичности, сознание — к пониманию. Можно лишь допустить, что Иное содействует тем силам, формам, предметным реалиям, тем людям, странам, тем идеям, которые в наибольшей мере соответствуют объективации творящей свободы, присущей реальности и Великой Неизвестности, которые умножают ее сокровища своим уникальным бытием и динамизмом. Неизвестность — основной капитал суверенной реальности, страны, и он дороже, ценнее, плодотворнее и спасительнее всего известного. Только нужно уметь использовать этот фактор своей неизвестности.

Иное есть особый, уникальный концепт, работающий на умножение как известного, так и неизвестного, ускользя из их когнитивных сетей, ибо оно само содержит в себе абсолютный смысл мироздания и России. Именно Иное — беспокойное, находящееся в постоянной творческой работе Иное — превращает реальность и бытие в храмы своей суверенности. И защищает их от паразитов антимира, от его хлама, мусора, симулякров.

Не только враги, но и само Иное не может уничтожить Россию, даже если бы пожелало этого, так как оно не может уничтожить самого себя, ибо оно не может познать самого себя, не может раскрыть свою тайну даже для себя. А Россия находится в его творящем пространстве. Поэтому отрицание Иного в России может порождать лишь новую форму Иного, а отрицание России — вызывать к жизни новую ее форму, новое ее изображение.

Парадоксальную натуру Иного можно отчасти прояснить притчей. Ясный день. Интересную женщину, непроизвольно закрывшую на миг глаза от солнечного света на безлюдной улице, вдруг кто-то поцеловал. Открыв глаза, она никого не обнаруживает. Как ответить на эту «провиденциальную дерзость»? Пощечиной? Кому? Работой? Какой? Творчеством? Каким? Выработкой защиты от последующих действий Анонима? Возможно ли это? Любовью к Анониму за необычное приключение? Или — заняться разгадкой тайны Анонима и его поцелуя? А ведь русскость произошла от поцелуев неизвестности. А поиск ответа на эту тайну составляет источник почти всех их жизненных усилий.

Иное как раз и есть сакральный поцелуй неизвестности, от которого возникает реальность, ее предметное и живое многообразие. И Россия есть плод поцелуя Великой Неизвестности: а смыслы, назначение этого поцелуя укрылись в Ином, стали Иным. И конструктивное сотрудничество с Иным должно хоть чуточку приоткрыть тайну и смысл этого поцелуя, исполнить его вещую волю. Ибо только Иному ведома тайна поцелуев неизвестности. И некоторые свои вещие глаголы этот поцелуй-Иное приоткрыл(и) в философии хозяйства и софиасофии. В любом случае Иное хранит в себе первосмысл русского сознания, первую русскую мысль, первое русское слово. В то же время Иное есть неведомая ведущая творческая сила России, основное оружие ее правды.

Вот какой персонаж, субъект, агент, фигура, аноним, идея действует в русском мире и работает среди нас, вместе с нами, вместо нас, против нас. Иное — это не субъект и не объект, а творящая воля реальности, которая ищет свой человеческий мир и вместе с нами, хотя и неведомо для нас изменяет его. Эта парадоксальность Иного является реальностью России, ее известно-неизвестным, познаваемо-непознаваемым бытием.

Все вышеприведенные парадоксы и качества Иного в полной мере относятся и к России, ставшей планетарным организмом Иного. Взбунтовавшаяся реальность России, ее суверенность не желают и не могут сохранять себя в существующих формах, требуя глубокого и всестороннего социально-экономического преобразования, чтобы соответствовать новому масштабу творящей свободы своего бытия. Русь-Россия родилась в Ином, которое передало ей свои тайные искусства!

Ясно, что без осознанной методологической стратегии изучать такой многоплановый и своенравный объект, как Иное-Россию, невозможно. И основная задача власти, религии, науки, искусства, философии состоит в том, чтобы выразить деяния неуловимого Иного в формах разума и сознания, начать выработку стратегий взаимодействия с этой конструктивной силой неизвестности, лежащей в основе стратегий самой реальности.

Литература

1. *Осипов Ю.М.* Доброжелательная реплика // *Философия хозяйства*, 2022. № 5. С. 269—271.
2. *Шулевский Н.Б.* Планетарный эволюционизм. М.: Зерцало, 2015. 400 с.

Reference

1. *Osipov YU.M.* Dobrozhelatel'naya replika // *Filosofiya hozyajstva*, 2022. № 5. S. 269—271.
2. *SHulevskij N.B.* Planetarnyj evolyucionizm. M.: Zercalo, 2015. 400 s.

А.А. КОЗЛАЧКОВ

«Третье общение» как Иная форма социальности. Онтология*

Аннотация. В статье на базе православного учения о личности предпринята попытка объединить идеи неопатристического синтеза и софиологии. Устанавливается, что общим для этих научных направлений является принцип «личностной динамики», на основе которого протекает наиболее общий в мироздании процесс — личностный. Указывается, что о. С. Булгаков в качестве частного вида этого процесса рассматривал теорию ипостазирования Софии. Предполагается, что на основе принципа личностной динамики можно построить социально-политическую теорию, отражающую исторические результаты русской религиозной философии.

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Козлачков А.А. «Третье общение» как Иная форма социальности. Онтология // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 137—149. DOI: 10.5281/zenodo.7841334.

Ключевые слова: неопатристический синтез, софиология, личность, личностная динамика, ипостась, природа, «третье общение».

Abstract. The article attempts to combine the ideas of neopatristic synthesis and sophiology on the basis of the Orthodox doctrine of personality. It is established that the principle of «dynamics of personality» is common to both scientific directions, on the basis of which the most common personal process in the universe takes place. It is indicated that S. Bulgakov considered the theory of hypostasis of Sofia as a particular type of this process. It is assumed that based on the principle of dynamics of personality, it is possible to build a socio-political theory reflecting the historical results of russian religious philosophy.

Keywords: Neopatristic synthesis, sophiology, personality, dynamics of personality, hypostasis, nature, «third communication».

УДК 111

ББК 87.1

Введение. В одном из стихов Откровения от Иоанна сказано, что спастись могут не только отдельные личности, но и народы (Откр. 22, 24). Кажется, будто это и не игра слов вовсе, поскольку народы в Апокалипсисе имеют собственную «славу и честь», они «прельщаются», «исцеляются» и всяческим иным образом действуют как независимые субъекты мировой драмы. Говоря строго, это должно означать, что народы так же, как и люди, судятся в конце времен, хотя никаких последствий, такого гипотетического суда над народами и обозначенного факта «спасения» текст Откровения не содержит. Не указано, оправдывается ли личность, если будет оправдан народ, которому она принадлежит, осудится ли она, если судим будет народ, или еще как-то — неизвестно. Классический библейский комментарий А.Н. Лопухина толкует этот момент крайне невнятно, в том смысле, что после создания нового мира оправданные люди вокруг трона Христа будут сгруппированы по этническому принципу, как они и жили до Апокалипсиса. И опять вопрос: в чем смысл такой группировки? Может, интереснее спа-

сенных объединять в новом творении по росту, как в армии, или еще по какому-то внешнему, не относящемуся к внутреннему строю личности признаку? Тут и вопрос, и противоречие — ведь христианство строго стоит на принципе личной ответственности человека за свои деяния, и если существует какой-то более высокий субъект ответственности — народ, то это кислотой разъедает постройку христианской догматики.

Здесь искрит несостыковка между личной и социальной природами человека. С одной стороны, христианство предполагает возможность только личного спасения, в то время как история осуществляется, напротив, исключительно в коллективных формах: семья, народ, государство. Да и более того, вне социума человеческая особь в принципе не способна стать человеком, оставаясь бессловесной скотиной с животной душой. Вместе с тем оппозиция эта является скорее нераскрытой тайной, нежели железной антиномией, потому что, если бы не существовало ее разрешения, то действительность как сопряжение личного начала и коллективных форм общежития была бы невозможна.

Именно этот вопрос стал наиболее болезненным для русской религиозной мысли, разделившей в XX в. на два непримиримых течения — неопатристический синтез и софиологию. Основные претензии со стороны представителей неопатристики состоят том, что софиологи, по их мнению, абсолютизируют безличные начала как при рассмотрении онтологической картины мира, так и при анализе исторического процесса. В свою очередь, неопатристикой этому противопоставляется личностный фактор, который довел до крайнего эмоционального напряжения Г. Флоровский, указавший, что история вообще не имеет смысла [8, 229]! Понимать это надо так, что история является процессом личностным и непредопределенным, где качество личности определяется свободным взаимодействием Творца и человека, что является нам как Промысел, в противовес софиологическим построениям, которые фиксируют в истории именно закономерность и некоторую логическую определенность [8, 230].

В конечном итоге, обе линии, будучи доведенными до своего смыслового предела, ничего хорошего человеку не сулят. Неопатристическая, лишая смысла историю, уничтожает и смысл деятельности всего человечества, а это в свою очередь ставит вопрос о смысле творения вообще, поэтому нельзя просто взять и отменить смысл истории — рассыпается вся мифологема творения. Классическая софиология, в свою очередь, понимает человека как несвободный винтик в чуждом ему механизме мировых сил, лицо страдательное и по большому счету не вполне свободное. Поздний Булгаков в теории ипостазирования Софии попытался разрешить эту проблему, дерзко предположив, что человек является ипостасью идеальной основы мира (Софии), которую в ходе исторического процесса он должен субъективировать, т. е. придать этой основе личностные характеристики [2, 91—92]. Ход истории он видел именно как личностный процесс, но не так, как неопатристики, у которых взаимодействие свободных личностей Бога и человека играет решающую роль, а как создание новых социальных личностей, на пути восхождения человечества к Божеству. Идея была и неожиданной, и по крайней мере внешне очень плодотворной.

Итак, в качестве рабочей гипотезы можно предположить, что личностность как высший принцип мироздания каким-то образом создает и определяет собой исторический процесс. Следовательно, необходимо понять работу этого онтологического устройства и его основной принцип, придающий динамику процессу бытия. Будь он найден, можно было бы преодолеть трагический раскол русской мысли, воссоединив ее на базе единого принципа, а это дало бы импульс к творческому поиску новых политических форм, хозяйственных укладов, правовых установлений. Между тем, надо с прискорбием констатировать, что русская религиозная мысль оказалась не только разорванной надвое, но и поразительно импотентной в социально-политической сфере, так и не став питательной средой для сферы политики и права. Всеединство, соборность, начала личности — величественные и красивые понятия, но как из них хлеб вырастить или государство построить — непонятно! Поэтому про-

явить такой принцип-закон нужно, очень нужно, если он, конечно, есть ...

Личность как высшая форма бытия природы. Христианство первых веков в напряженной догматической работе познало верховный первопринцип мира как личность (ипостась). Языческий пантеизм с его приматом природно-материальной телесности был преодолен. Личность с точки зрения христианства есть высшая форма (или способ) бытия природы. Сущность может находить множество индивидуальных проявлений, личность же является таким, которое выражает ее единственным и неповторимым образом (первая сущность, по Аристотелю). Человечество — есть природа, а Александр или Петр — ее индивидуальные проявления. И наоборот, природа (сущность) представляет собой нечто общее, аморфное и неопределенное, требующее индивидуализации в конкретном образе. Ипостась есть у всего на свете — и у вещей, и у людей, и у богов.

Отсюда возникают устоявшиеся в богословии и философии категориальные ряды, описывающие личностную проблематику. Общее начало, которое субъективируется в личности, именуется природой, которая в греческой традиции называется «сущность», а в латинской — «субстанция», но все термины в личностной терминологии являются синонимами. Так же обстоит дело и с выражением уникальной формы, где термины «личность», «лицо», «образ», «ипостась», «персона» или «индивидуум» являются синонимами, презентующими индивидуальное и неповторимое явление (есть у этих терминов и различия, но в целом так).

Восточно-христианское богословие видит следующие основные признаки понятия личность: несводимость к природе, открытость, свобода, творчество, уникальность, целостность, иррациональность [9, 132—151]. Для поставленной проблемы наибольший интерес представляют первые два, которые следует рассмотреть поподробнее.

Несводимость личности к природе и принцип преобразования сущности. В святоотеческом богословии аксиомой является тождество личности и ее природы. Но тождество это, тем не менее,

не абсолютно. Ипостась представляет свою природу, но она не вырастает из нее как росток из зерна, а скорее сама определяет и направляет становление природы. Получается, что личность несводима к природе и имеет над ней некоторое онтологическое первенство (монархию) [9, 129]. В этом неразрывном тождестве лица и природы, первое определяет, а второе оказывается определяемым. Личность человека имеет возможность работать над своей тварной природой, изменять ее с целью возведения на новые ступени совершенства. Поэтому принцип несводимости личности к ее природе своим ближайшим следствием имеет такой онтологический факт, как *возможность изменения или преобразования существующей природы без утраты и изменения самой личности (образа)*. Так, христианские подвижники на высших ступенях монашеского делания достигают преобразования собственной природы при неизменности своей личности.

В терминах рациональной философии этот же принцип может быть сформулирован следующим образом: *личность есть такое онтологическое явление, которое способно менять идею собственной сущности без изменения объективной формы самого явления*. Идея может быть исчерпана, переработана внутри личности и, наконец, заменена другой идеей. Эту закономерность можно назвать *принципом преобразования сущности* — в классической диалектике вещь совершенно невозможная! Личность способна перетасовывать идеи внутри себя, определяя и переделывая свою природу, при этом сохраняя тождественность самой личности. Если бы во Вселенной отсутствовал личностный механизм, она оставалась бы неизменной и недвижимой в рамках раз и навсегда заданной онтологии, а люди-человеки уподобились бы механическим автоматам.

Открытость личности (перихоресис) и возможность ее конструирования. Другим важнейшим свойством ипостаси является ее открытость (перихоресис), что означает свойство лица пребывать в общении с другими лицами, сохраняя при этом ипостасное различие с ними. Это влечет за собой как возможность общения разных ипостасей, принадлежащих к одной природе (троичный Бог,

люди), так и способность к объединению разных природ в одной ипостаси (Христос). Получается, что личности разных онтологических уровней способны составить единое поле общения, а каждая конкретная личность может объединять в себе принципиально различные природы [3, 183]. Следовательно, *личность в качестве онтологической формы способна принимать в себя любое содержание (любые противоположности) и работать над ним.*

В прикладном смысле признак перихористичности означает типы личности, выделяемые в зависимости от отношений сущности и ипостаси. Существует три таких типа, первый — абсолютная личность. Главная ее формула такова: одна природа имеет три лица, но при этом каждое лицо вмещает в себя всю природу без остатка. Этот момент представляет собой одну из развилочек между православием и католицизмом. В православии ипостась не определяется своей природой, в общем случае это означает, что именно лицо онтологически первенствует над своей природой. Католическое богословие, начиная с Боэция и Августина, иначе толкует соотношение природы и ипостаси, полагая, что личность детерминирована природой или иначе — не свободна от нее! [9, 142].

Следующий тип личности: одно лицо, две природы. В лице могут быть соединены две принципиально разнородные природы, например, в личности Христа — божественная и человеческая. При этом, объединение природ происходит не посредством порождения новой личности, что было бы логично, а посредством совмещения двух природ в личности более высокого онтологического уровня — божественной. Высшая природа, соединенная с низшей в одной ипостаси, перерабатывает ее, поднимая до собственного достоинства и природы, в чем, говоря строго и состоит христианская истина о спасении и исправлении Христом человеческой природы. Догмат о двух природах Христа означает, что онтологически низшая природа может *осуществляться в другой ипостаси*, не соответствующей ей в естественном порядке вещей.

Человек тварен, и это является его природой, представленной во множестве ипостасей, поэтому он оказывается единосущностным и многоипостасным существом. Тварные личности призваны к со-

вершенству, изменяемы, имеют начало, но далее неуничтожимы [6, 116]. Именно в этом пункте условного размышления о. С. Булгаков предположил, что многоипостасное единосущие можно собрать в единое существо, которое он назвал *мирочеловек, а процесс собирания — ипостазирование*, и видел он его как путь социального совершенствования.

Основным рациональным выводом из этого признака личности будет то, что *форма, явившая собой некое содержание, может принять в себя и иное содержание, не родное этой форме, т. е. личность может создаваться и искусственно*. Это вынуждает ввести понятие «естественная целостность личности», подчеркивая в нем, что существует природное единство ипостаси и ее сущности, но могут существовать и рукотворные тождества того и другого.

Может показаться, что этот вывод слегка отвлечен от действительности, а искусственных личностей существовать не может, но как раз вся теория юридического лица базируется на том, что хозяйственное взаимодействие внутри общества осуществляется преимущественно посредством фиктивных экономических субъектов, и практика эта оказывается не просто успешной, а в каком-то смысле единственно возможной.

Бытие природы вне личности и принцип личностной динамики. Из признака перихористичности вытекает следствие, которое для спора неопатристиков и софиологов имеет едва ли не решающее значение — существование природы вне личности. Применительно к жизни Божественной Троицы этот факт установлен в понятии нетварных Божественных энергий, представляющих собой *природу Божества вне троичной личности*. Несмотря на то, что о. С. Булгаков не отчеканил эту формулу, он уже на довольно ранних этапах своего творчества отождествлял Софию с Божественными энергиями, однозначно указывая, что Божественная энергия есть Божественная сущность, но в раскрытом виде, которая и есть София [1, 139]. И действительно, если нарушение естественной целостности личности может не приводить к гибели лица и его природы, то значит должен иметь место и вариант существования природы вне личности.

Тут-то и возникает проблема личностного процесса, которая вытекает из возможности человека встретиться с Божественными энергиями, существующими вне Божественной личности, ведь «встреча» — это какая-то процессуальность, хотя пока и неопределенная. Из опыта монашествующих понятно, что пределом движения индивидуальной личности вверх является ее обожение, Преображение тварной природы человека в энергиях Божества. Путь настолько сложный, что пройти его под силу только величайшим подвижникам и аскетам. Но есть для личности и обратная дорога — не к Богу, а от него — тропа темного преображения природы человека. Конечную точку этого движения личности вниз обозначил Лосев: разбирая построения гностиков, он указал, что их верховным пониманием мира выступает некоторая онтологическая реальность, которую он назвал «сниженное личностное начало» [7, 248], или, говоря попросту — недоличность. Это состояние характеризуется абсолютной утратой связи с вышестоящей личностью и онтологической невозможностью взаимодействия с энергиями Божества. (Поэтому, например, падение Сатаны необратимо, спасти его уже невозможно.)

Отсюда следует, что *принцип личностной динамики (изменяемость личности)* — такой же признак личности, который наряду с семью другими предопределяет неизбежную онтологическую трансформацию личности либо в состояние обожения, либо в состояние недоличности. Смысл личности в том и состоит, что она не может все время пребывать в неизменном состоянии, она эволюционирует в ту или иную сторону по мере работы над собственной природой. Можно сделать вывод, что все процессы в мироздании носят личностный характер: и акт творения мира, и грехопадение, и спасение человека Христом, и драма истории — все! Они полагаются и разворачиваются посредством свободного волеизъявления и либо приходят к сверхличности, либо скатываются к недоличности.

Булгаков предположил, что история является процессом воссоединения личности совокупного человека (мирочеловека) с Софией, как раскрытой энергией Божества. Он назвал его ипостазированием Софии. (Здесь надо отвлечься от его деления Софии на

тварную и нетварную части.) Этот процесс, по его мнению, и завершает творение мира, конституируя его самобытность [2, 94]. Картина, безусловно, и величественная, и красивая, приоткрывающая смысл истории как личностного процесса.

Некоторая интерпретация личностных принципов. Принцип преобразования сущности дает основания полагать, что изменяема может быть не только индивидуальная природа человека, но и природа мира в целом, только ответственность за это несут коллективные субъекты — народы, государства, человечество в целом. В общем случае это означает, что история может быть управляема и направляема человеком.

Другой сформулированный принцип — конструирования личности, или вольного разъединения и соединения ипостаси и природы — дает возможность утверждать, что на пути коллективного восхождения к миру Иному возможно создание новых, еще невиданных политико-правовых форм, которые являются более совершенными, нежели форма современного государства, а историческое творчество не просто не закончено, оно только начинается при осознании того, что история есть личностный, а посему свободный процесс.

Наконец, описанный признак личностной динамики наглядно указывает, что история представляет собой ипостасный процесс, траектория движения которого всецело зависит от выбора совокупного человечества. Цель жизни отдельной личности и цель жизни совокупного человечества и разных коллективных субъектов не связаны друг с другом. Они могут двигаться по одной траектории, например, к спасению, а могут и по разным — личность в одну сторону, а народ в другую. Несвязанными поэтому являются и их посмертные судьбы. История при этом имеет смысл, и он такой, какой ей придают народы: либо движение «вверх», либо — «вниз»! Поэтому и судятся народы отдельно от людей, и воздаяние за свои грехи получают также отдельно от конкретных людей.

В этом пункте обнаруживается мотив для примирения неопатристики и софиологии, поскольку оказывается, что не только в Божестве и человеке сказывается личностный принцип, но он так

же положен в основу деятельности всего человечества (истории). В Божестве он представлен в совершенном виде; в человеке — в падшем, но спасенном; а в человечестве (истории) — в осуществляющемся. Такой взгляд закладывает невероятную по мощи и всеохватности программу хозяйственного и социально-политического ренессанса, созидания в подлинном смысле слова мира Иного, так как активизирует все дремлющие силы общества, ставя их на почву свободного личностного выбора, в тоже время обуздывая личностный произвол постоянной связью с Божеством.

«Третье общение» как Иная социальность. Осознание того, что высший тип любого процесса — процесс личностный, позволяет представить теорию ипостазирования Софии в более прикладном виде. Создание целостного человечества (мирочеловека) возможно на пути социальной трансформации, в ходе которой существующие общественные формы будут сменяться создаваемыми человеком социальными личностями все более высокого порядка, способными объединять все более значительные массы людей. Такая более высокая по отношению к государству и иная по отношению к церкви форма социальной организации уже была обоснована как «третье общение», также был предложен первый шаг к ее становлению — построение республики народного трибуната (см. [4; 5]).

Смысл Иной формы социальности произрастает из того факта, что народ как субъект истории имеет свое ипостазирование не только в государстве и церкви, но еще и в сугубо народном общении (не гражданском и не церковном), задачей которого является выработка представлений о справедливости в обществе. Такого рода третье общение народа в Древнем мире нашло свою оформленность в институте народного трибуната, органы которого были отделены от институтов собственно государства, а также религиозных институтов. Таким образом, Иная, более высокого типа социальная организация, должна ипостазировать народ одновременно в трех лицах — государственном, церковном, народно-трибунатском, что и будет являться следующим шагом к встрече человечества и Софии.

Отсюда название — «третье общение», имеющее два аспекта: во-первых, в нем подчеркивается наличие еще одного, помимо

гражданского и религиозного, общения народа, которое складывается по поводу познания, признания и охраны принципов справедливости; во-вторых, в нем проявляется, что данный общественный институт является объединяющим по отношению к известным в истории институтам государства, церкви и народного трибунала.

В следующих статьях данного цикла предполагается разъяснить, каким образом должно управлять историей как личностным процессом; как создаются социальные субъекты и в чем их призванность; какую роль в историческом движении играет право и его институты; наконец, как должно выглядеть общество третьего общения с точки зрения социального строительства.

В принципе личностной динамики программа социально политической трансформации получает онтологическое обоснование и укоренение. В XX в. Россия только разминалась на пути к миру Иному — главный подход совершится в XXI в.!

Литература

1. Братство Святой Софии: материалы и документы. 1923—1939 / Сост. Н.А. Струве; подготов. текста и примеч. Н.А. Струве, Т.В. Емельяновой. М.: Русский путь; Париж: YMCA-Press, 2000.
2. Булгаков С.Н. Невеста Агнца. М., 2005.
3. Зинковский, иеромонах Мефодий. Святоотеческие категории и богословие личности. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2014.
4. Козлачков А.А. «Третье общение» в софиологии С.Н. Булгакова // Философия хозяйства. 2015. № 2. С. 72—82.
5. Козлачков А.А. Мир Иной как планетарный субъект права // Философия хозяйства. 2018. № 1. С. 272—284.
6. Леонов В., прот. Основы православной антропологии: Учебник. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Московской Патриархии Русской православной церкви, 2016.
7. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития: В 2 кн. Кн. 1. М.: Искусство, 1992.

8. *Малер А.М.* Понятие «личности» в софиологии и неопатристике // Софиология и неопатристический синтез: богословские итоги философского развития. М.: Издательство ПСТГУ, 2013.

9. *Чурсанов С.А.* Лицом к лицу: Понятие личности в православном богословии XX. 2-е изд., испр. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

References

1. Bratstvo Svyatoj Sofii: materialy i dokumenty. 1923—1939 / Sost. N.A. Struve; podgotov. teksta i primech. N.A. Struve, T.V. Emel'yanovoj. M.: Russkij put'; Parizh: YMCA-Press, 2000.

2. *Bulgakov S.N.* Nevesta Agnca. M., 2005.

3. *Zinkovskij, ieromonah Mefodij.* Svyatootecheskie kategorii i bogoslovie lichnosti. SPb.: Izdatel'stvo Olega Abyshko, 2014.

4. *Kozlachkov A.A.* «Tret'e obshchenie» v sofiologii S.N. Bulgakova // Filosofiya hozyajstva. 2015. № 2. S. 72—82.

5. *Kozlachkov A.A.* Mir Inoj kak planetarnyj sub"ekt prava // Filosofiya hozyajstva. 2018. № 1. S. 272—284.

6. *Leonov V., prot.* Osnovy pravoslavnoj antropologii: Uchebnik. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii Russkoj pravoslavnoj cerkvi, 2016.

7. *Losev A.F.* Istoriya antichnoj estetiki. Itogi tysyacheletnego razvitiya: V 2 kn. Kn. 1. M.: Iskusstvo, 1992.

8. *Maler A.M.* Ponyatie «lichnosti» v sofiologii i neopatristike // Sofiologiya i neopatristicheskij sintez: bogoslovskie itogi filosofskogo razvitiya. M.: Izdatel'stvo PSTGU, 2013.

9. *CHursanov S.A.* Licom k licu: Ponyatie lichnosti v pravoslavnom bogoslovii HKH. 2-e izd., ispr. M.: Izd-vo PSTGU, 2014.

А.А. МЕДНИКОВА

**Постапокалиптичность экологического дискурса
в современной философии***

Аннотация. Целью статьи является концептуализация постапокалиптичности современной экологии в рамках отношения человека к природе. Статья посвящена рассмотрению современной экологической философии, которая акцентируется на темах ужаса, страха, катастрофы и конца мира. Продолжая традицию апокалиптичности, философия отказывается от полного смысла данного феномена. История об ужасах природы и будущего преобразования сменяется двумя отдельными нарративами. Первый — стремится к техническому преобразованию без переживания ужаса и страданий вообще. Второй концентрируется на проблематике ужаса, отказываясь от мысли о сущностном изменении всего мира. Новизна заключается в полном анализе способа построения темного образа природы. Автор приходит к выводу о том, что феномен постапокалиптичности обнаруживает антропологизацию современного образа природы, что указывает на кризис не только отношения человека к природе, но и самого человека.

Ключевые слова: апокалипсис, экология, природа, человек, ужас, постгуманизм, трансгуманизм, земля.

Abstract. The purpose of this article is to conceptualize the post-apocalyptic nature of modern ecology within the framework of the human relationship to nature. The article deals with contemporary environmental philosophy, which focuses on the themes of horror, fear, catastrophe and the end of the world. Continuing the tradition of apocalypticism, philosophy refuses to make full sense of the phenomenon. The story of the horrors of nature and the future transformation is replaced by two separate narratives. The first seeks technical transformation without

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Медникова А.А. Постапокалиптичность экологического дискурса в современной философии // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 150—169. DOI: 10.5281/zenodo.7841384.

the experience of horror and suffering at all. The second concentrates on the problem of horror, abandoning the idea of an essential change of the whole world. The novelty lies in the full analysis of the way in which the dark image of nature is constructed. The author concludes that the phenomenon of post-apocalypticism reveals the anthropologization of the modern image of nature, which indicates a crisis not only in human's relationship to nature, but also in human himself.

Keywords: apocalypse, ecology, nature, human, horror, posthumanism, transhumanism, earth.

УДК 101
ББК 87.52

Философский дискурс значительно «потемнел» в последнее время; появились темная экология, темная теория, темная этнография, темная антропология и т. д. Чем озадачены все темные потоки? Ш. Ортнер темной антропологией называет антропологию, «которая делает акцент на неприглядных и жестоких аспектах человеческого опыта, а также на структурных и исторических условиях, которые их производят» [10, 6]. Истоки «темной теории» приписываются Марксу, поднявшему вопросы экономической эксплуатации и классового неравенства, и Фуко, открывшему новые способы осуществления власти.

Современная темная экология (и литература, которая побудила философию), апеллируя к сюжетам конца света и возбуждению ужаса, репрезентирует иное отношение к природе, а также иной — темный — образ природы. Точнее было бы сказать, что место природы заменяют иные термины — Земля, Великое Внешнее, Терра, Гейя, природа-культура. Формирование отношения к этим темам посредством ужаса и страха выстраивает не рациональное, а аффективное отношение к миру, который стал принципиально непознаваем, в то время как ранее «природа» носила оттенок научности. Цель преодоления научного отношения, основанного на познании, — избавиться от субъект-объектного мышления или, как минимум, заявить о перфорированности границ, выстроенных европейской он-

тологией. Аффект будто истончает грань, выстроенную человеком, позволявшую ему дистанцироваться от природы.

Аффективное отношение выстраивается с помощью переживания ужаса и страха по отношению к окружающему пространству, а апокалиптичность выстраивается посредством нарратива об исчезновении человека и мира после человека. Ужас интерпретируется как чувство, в котором человек выходит за границы человеческого на пути к нечеловеческому, становится чувством «локального апокалипсиса» — встречи человека с миром без человека.

Современное мышление, символически отказавшись от Бога и человека, отказывается в конце концов от полной идеи апокалипсиса, поскольку нет кого-то, кто может гарантировать иное — новое — будущее, отличное от настоящего. Это означает, что современная философия вынуждена отказаться от линейного времени, которое идет к своей цели — фундаментальному преобразованию мира. Целью данной статьи является анализ постапокалиптичности, с помощью которой формируется современный экологический дискурс.

Проекты могут быть весьма различны. Трансгуманистические идеи сконцентрированы на изменении телесности человека и животных, которые ограничивают биоразнообразие. Постгуманистические проекты, АСТ, спекулятивные реалисты склонны менять политику и социум, мышление человека в попытках изменить ритм жизни и сделать из людей настоящих землян.

Латур считает, что нам пора наконец-то стать землянами вместо того, чтобы смотреть на Землю со стороны. Он пишет: «Чтобы перейти от одной системы к другой, нам нужно преодолеть господство экономизации — отказаться от дезинформирующего наблюдения Земли с Сириуса... Чтобы вновь овладеть Землей, нам нужно вступить в борьбу как с внеземными силами, навязывающими свои интересы и свои темпоральные режимы, так и с силами в некотором роде подземными, буквально запрещающими какому бы то ни было существу выйти в мир, явиться на свет» [6, 153].

Подобную стратегию мышления в философии предложил уже Делез, выделив три типа философа и три типа философии соответ-

ственно. Современная философия отказывается от высот идей и подземелья мудрости, обращаясь к поверхности события: «Философ теперь не пещерное существо и не душа или птица Платона, а плоское животное поверхности — клещ или блоха» [3, 177], что подразумевает «обнаружение бестелесых событий, смыслов и эффектов, несводимых ни к глубинам тел, ни к высоким Идеям» [3, с. 176].

Стать землянами — значит остепениться и отказаться от космических поисков и взгляда, устремленного в небо, а также поисков скрытого, невидимого, невозможного. Заметим, что и это направление, как и трансгуманизм, сконцентрировано на теле как на основе бессознательного, разума, языка и политики.

Современные представления об апокалипсисе (трансгуманизм)

Первое направление явно не отказывается от данной идеи, аккумулируясь в трансгуманистических практиках «улучшения» тела и ожидания не Спасителя, а появления бессмертного сверхчеловека. Данная стратегия направлена на изменение тела посредством техники. Никто более не ждет внешнюю фигуру Бога и Суда, так как человек ассоциируется с разумным и свободным существом эпохи Просвещения. Он не ждет спасения, а спасает себя сам. Спасти себя — значит сохранить возможность мышления. В крайнем случае, можно передать способность мыслить другим существам, как предлагал Лиотар [16], — искусственному интеллекту. Таким образом, апокалипсис понимается как деградация природы, а спасение видится в соединении человека с техникой и оснащении собственного тела ради выживания в новых условиях во имя сохранения интеллекта.

Трансгуманизм надеется выйти за рамки единственной системы человека — его биологического тела. На смену единственно возможного в прошлом органического тела приходит множественность, т. е. возможность человеческого, биологического тела вступить в контакт с техникой и природой. Постчеловек в рамках трансгуманизма — гибридное создание, появившееся вследствие изменения человека как вида.

При этом, трансгуманизм не отказывается от рационального гуманизма. Наоборот, свое начало возводит к прогрессу и рациональности. Трансгуманизм включает в себя множество направлений: либертарианский трансгуманизм (отстаивает свободный рынок как гарант права на усовершенствование человека), демократический трансгуманизм (требует равного доступа к технологическим способам улучшения), экстропианство (философия, основные принципы которой: постоянный прогресс, самотрансформация, практический оптимизм, разумная технология, открытое общество (информация и демократия, самоуправление, рациональное мышление), сингуляритарианизм и т. д.

Рассмотрим наиболее интересный в рамках экологии проект гедонистического императива Д. Пирса.

Гедонизм Пирса. Д. Пирс — сторонник «гедонистического императива» — выступает за уничтожение страдания для всех форм чувствующей жизни. В инженерии рая должна быть включена глобальная экосистема: «Наши постчеловеческие преемники переписут геном позвоночных, переконструируют глобальную экосистему и устранят страдания во всем живом мире» [17]. Пирс выступает против страданий, называя это чувство «уродством» (ugliness), доставшимся от предков. Мы сегодня в состоянии изменить нашу жизнь, считает Пирс, вытеснив страдания и стимулируя себя новой системой — благополучием, основанным на психическом здоровье. От физических болей большинство людей уже научилось избавляться благодаря появлению синтетических обезболивающих. Следующий этап — работа над сознанием человека. Почему от страданий нужно избавляться? Пирс считает, что в таком случае люди станут высокопродуктивными и будут находиться в перманентном состоянии блаженства. Пирс требует натурализации рая на земле, путь которому проложит наука.

Каков путь избавления от страданий? Работа с субстратом. «В течение следующей тысячи лет или около того биологические субстраты страдания будут полностью уничтожены. И «физическая», и «душевная» боль обречены на исчезновение в истории эволюции. Биохимия повседневного недомогания будет также генети-

чески уничтожена. Недомогание заменит биохимия блаженства» [17]. Путь избавления страданий касается всего живого и должен повлечь изменение этой живой материи. Боль в данном случае понимается как механизм эволюции, т. е. результат адаптации, необходимый для выживания в экосистеме. Удовольствие — то, к чему должны стремиться люди в частности и весь мир вообще: «некий вариант принципа удовольствия является универсальной — и универсально понятной — характеристикой разумной жизни; а его апофеоз в некоем возвышенном космическом оргазме — конечная судьба Вселенной» [17].

Пирс считает, что нам нужно переопределить нормы. То психическое состояние, которое сегодня считается нормальным, в будущем постчеловечества будет невежественно-депрессивным. Постлюди возведут норму эмоций к эйфорическим стабильным состояниям. Эйфория должна быть генетически запрограммирована и стать нашей природой. Переживания, мучения, страхи — это ужас человека, с которым он должен распрощаться: «Весь ужас некоторых видов страданий буквально невыразим и невообразимо страшен. В условиях дарвиновского режима “естественного” воспроизводства действительно ужасные переживания — равно как и эндемическое низкосортное недомогание — являются обычным и неизбежным явлением» [17].

Пирс ставит перед нами ряд вопросов, большинство из которых связаны со страданиями, переживаниями и эмоциями. Он пытается переопределить проблематику страстей и аффектов сегодня. Пирс считает, что постоянная стимуляция «оргазмического исступления от восторга» уже доступна нам, но людям этого недостаточно. Следующий этап — решить, отчего получать удовольствия, т. е. решить вопрос второго порядка «желаний о желаниях». Или, как пишет Пирс, нам нужно рационализировать эмоции, т. е. решить заранее, каким образом распределять эмоции для самостимуляции. Выбрать те причины и действия, которые побуждают совершенствоваться, и вознаграждать себя эмоциями.

Безусловно, размышления о страданиях приводят Пирса к вопросу о других живых существах. Мы ежедневно занимаемся убий-

ством животных ради приятного вкуса. Пирс обращает наше внимание на то, что боль физиологически свойственна не только людям: «Биохимия страдания не только тревожно похожа, но и идентична в широком спектре видов позвоночных (и даже некоторых беспозвоночных). По крайней мере, возможно, что представители любого вида, у которых больше болевых клеток с большей плотностью синапсов, чем у людей, иногда страдают более жестоко, чем мы, независимо от их условного “интеллекта”» [17].

Но Пирс не ограничивается вегетарианством для людей. Дело не в том, что люди должны перестать употреблять продукты животного происхождения. Аргументация «убийство и хищничество — это естественно» не актуальна для постчеловека. Вся экосистема нуждается в изменении, пишет Пирс: «В будущем, так или иначе, формы жизни, существующие на этой планете, будут существовать только потому, что мы позволяем им быть таковыми или решаем их создать. Это пахнет высокомерием, но в то же время это действительно так. Мы все чаще можем конфигурировать материю и энергию мира так, как нам заблагорассудится, в соответствии с законами физики. Поэтому возникает моральный и практический вопрос: какие другие организмы, а значит, и какие другие способы получения опыта мы собираемся либо создать, либо сохранить “в дикой природе” за пределами генных банков и библиотек компьютерных программ в грядущие тысячелетия?» [17]. Это означает, что нам нужно решать, что делать с хищниками, неприятными насекомыми и иными неуютными живыми формами, не соответствующими этике трансгуманизма.

Вывод. Апокалипсис в рамках трансгуманизма предполагает преобразование всего мира посредством телесных изменений. Цель данного преобразования — отказ от страдания и боли. Данное преобразование подразумевает техническое освоение и изменение всей экосистемы, которая должна быть подчинена правилам морали трансгуманизма. Данный подход выстраивает логику насилия над всем живым миром.

Современные представление о постапокалипсисе

Вторая стратегия отказывается вовсе от возможности апокалипсиса, предлагая постапокалиптическое мышление. Если модерн предполагал линейное время и постоянный прогресс, а постмодерн — конец истории, то постгуманизм как продолжение постмодерна преодолевает это движение.

Модернизация призывала к движению вперед, развитию, прогрессу и науке, приоритету разума, который разделяет факты и ценности. Модерн живет со своей темной стороной — предчувствием апокалипсиса и конца жизни людей и природы, подстегивая самих себя этими видениями. «У нашей истории нет конца, — пишет Латур. — Конец истории — это стрела модерна, без нее он был невозможен. Ведь постепенное становление *космоса* не имеет конца. Поэтому политической экологии не стоит бояться Апокалипсиса: она возвращается домой, к *ойкосу*, к другим заурядным существам, к самому обыденному существованию» [7, 212]. Если трансгуманизм продолжает следовать стреле модерна, то постапокалиптическая стратегия отказывается от вершины нововременного прогресса — т. е. конца.

Тема апокалипсиса, т. е. конца истории — антропологическая проблема. Апокалипсис возможен, пока существует форма человека. Современная философия нивелирует эту форму, заявляя, что человек — это только совокупность тела и социально-политического эффекта. Исчезновение человека сродни вымиранию вида. Событие печальное и неприятное. Его придется занести в Красную книгу, сразу после желтых кувшинок. В рамках такого мышления вопрос апокалипсиса теряет свою актуальность, поскольку касается региональной проблемы. История, несмотря на наличие или отсутствие человека, идет своим ходом и не заканчивается с утратой человеческого. История понимается не как история человека, но как история бытия.

Чеширский кот. Апокалипсис перестал ассоциироваться с человечностью человека. Первый вариант, трансгуманистический, интересуется анималистическими качествами, а второй — вовсе не может выделить человеческое. Однако сама апокалиптичность

осталась в виде своих теней — ужаса и страха. Данные феномены существует в виде улыбки чеширского кота: кот (апокалипсис в полном историческом значении этого феномена) исчез, а улыбка осталась. Как возможно существование этой улыбки? Как возможны ужас и катастрофа в мире без Бога и человека?

Ужас

Ужас сегодня приходит от дома — от земли: «все реагируют на еще одну, куда более радикальную реакцию — на реакцию Земли, прекратившей терпеть удары и начавшей все более сильно бить в ответ» [6, 41]. Правда ужасает. Общество постправды — это общество, которое вытолкнуло ужас за свои пределы. В природу. Но ужас до антиантропологического движения был признаком человека, а точнее его души.

Ужас как страсть. Ужас — это страсть души, по мнению Декарта. Он возникает случае, если образ, действующий на душу, приносит вред телу. т. е. ужас возникает в страхе души за тело. Декарт пишет: «Если это образ чуждый и очень пугающий, т. е. если он живо напоминает то, что прежде вредило телу, то он вызывает в душе страсть страха, а вслед за ней — страсть смелости или страха и ужаса в зависимости от особенностей тела и от силы духа, а также в зависимости от того, удалось ли прежде уберечь себя, защищаясь или спасаясь бегством, от вредных вещей, к которым имеет отношение настоящий образ» [2, 498].

Для Декарта образ являлся образом вещи и помогал человеку существовать. Например, вовремя убежать от собаки, увернуться от удара, не попасть в огонь. Но ужас не объясним как феномен, который предостерегает тело от возможного вреда. Причина ужаса — не тело и не вещи, а образ. Например, тело мертвеца или смерть другого человека ужасают. Какой это несет вред для другого тела? Никакого. Ужас причиняется не образами тела, а образами души. Но в философии Декарта страсти — и ужас, в частности — являются продолжением механизма тела, а вид страстей зависит от особенности мозга. Происходит это потому, что субстанциально различия тело и душу, Декарт локализует душу в теле, в железе мозга, и объ-

ясняет возникновение страсти движениями нервов и духов в теле. «Воздействие, оказываемое на железу присутствием устрашающего предмета, у одних людей вызывает страх, а у других может вызвать мужество и смелость. Причина этого заключается в том, что предрасположение мозга у людей очень различно» [2, 499].

Для чего нужны тогда страсти? Почему нельзя без страстей действовать человеку. Дело в том, что Декарт обнаруживает нелинейность: воздействие на человека не гарантирует ответной реакции. Необходимы страсти, чтобы подготовить душу человека для действия: «Необходимо отметить, что главное действие всех людских страстей заключается в том, что они побуждают и настраивают душу человека желать того, к чему эти страсти готовят его тело» [2, 499]. Декарт описывает процесс действия, но не говорит, почему человеческое тело не может действовать без страстей на вещи. Однако он обнаруживает, что вещи действуют не поверхностно на человека, а образом. И человеку нужен образ, прежде чем действовать.

Ужас является у Декарта такой страстью, которая необходима человеку, чтобы существовать в этом мире, т. е. ужас — результат предрасположенности мозга, следовательно, форма влияния тела на душу. Однако Декарт обращает наше внимание на то, что ужас, как и другие страсти, как и другие образы души, возможен лишь во времени. Ужас — это временный феномен, возможный как реакция на образ тела, на прошлое, которое стало будущим. Страсти имеют такую колоссальную власть над человеком, что он почти не в состоянии от них избавиться. Возможно только заменить одну страсть другой.

Декарт связал ужас с миром. И причину видел в вещах. Также и Спиноза объяснил природу аффектов, где причиной были или сами вещи, или воспоминания о них [12]. Западная философия укрепила в данном понимании ужаса, соединив его с миром окружающим и реакцией человека на мир. Следующий шаг — избавление от человека и признание самого мира ужасным.

Природный ужас. Современная философия в связи с антиантропологическим движением не может признать человека един-

ственным существом, испытывающим ужас и порождающим его. Апелляция к Шеллингу позволяет представить человека как вторичный продукт по отношению к природе, а человеческое и внутренние состояния также укоренить в ней.

Б. Вудард, представитель спекулятивного реализма, определяет следующим образом основания своих размышлений: «Наша направляющая мысль звучит так: Природа есть как и продуктивность, так и бесконечное множество продуктов, обуславливающих порождение и потенциал человеческих субъектов с их способностью мыслить» [1, 45—46]. Природа выступает порождающей первопричиной. Она ничем не ограничена, активна, а результатом ее становления является создание продуктов, один из которых — человек.

Кроме того, спекулятивный реализм ведет войну с Кантом и, в частности, с его понятием времени. Вудард отрывает время от человека и приписывает темпоральность природе как характеристику последней: «Время как не подлежащее восприятию (non-perceptual), но глубоко природное, всегда предстает перед нами как несуществующее и поэтому есть все, чем оно может быть (и основание всего, что могло бы быть), вместе с тем предстает как ничто, в виде своего рода чистой бытийности (pure-isness) “согласно своей природе, или Идее” времени самого по себе. Темпоральность, взятая не в качестве инертной формальности и не сугубо как нечто воспринимаемое, выражается в таком случае как время, которое движет само себя, которое функционирует за пределами компетенции человеческой мысли и человеческой субъективности» [1, 48]. Время присуще природе, а значит всему сущему; оно дочеловечно.

Непостижимость безумно длительных промежутков времени порождает ужас. По мнению Вударда, ужас — это результат столкновения с гигантскими величинами, т. е. с бесконечностью, которая игнорирует человека. Ужас от этой мысли фиксируют ряд современных философов, помимо Вударда: Мейясу [8], Мортон [9], Такер [13], Тригг [14]. Этот феномен говорит о том, что один сон догматизма европейской философии развеялся. Человека более не

мыслят как главную фигуру в мире природы. Но вместо этого, приписывают ему отличительные черты его особой животности.

Однако ужас здесь понимается не как сугубо человеческий феномен. Опираясь на образы литературы Лавкрафта, Вудард считает, что ужасное — ненормальная особенность самой природы: «создания Лавкрафта не сверхъестественны, а сверхнормальны; они маловероятны, но не невозможны, тем самым они отказывают бытию-ужаса (being-of-horror) в существовании за пределами природы. Если рассматривать ужас как знание слишком многого, тогда подлинный ужас заключается в знании слишком многого о непознаваемом, этом аморфном чуждом бытии, или неименуемом Лавкрафта. Ужас становится одновременно производящей способностью мысли и природы, при этом мысль является попыткой природы стать объектом для самой себя» [1, 51—52].

Таким образом, феномен ужаса объясняется гносеологически и онтологически. Дело обстоит таким образом: природа позволяет мышлению раскрыть саму себя в мысли. Ужас связан с объективацией природы — т. е. мыслью. Природа, объективируя саму себя, кричит от ужаса от самой себя. Но если отвлечься от литературы, то философия сводится к идее появлению ужаса как ситуации познания природы природой. Когда ужас возникает у человека, существа, не принадлежащего природе, он объясняется как реакция на разрыв с этой природой или результатом самоаффектации. Но в данном случае невозможно обосновать ни причину ужаса, ни появление мысли от ужаса, а сам ход мысли, рассматривающий познание и чувство как взаимосвязанные события, предстает метафорой «поломки» нововременной стратегии, которую упорно продолжают использовать, но уже в негативном ключе. Познание пришло к ужасу, а ужас рождает познание.

Ужас — слом границ. Д. Хамис, переводчица Н. Ланда, предлагает типологию ужаса, объясняя данный феномен как нарушение привычного порядка, а именно представлений о самом себе и об окружающем мире: «Если мы хотим, в отличие от боди-хоррора, помыслить, так сказать, майнд-хоррор, или ужас в самой абстрактной его ипостаси, то допустим, что ужас врывается в нас именно

тогда, когда нарушается обычный ход детерминации — определения границ вещей и самого себя (что, в общем-то, взаимосвязано, поскольку детерминация происходит так, что вещи, процессы, сущности — словом, то, что является единицей желаемой онтологии, взаимно друг друга определяют)» [15, 138]. Данная трактовка сближает ужас с ощущением катастрофы. Последняя, в свою очередь, выступает объективацией чувства ужаса.

Хамис приводит разные ощущения и проживания ужаса к трем типам, каждый из которых касается непосредственно человека. Первый: потеря границы между внутренним и внешним, меня и окружающего пространства. Второй: собственная неопределенность и одновременно с этим определенность мира. Третий: безумие, выход меня за пределы субъекта, собственная нетождественность. Ужас в данной типологии по своему существу не имеет отношения к природе, но только к человеку. Однако автор, отождествляя понятия «человек» и «субъект», приходит к выводу постгуманистическому. Хамис видит в данных примерах, особенно в последнем, преодоление субъекта, а потому и человека. Ужас, в связи с этим, видится в качестве проговаривания Безумия, которое связано не с человеком, а с природой: «Разве не важно в современной философии быть открытым внешнему? И разве не желает философия, как мы уже заметили, перешагнуть через конечный субъект — не значит ли это на самом деле замещение субъекта иным, внешним и, возможно, бесконечным? Шеллинг, например, пишет, что в нас мыслит природа — что если мы впустим ее в себя и дадим ей довести нас до автоматизма, открывая нам попутно интуитивный опыт своих секретов? Возможно, путем к этому “открытию себя” внешнему является ужас» [15, 145].

Итак, несмотря на антропологический подход к ужасу, Хамис приходит к уже встречающимся выше заключениям о природе ужаса, который связан с открытостью внешнему. Рассмотрим возможные причины таких выводов.

Ужас: природа и человек. Как западная философия представляет себе человека? Как субъекта, т. е. как рациональное животное. Но как объяснить тогда безумие, страсти и аффекты челове-

ка? Как эффекты телесные, которые должны быть преодолены на пути к истине и знанию.

Кант в «Антропологии» [1] понимает безумие как нарушение, поломку механизма мышления, а страсти и аффекты — как средство, необходимое человеку, поскольку разум дает чувство жизни посредством аффекта.

Гегель занимает иную позицию. Безумие — не антагонизм, а предыдущая ступень для разума, т. е. основание для возможности существования сознания [1]. Но безумие — это следующий этап становления природной души, т. е. идеализированной природы.

В той и другой позиции человек ассоциируется с наивысшим достоинством — понятийным мышлением. Философия XX в. преодолевает данную позицию, отрицая иерархию, в которой разумный человек должен быть на пьедестале, но современная западная философия до сих пор не пересмотрела распределение ролей: разум — от человека, а безумие, страсти и аффекты — от природы.

Примеры иного взгляда предоставляет русская философия, занимая совершенно иную позицию. Безумие — основание, прерогатива и привилегия человека. Безумие и ужас — родные братья человека в русской философии. Они друг друга не покидают. Герои Достоевского ужас испытывают в ситуациях безумия. Розанов также ассоциирует эти два понятия: «Без молитвы совершенно нельзя жить... Без молитвы — безумие и ужас» [11, 52]. Молитва — это упорядочивающий сознание ритуал. Что находится за рамками ритуала? Субъективность, столкновение с которой рождает ужас хаоса, разрывающей, тягучей темноты.

Ужас двойничества. Главный герой «Двойника», господин Голядкин, влюбленный чиновник, готовится к балу по случаю дня рождения объекта своих чувств. Он находится на пределе насыщенности, наполняет свою жизнь вещами, поступками, которые ему не свойственны: заказывает карету, берет напрокат ливрею для своего Петрушки, повязывает пестрый шелковый галстук, натягивает новехонький вицмундир, ходит по лавочкам, торгуется, приценивается к разным вещичкам, и, наконец, заезжает в ресторан, выпивает горячий шоколад и рюмочку водки.

Его жизнь наполняется словами, людьми: он встречается со-служивцев, ездит к врачу Крестьяну Ивановичу, всем открывает правду о себе: «Вот, господа, мои правила: не удастся — креплюсь, удастся — держусь и во всяком случае никого не подкапываю. Не интригант — и этим горжусь. В дипломаты бы я не годился»; «Человек я маленький, сами вы знаете; но, к счастью моему, не жалею о том, что я маленький человек. Даже напротив, Крестьян Иванович; и, чтоб все сказать, я даже горжусь тем, что не большой человек, а маленький... Полуслов не люблю; мизерных двуличностей не жалею; клеветой и сплетней гнушаюсь. Маску надеваю лишь в маскарад, а не хожу с нею перед людьми каждодневно» [4]. Господина Голядкина затягивает водоворот людей, вещей, слов, поступков, переживаний. Его не пускают на бал, выгоняют прямо на входе, но он тайно прокрадывается, и его выгоняют повторно, а теперь еще и прилюдно.

Насыщенность и переполненность господина Голядкина приводит к рождению второго господина Голядкина. Один как будто отделяется от другого, поскольку вместе, в едином целом, существовать они более не могут.

Господин Голядкин встречается самого себя. Ситуация собственной противоречивой полноты, собственной двойственности — вот что является ужасом. «Волосы встали на голове его дыбом, и он присел без чувств на месте от ужаса... Господин Голядкин совершенно узнал своего ночного приятеля. Ночной приятель его был не кто иной, как он сам, — сам господин Голядкин, другой господин Голядкин, но совершенно такой же, как и он сам» [4]; «Тот, кто сидел теперь напротив господина Голядкина, был — ужас господина Голядкина... одним словом, был сам господин Голядкин» [4].

Ужас господина Голядкина указывает на встречу с самим собой, которая возможна только в пространстве воображения. Для того чтобы встретиться с собой, господину Голядкину пришлось сильно расширить мир, населяя его собой. Процесс расширения — это то, что происходит при ускользании сущего.

Заключение

Экологический нарратив появляется как продолжение мысли о возможном конце мира, который, в свою очередь, адресует к природе. Современная экология заявляет о необходимости переопределить отношение к природе: вместо рационального — чувственное. Познаваемая природа должна смениться непознаваемой и странной. Катастрофа случается не с природой, а с представлением природы человеком. Природа перестала быть законной: она стала необъяснимой, принципиально не целостной и готовится к разрушению. Современная философия нормирует ужас, превращая его не в экстраординарное, не присущее естеству событие, а только не вполне нормальное, необычное. Предскажем ли этот переход и как появляется данная постановка проблемы?

Наука выстраивала природу как технический проект собственного мышления. Анализ живописи показывает, что данное отношение является закономерным также и для европейского искусства, оказываясь универсальным отношением западной культуры. Техническое отношение основано на субъект-объектной перспективе, для которой экологическая проблематика оказывается объектной, т. е. связанной с природой. Таким образом, апокалиптичность в данном случае подразумевает изменения, происходящие только с природой, что разрушает сам смысл апокалипсиса.

Так как апокалипсис теряет свой изначальный христианский смысл, связанный в том числе с внутренним преображением, появляются две стратегии апокалиптичности. Первая стремится к техническому освоению и подчинению мира, преобразованию его согласно собственной этике, основанной на преобразовании тела людей и животных. Апокалипсис вырождается в стремление к сверхчеловечному преображению. Вторая стратегия отказывается от идеи апокалипсиса как идеи конца истории, поскольку история не связывается с человеком. Потому исчезновение человека не может привести к концу истории и мира. Таким образом, вместо апокалипсиса как истории ужасного состояния конца и будущего счастливого преображения появляются две отдельные идеи. Первая — ужасное

состояние без конца. Вторая — счастливое, технически преобразованное состояние без ужаса.

Техническая стратегия напрямую наследует нововременное западное мышление. Отношение посредством ужаса создает современную экологию. На смену рациональному отношению приходит аффективное. Природа не только вызывает ужас, но и объявляется онтологическим источником ужаса. Несмотря на это, тексты, посвященные теме ужаса и природы, выявляют антропологичность мыслей и онтологичность выводов. Образ окружающего мира выстраивается посредством приписывания вещам человеческих переживаний и восприятий. В обилии текстов о постистории, постчеловеке, Великом Внешнем, мире без меня угадывается чувство бессмысленности, ненужности человека. Он вторичен и представляется необязательным конструктом, ограничивающим потенцию природы. Но ужас стал естественной особенностью не природы, а человека, мир которого, в том числе и природа, разрушается на глазах. Ужасает выпадение из привычного хода мира: слом, катастрофа. Так или иначе, ужас связывается с чем-то необъяснимым, выскочившим «как-то вдруг» и поражающим настолько, что возникает не улыбка изумления и вопросительно поднятые брови удивления, но крик ужаса. Ужасает собственное раздвоение (выскочивший вдруг — твой близнец), т. е. порожденные тобой образы, или образ, возникший в связи с предметом. И то и другое ужасает своей беспричинностью.

В связи с этим можно поставить вопрос: не является ли идея непознаваемости и ужасности природы, составляющая основу новой экологии, указанием на изменения, касающиеся антропологии, а не онтологии? Два типа отношения к природе породили два совершенно разных апокалиптических дискурса. С одной стороны, субъект-объектное отношение пришло к трансгуманистическому «апокалипсису» и постапокалиптичности постгуманизма. С другой стороны, критика субъекта и гносеологии, реализуемая в русской философии, пришла к апокалиптичности внутреннего мира самого человека. Вполне вероятно, что данное отношение к природе было более полным, поскольку не оставляло скрытых мотивов.

Изменения природные, следовательно, заявляют о деградации внутреннего мира, не поддающегося логическому дублированию. Природа, в данном случае, является не только метафорой животности или дикости, но чувственной способности человека. Аффекты, страсти, желания, безумства, темное сознание — все эти составляющие человеческой жизни оказываются в ситуации кризиса. Спасение человека без природы оказывается невозможным, поскольку органичность человека сохраняет его человечность, в то время как техника, осуществленная рациональным действием, не предоставляет таких перспектив. Следует подробнее рассмотреть связь человека и природы, на которой основано появление новой экологии: почему природа стала конструироваться посредством ужаса и какие антропологические основания можно выделить в этом процессе? Есть, о чем подумать...

Литература

1. Вудард Б. Мышление вопреки природе: природа, идеация и реализм между Лавкрафтом и Шеллингом // Логос. 2022. Т. 32 (1). 228 с.
2. Гегель. Философия духа // Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977.
3. Декарт Р. Страсти души // Декарт Р. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 666 с.
4. Делез Ж. Логика смысла / Пер. с фр. Я.И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
5. Достоевский Ф.М. Двойник. 1846: URL: <https://ilibrary.ru/text/18/p.5/index.html> (дата обращения: 10.01.2023).
6. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Соч.: В 6 т. Т. 6. М.: Мысль, 1966. С. 349—588.
7. Латур Б. Где приземлиться? Опыт политической ориентации / Пер с фр. А. Шестакова. СПб.: Издательство Европейского университета в СПб, 2019. 202 с.
8. Латур Б. Политики природы. Как привить наукам демократию / Пер. Е. Блинова М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 336 с.

9. *Мейясу К.* После конечности: Эссе о необходимости контингентности / Пер. Л. Медведевой. Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2017. 196 с.
10. *Мортон Т.* Гиперобъекты. Пермь: Гиле Пресс, 2019. 284 с.
11. *Ортнер Ш.* Темная антропология и ее другие: судьба теории после 1980-х годов // Логос. 2022. Т. 32 (1). 228 с.
12. *Розанов В.* Уединенное. Апокалипсис нашего времени. М.: Мартин, 2021. 224 с.
13. *Спиноза.* Этика. Мн.: Харвест; М.: АСТ, 2001. 336 с.
14. *Такер Ю.* Ужас философии: В 3 т. Пермь: Гиле Пресс, 2017.
15. *Тригг Д.* Нечто: Феноменология ужаса / Пер. с англ. Я. Цырлиной, Д. Чулакова. Пермь: Гиле Пресс, 2017. 174 с.
16. *Хамис Д.* Исследование ужаса // Логос. 2019. Т. 29. № 5. С. 135—150.
17. *Lyotard J.-F.* The Inhuman. Reflections on Time. Stanford University Press, 1991. 217 p.
18. *Pearce David.* The Hedonistic Imperative, 1995: URL: <https://www.hedweb.com/hedethic/hedonist.htm> (дата обращения: 10.12.2022).

References

1. *Vudard B.* Myshlenie vopreki prirode: priroda, ideaciya i realizm mezhdru Lavkraftom i SHellingom // Logos. 2022. Т. 32 (1). 228 с.
2. *Gegel'.* Filosofiya duha // Enciklopediya filosofskih nauk. Т. 3. М.: Mysl', 1977.
3. *Dekart R.* Strasti dushi // Dekart R. Soch.: V 2 t. Т. 1. М.: Mysl', 1989. 666 с.
4. *Delez ZH.* Logika smysla / Per. s fr. YA.I. Svirskogo. М.: Akademicheskij Proekt, 2011. 472 с.
5. *Dostoevskij F.M.* Dvojniki. 1846: URL: <https://ilibrary.ru/text/18/p.5/index.html> (data obrashcheniya: 10.01.2023).
6. *Kant I.* Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya // Kant I. Soch.: V 6 t. Т. 6. М.: Mysl', 1966. S. 349—588.

7. *Latur B.* Gde prizemlit'sya? Opyt politicheskoy orientacii / Per s fr. A. SHestakova. SPb.: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v SPB, 2019. 202 s.
8. *Latur B.* Politiki prirody. Kak privit' naukam demokratiyu / Per. E. Blinova M.: Ad Marginem Press, 2018. 336 s.
9. *Mejyasu K.* Posle konechnosti: Esse o neobhodimosti kontingentnosti / Per. L. Medvedevoy. Ekaterinburg; M.: Kabinetnyj uchenyj, 2017. 196 s.
10. *Morton T.* Giperob"ekty. Perm': Gile Press, 2019. 284 s.
11. *Ortner SH.* Temnaya antropologiya i ee drugie: sud'ba teorii posle 1980-h godov // Logos. 2022. T. 32 (1). 228 s.
12. *Rozanov V.* Uedinennoe. Apokalipsis nashego vremeni. M.: Martin, 2021. 224 s.
13. *Spinoza.* Etika. Mn.: Harvest; M.: AST, 2001. 336 s.
14. *Taker YU.* Uzhas filosofii: V 3 t. Perm': Gile Press, 2017.
15. *Trigg D.* Nechto: Fenomenologiya uzhasa / Per. s angl. YA. Cyrlinoj, D. CHulakova. Perm': Gile Press, 2017. 174 s.
16. *Hamis D.* Issledovanie uzhasa // Logos. 2019. T. 29. № 5. S. 135—150.

IV

**АКТУАЛЬНАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

А.Л. АНДРЕЕВ, И.А. АНДРЕЕВ, Т.В. КУЗНЕЦОВА

**Техника в социальном контексте:
к характеристике российского опыта***

Аннотация. В статье рассматривается отношение к технике и технологическому прогрессу в российском обществе в разные периоды его новейшей истории. В статье показано, как различные точки зрения на взаимоотношения между человеком и машиной, а также между человеческой цивилизацией и техносферой, возникшие в ходе этого исторического развития, породили различные общественные инициативы. Показано их влияние на концепцию инженерного образования. В этом контексте автор акцентирует внимание на популяризации дизайна и выступлениях образовательных сообществ в поддержку гуманитаризации инженерного образования, которые характерны для российского интеллектуального ландшафта последних десятилетий XX в. Социальная экспертиза технических проектов с участием населения и развитие ценностно-ориентированных технологий являются возможными ответами на вызовы, с которыми сталкивается человечество на современном этапе своей истории. Однако российская интеллектуальная среда пока не проявила достаточного интереса к внедрению этих подходов в общественную практику и техническое образование. В то же время ведущие технические университеты России постепенно создают сеть энтузиастов, которые изучают социологические подходы к оценке технологических решений и настаивают на их адаптации к российским условиям, выступая за то, чтобы такие адаптированные практики учитывались в дальнейшем развитии российского инженерного образования. По мнению авторов статьи, дальнейшему развитию этого направления в России препятствует недостаточная институционализация. Это также требует более широкой концептуальной основы,

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Андреев А.Л., Андреев И.А., Кузнецова Т.В. Техника в социальном контексте: к характеристике российского опыта // *Философия хозяйства*. 2023. № 2. С. 173—188. DOI: 10.5281/zenodo.7842069.

учитывающей особенности российской интеллектуальной традиции, включая традицию гуманитаризации технического образования.

Ключевые слова: российский менталитет, технический прогресс, технократизм, эстетизация машин, инженерное образование, социальная оценка технологий.

Abstract. The article examines the attitude to technology and technological progress in Russian society in different periods of its recent history. The article shows how different points of view on the relationship between man and machine, as well as between human civilization and the technosphere, which arose during this historical development, gave rise to various public initiatives. Their influence on the concept of engineering education is shown. In this context, the author focuses on the popularization of design and the achievements of educational communities in support of the humanitarization of engineering education, which are characteristic of the Russian intellectual landscape of the last decades of the twentieth century. Social expertise of technical projects with the participation of the population and the development of value-oriented technologies are possible answers to the challenges faced by humanity at the present stage of its history. However, the Russian intellectual environment has not demonstrated much interest in introducing these approaches into public practice and technical education. At the same time, Russia's leading technical universities are gradually creating a network of enthusiasts who study sociological approaches to evaluating technological solutions and insist on their adaptation to Russian conditions, advocating that such adapted practices be taken into account in the further development of Russian engineering education. According to the author of the article, the further development of this direction in Russia is hindered by insufficient institutionalization. It also requires a broader conceptual framework that takes into account the peculiarities of the Russian intellectual tradition, including the tradition of humanization of technical education.

Keywords: Russian mentality, technical progress, technocratism, aestheticization of the machines, engineering education, social assessment of technology.

УДК 6.01
ББК 30

Человек, общество, техника: предварительные заметки

В ходе развития человеческой цивилизации значение технического оснащения всех видов человеческой жизнедеятельности неуклонно увеличивалось. При этом характер отношений между человеком как социальным актором и техникой как совокупностью различных устройств, опосредствующих его взаимодействие с окружающим миром, не остается неизменным. Техника возникла как своего рода неорганическое продолжение человеческих органов (Organprojection, по выражению Э. Каппа), но с возникновением машинной индустрии обнаружилось, что она участвует в генезисе новых механизмов отчуждения, вытесняя тысячи людей из их привычного жизненного мира (разорение ручных прядильщиков и ткачей в Англии, а затем в Индии и др.), превращая рабочего в функциональный придаток машины («частичного человека» Маркса) и способствуя быстрой деградации природной среды обитания. В то же время в эпоху пара и электричества развитие техники, способствовавшее чрезвычайно быстрому росту производительности труда и улучшению качества жизни, завораживало воображение небывалым расширением круга возможностей во всех сферах человеческой деятельности. И то, и другое способствовало реконфигурации поля общественного внимания таким образом, что проблема технического прогресса оказывалась в самом его центре. В этой обстановке феномен техники становится предметом интеллектуальной рефлексии, возникают различные философские и социологические теории техники, в чем ранее не было особой потребности.

В философии, социальной мысли и художественной культуре XX в. можно найти разные трактовки соотношения технической и социогуманитарной стороны развития человеческой цивилизации вплоть до полярно противоположных — с одной стороны, это доходивший до крайности техноромантизм, буквально упивавшийся слиянием человека с мощным движением машины (например, у Э. Юнгера или итальянских футуристов), а также равнодушный к внутреннему миру человека технократизм, а с другой стороны, тех-

нокритицизм и антитехницизм, для которых техника выступает принципиальной противоположностью человеческих ценностей, а также средством порабощения человека (К. Ясперс, Н. Бердяев, Л. Мамфорд, Ж. Эллюль и др.). В разное время указанные тенденции проявляли себя с разной силой, так или иначе проявляясь в научных исследованиях, образовании, публицистике, а также в искусстве и моде.

Возьмем за отправную точку нашего анализа теорию социального конструирования технологий (SCOT), которая на разном эмпирическом материале была обоснована М. Каллоном, В. Бийкером, Т. Хьюзом, Т. Питчем и другими исследователями. Разработанный ими подход, согласно которому развитие технологических систем представляет собой multidirectional процесс, детерминированный исторически складывающимися композициями социальных, политических и культурных факторов [9, 28], может быть естественным образом обобщен применительно к репрезентации «технического мира» как в массовом сознании, так и в интеллектуальной культуре. Хотя техника и ее совершенствование объективно имеют универсальное значение, восприятие их людьми со всем сопутствующим этому восприятию шлейфом переживаний, образов и смысловых коннотаций всегда представляет собой продукт совершенно определенного общества и определенной культуры. Поэтому общий вектор технического прогресса человечества в конечном счете формируется в результате многосложного взаимодействия. В этом взаимодействии всегда участвовала и российская интеллектуально-образовательная традиция, которую мы освещаем в данной статье.

Техницизм и технократизм в советском обществе

Начало советского периода российской истории прошло под знаком техницистских увлечений, принимавших разные формы, вплоть до весьма экзальтированных. Многим (кстати, не только в России) это казалось признаком революционности. Подобные настроения объясняют некоторые характерные черты советской ментальности того времени — и восприятие исторических памятников как «старого хлама» (известно, что некоторые из них были разобраны из-за того, что они «мешали движению автомобилей»), и

культ грандиозных технических проектов, и повышенный интерес к фордизму и системе Тейлора, фактически превращавшей рабочего в автомат (этой системой, в частности, очень увлекался Ленин). На почве доведенного до крайности техницизма возникло и распространилось стремление рассматривать людей в качестве «колесиков» и «винтиков» гигантского производственного механизма. В дальнейшем советский техницизм избавился от признаков экзальтации и утопизма; футуристический техноромантизм начала XX в. трансформировался в прозаический технократизм, но в этом виде его влияние на жизнь общества оказалось намного более глубоким и устойчивым. Это отчетливо проявлялось в том, что можно назвать ценностной ориентированностью технического прогресса. Быстрый технический прогресс СССР в первые десятилетия его существования производит сильное впечатление, но при этом техника превращалась в нечто самодостаточное и отчужденное от повседневных потребностей обычного человека. «Техника решает все!» — так в свое время Сталин сформулировал лозунг начавшейся в 1929 г. форсированной индустриализации. Промышленность нарастающими темпами производила металлопрокат, подшипники, паровозы, тракторы, авиационные моторы и, естественно, оружие, но практически не выпускала бытовой техники (так, холодильники, стиральные машины, пылесосы в советских семьях стали появляться не ранее 1950-х гг., да и то первоначально в очень ограниченном количестве).

Технократические тенденции накладывали свой отпечаток на советскую модель образования, представления о путях профессиональной и личностной самореализации, а также на иерархию социальных статусов. Так, техническое образование обычно ценилось выше гуманитарного. Профессия инженера в СССР стала массовой, но качество их подготовки снизилось по сравнению с политехническими и технологическими институтами Российской империи главным образом за счет тех компонентов образования, которые связаны с освоением фундаментальных знаний, а также с развитием общего кругозора и креативных способностей. В целом выработанная в довоенном СССР модель инженерного образования была рассчитана преимущественно на быстрое удовлетворение острой потребности в специалистах-практиках, способных организовать работу на

отдельных производственных участках. Но именно из такого рода людей в СССР комплектовались кадры государственного управления. Анализ биографий высших советских государственных деятелей времен Хрущева и Брежнева показывает, что практически все они в молодые годы получили прикладные технические специальности и в период форсированной индустриализации начинали свою карьеру непосредственно на производстве. Сталкиваясь с теми или иными социальными проблемами, люди такого склада стереотипно прибегали к когда-то уже опробованным ими схемам, по которым решались локальные производственные и технические задачи в период форсированной индустриализации. Такой стиль мышления характеризовался склонностью рассматривать «достижения технического прогресса» без непосредственной их увязки с созданием комфортной для людей среды. Но по понятным причинам он оказывал большое влияние на массовое сознание, приобретая значение имплицитно нормативного.

Гуманитарные увлечения позднего социализма

Тем не менее было бы неправильно рассматривать социальное мышление советского общества как тотально унифицированное. Это касается а том числе и отношения к технике, техницизму и технократизму. Так, известный русский психолог и физиолог Владимир Бехтерев и его коллеги еще в 1920-е гг. подвергали концептуальной критике модный среди большевистских лидеров тейлоризм за то, что он фактически полностью подчинял движения человека механическим ритмам конвейерного производства, принося естественную потребность испытывать удовлетворение от своей работы сугубо капиталистическому пониманию эффективности. Заслуживают внимание также опыты по модификации техногенных сред с учетом законов красоты («промышленное искусство») и перестроению «технического мира» под естественную сенсомоторику человеческого организма и особенности человеческого предметного восприятия. Интерес к такого рода проблемам возник в интеллектуальных и художественных кругах еще в предреволюционные годы. А в послеоктябрьский период он нашел практическое воплощение в деятельности всемирно известных центров русского авангарда. Особо надо отметить в этой связи ВХУТЕМАС и ВХУТЕИН,

важнейшим направлением в деятельности которых стала подготовка художников для индустриального производства и архитектуры.

Но переломной точкой в развитии данного направления стали 1960-е гг., когда в контексте десталинизации и относительной либерализации советской системы (известной как «хрущевская оттепель») оно приобрело широкое общественное значение. Увлечение художественным конструированием, технической эстетикой, дизайном в противовес утилитарному технократизму правящей партийной и государственной бюрократии, стало одной из примечательных черт социокультурного ландшафта того времени. Эти новые веяния в известной мере воплощали в себе дух оппозиционности — не политической системе как таковой, но, скорее, определенному политическому стилю, ставящему «достижения технического прогресса» выше человека и рассматривающего людей как «колесики» и «винтики» гигантской мегамашины.

Возникли условия для формирования культурной среды, способствовавшей широкому распространению увлечения дизайном и художественным конструированием и состоявшей из людей различных профессий и социального статуса. Вскоре эта среда получила институциональный центр — Всесоюзный институт технической эстетики (ВНИИТЭ). Институт был открыт в 1962 г. и имел несколько региональных филиалов. ВНИИТЭ осуществлял разнообразные дизайнерские проекты и активно занимался внедрением художественного конструирования в советскую промышленность и градостроительство. В этой же связи надо отметить и созданную несколько позже (1964) Сенежскую учебно-экспериментальную студию [7]. Генерируемые этими центрами идеи и подходы ретранслировались существовавшей в СССР разветвленной системой просветительских учреждений (в том числе через народные университеты, лекции, которые организовывало общество «Знание» и др.). Как мы уже отмечали в наших предшествующих публикациях, эта культурно-просветительская работа 1960-х — 1980-х гг. стала значимым фактором утверждения в обществе новых, гуманистически ориентированных, представлений о критериях оценки техники и технического прогресса, заметно потеснивших прямолинейный технократизм советских элит, воспитанных на представлениях эпохи индустриализации довоенной поры [1]. Однако попытки внедрять

идеологию гуманизации техники через преподавание курсов эстетики в учреждениях общего и профессионального образования дало лишь ограниченные результаты. Определенное практическое значение имела специализация по эргономике на психологических факультетах, но она затронула лишь незначительную часть студентов, и это, как говорится, «не делало погоды». Инженерная же подготовка в то время в целом оставалась в стороне от новых веяний, если не считать пример МИРЭА, где на волне этих веяний была создана специализированная кафедра эргономики. Отечественные программы инженерного образования традиционно включали в себя унифицированный блок из нескольких социальных и гуманитарных дисциплин, но их изучение мотивировалось чисто идеологически. В социокультурном же плане технические вузы ориентировались на ту модель подготовки «специалиста», которая сложилась еще на почве советской индустриализации и отражала узко технократический менталитет тогдашней советской элиты, мышление которой редко выходило за рамки «организации производства». Играло немалую роль и противоречие между технократической и гуманитарной культурами, существовавшее во всех развитых странах, но в силу целого ряда причин, принявшее в России в советский период ее истории особенно резкие формы. Вследствие этих и ряда других причин движение испытывало серьезные трудности со включением в традиционное социокультурное поле, замыкаясь не на практическую реализацию своих проектов, а на внутреннюю коммуникацию [5, 192 — 193].

И ВНИИТЭ, и Сенежская студия успешно демонстрировали примеры креативного проектирования на разнообразных выставочных образцах, однако промышленность не проявляла энтузиазма в отношении их тиражирования. И то же самое можно сказать об ориентированной на запросы промышленности системе инженерного образования, которая в тех условиях просто не понимала, как она может использовать дизайн-мышление (мы имеем в виду именно систему и не говорим об отдельных энтузиастах дизайн-движения).

Между тем несколько позже — в 1970-е и еще больше в 1980-е гг. в высших технических учебных заведениях России стало зарождаться собственное движение за переосмысление отношения к технике и техническому прогрессу, за наделение инженерной дея-

тельности гуманистическим смыслами. Применительно к образовательной практике это понималось как *гуманитаризация* технического образования. Содержание, которое вкладывалось в это понятие, могло варьироваться. Но ясно, что в общем и целом речь шла о педагогической стратегии высшей школы: предполагалось, что функция высшего образования не сводится к выпуску носителей определенных профессиональных компетенций — она должна сформировать образованного человека и «как личность». Эта стратегия сначала подспудно, а затем все более явственно противопоставлялась как унаследованной от сталинской эпохи предельной политизации учебных дисциплин гуманитарного блока, так и достаточно сильно выраженного в повседневной культуре советского времени технократизма. В противоположность этому ставилась задача свободного духовного саморазвития обучающихся — «становление человеческого в человеке» [6]. Аргументация в пользу такого подхода основывалась на том, что он развивает способность генерировать инновационные решения, ибо такая способность определяется не одним лишь запасом технических знаний, но и даром продуктивного воображения, опирающегося на эрудицию и ресурсы ассоциативно-образного мышления. Надо отметить, что в российской интеллектуальной традиции гуманитарные науки не отделяются от социальных, и с этой точки зрения развитие гуманитарной составляющей технического образования должно было способствовать формированию у молодых инженеров также и чувства социальной ответственности.

Инициатива гуманитаризации шла снизу, в основном — от кафедр философии, изучение которой в России традиционно составляет обязательный компонент высшего образования. И это не случайно. Философия была одной из тех областей интеллектуальной деятельности, внутренний этос которой был в наибольшей степени затронут теми изменениями, которые происходили в жизни страны в период после смерти Сталина. В условиях «оттепели» сформировалось новое поколение ученых и преподавателей, образовывавших новые, неформальные и неортодоксальные, интеллектуальные сообщества, где смысл своей деятельности видели не в обосновании политических лозунгов и реализации политических директив, а в профессиональной исследовательской работе, оцени-

ваемой с точки зрения общих критериев науки. Принимая известный тезис Маркса об идеологии как иллюзорном сознании, «новые философы» стремились отделить эту работу от идеологии и восстановить на этом пути реальную включенность российских философских исследований в мировой процесс развития философской мысли. В своих исследованиях представители этой новой философской волны часто шли параллельно поискам своих зарубежных коллег (в связи с чем некоторые историки философской мысли говорят о своеобразном феномене «спонтанной параллельности»). Да, занимавшиеся свободным исследованием философы того времени не шли в полный рост на «пулеметы» официальной идеологии, а скорее, обходили их стороной, сосредоточивая внимание на тех предметах философского анализа, которые не слишком контролировались официальными идеологическими инстанциями. К числу таких относительно нейтральных в политическом и идеологическом смыслах предметов относились, в частности, техника, технический прогресс, отношения между человечеством и создаваемой им техносферой.

Конечно, профессиональная карьера неортодоксального философа в СССР — это не путь, устланный розами. Известен не один случай их столкновений с носителями официальной ортодоксии, результатом которых могли быть серьезные неприятности, особенно если речь идет о работе в так называемых «идеологических» учреждениях — таких, как, например, философский факультет Московского университета. Но как раз в учебных заведениях технического профиля к таким эпизодам относились мягче; здесь ценили оригинальность мышления и научную смелость, а некоторое вольномыслие и критический взгляд на вещи не считались большим грехом и обычно не препятствовали продвижению по ступеням академической карьеры. Так что в 1970-е и тем более 1980-е гг. философские кафедры в ведущих институтах технического профиля возглавляли в основном уже люди творческого склада, хорошо знающие актуальные тенденции мировой философской мысли и ориентирующиеся именно на эти тенденции. Что же касается конкретно идеи гуманитаризации технического образования, по крайней мере в самых известных и авторитетных учебных заведениях ее поддерживали и «сверху», что немало способствовало ее популяризации и

оказало некоторое влияние на структуру учебных программ, в которую дополнительно вводились различные гуманитарных курсы (обычно факультативные).

Во многих учебных заведениях технического профиля создавались различные особые советы по гуманитаризации и гуманитарному воспитанию молодого поколения, в которые входили представители как инженерных, так и гуманитарных кафедр. В еще большей степени концепция гуманитаризации повлияла на стиль подачи материала, отбор тем для студенческих рефератов, тематику проводимых в высших учебных заведениях студенческих конференций. Надо, однако, сказать, что эта концепция в изначальном ее понимании никак не увязывалась с социальной экспертизой конкретных технических проектов. Иначе говоря, они были нацелены не столько на социальный контроль за формированием технической среды, сколько на формирование определенных рамочных контекстов, задающих социокультурные ориентиры инженерной деятельности. Имплицитно предполагалось, что высокий уровень гуманитарной культуры способен сам по себе обеспечить приведение инженерных практик в соответствие с принципом антропности.

В поисках новых подходов

Инерция такого понимания социального и гуманитарного образования в общем и целом все еще сохраняется. Между тем вопрос о воздействии разрастающейся и усложняющейся техносферы на жизнь человечества сегодня стоит иначе, чем 30 или 40 лет назад, когда этот подход только формировался. Все большую тревогу вызывает воздействие техногенных факторов глобального загрязнения на климатические изменения. Настоятельной потребностью становится разработка эффективных подходов к постепенной декарбонизации обеспечивающих жизнедеятельность человечества энергетических систем. С другой стороны, быстро прогрессирующие компьютерные технологии, а также биотехнологии, связанные с перспективой видоизменения организмов, включая и человеческие, судя по всему, принципиальным образом переформируют отношение между человеческими сообществами и техносферой. В рамках весьма популярной и влиятельной акторно-сетевой теории [8] уже была высказана «еретическая» точка зрения, согласно которой вещ-

ные элементы техносферы, с одной стороны, и люди, с другой, образуют такую систему отношений, в которой они оказываются равноправными составляющими. Но если это так, то можно, вероятно, сделать следующий вполне логичный шаг и предположить, что в ходе продвижения по пути создания и совершенствования искусственного интеллекта, технологий создания виртуальных персонажей техносфера может превратиться из контролируемого нами инструментального арсенала человечества в самоорганизующуюся систему, состоящую из способных к саморазвитию техноценозов, в которые включены и люди. В этом случае логично было бы ожидать возникновения совершенно новых техногенных рисков, связанных в том числе с не вполне ясной перспективой трансформации психофизической конституции вида человека разумного.

В российском академическом и экспертном сообществе данная ситуация воспринимается как цивилизационный вызов — приблизительно в том смысле, в каком это понятие использовал Арнольд Тойнби. За последнее время российские социологи провели ряд эмпирических исследований с целью изучения реакций российского общества на социально значимые технологические инновации, оценки готовности населения к их использованию, степени вовлеченности людей в технологические изменения (в особенности, в процессы цифровизации), воздействия новейших технологий на социальное мышление и социальное поведение. Исходя из результатов социологической диагностики, российские исследователи приходят к выводу о том, что для адаптации общества к новому витку технического прогресса необходимы новые компетенции и новые социальные технологии, освоение которых должно быть включено в образовательные программы разного уровня. Этим обусловлен немалый интерес российского научного и образовательного сообщества к европейскому и американскому опыту, в том числе к таким активно разрабатываемым в ряде стран направлениям, как социальная оценка техники, так называемые ответственные исследования, а также ценностно ориентированные технологии. Российские ученые также внесли вклад в развитие данного направления, что, в частности, отражено в совместных публикациях с зарубежными авторами.

Сильной стороной европейской модели управления технологическим развитием российские эксперты считают принцип участия, согласно которому выбор приоритетных проектов осуществляется через диалог экспертов, правительственных структур и гражданского общества. На эту тему в российских научных изданиях за последние полтора-два десятилетия опубликованы десятки статей и обзоров. Тем не менее российские авторы не склонны придавать какой-либо стратегии или методике «социализации» техники абсолютное значение, поскольку эффективность их реализации критически зависима от конкретного культурного, исторического и политического контекста. С точки зрения российских ученых, в настоящее время проблеме вариативности моделей социальной оценки техники не уделяется достаточного внимания. А ведь для Индии, Индонезии или Филиппин, делающих ставку на ускоренный экономический рост и быструю ликвидацию имеющейся застарелой и массовой бедности, проблема социальной ответственности применительно к развитию техники выглядит совсем не так, как в богатых странах «глобального Севера». Применительно ко многим развивающимся странам даже можно, на наш взгляд, говорить о специфическом феномене «вынужденного технократизма».

А что можно сказать в этой связи о России? Насколько ситуация, которая складывается в нашей стране, отличается от того, что мы наблюдаем в ЕС и США? Озабоченность по поводу социальных рисков, генерируемых развитием современных технологий (искусственный интеллект, клонирование, трансплантация органов, создание цифровых двойников конкретных личностей и др.) в российском обществе также проявляется. Но эта озабоченность, если можно так выразиться, не институционализована, а потому о равноправном диалоге экспертного сообщества, лидеров образования, политиков и гражданского общества говорить пока не приходится. При этом надо учитывать, что запрос на создание особых экспертных и исследовательских институтов, занимающихся социальной оценкой техники, а также потребность в выделении этого направления в качестве особых предметов преподавания определяются не только сверху: для этого необходимо учитывать особенности восприятия научно-технического прогресса как в массовом сознании, так и в различных специализированных социальных группах. В этой

связи, безусловно, важно, что россияне не воспринимают риски техногенного происхождения как приоритетно значимые. Гораздо большее беспокойство у них вызывают внешнеполитические угрозы [2]. Что же касается отношения в научно-техническому прогрессу, то в его восприятии у россиян преобладают оптимистические настроения, которые укоренены как в традициях национальной культуры, так и в социальных практиках советского времени. Между различными поколениями россиян сложился консенсус по вопросу о путях дальнейшего развития страны: подавляющее большинство наших сограждан считают необходимым завоевание технологического лидерства в тех областях, которые определяют дальнейший прогресс человечества. Показательны в этом плане следующие данные эмпирических исследований. В странах ЕС в целом лишь менее четверти граждан согласны с тем, что научное и технологическое развитие позволяет успешно разрешать все проблемы (данные 2016 г.), в то время, как среди российских респондентов этот показатель составляет без малого половину опрошенных (46%). Уверенность в том, что достижения науки и техники в конце концов раскроют нам все тайны мироздания продемонстрировала также примерно половина россиян, тогда как в 27 странах Евросоюза эту точку зрения разделяют только 27%. При этом примерно 58% европейских респондентов сетовали на то, что научно-технический прогресс слишком быстро меняет жизнь [10, 6], среди россиян же с этим согласны только 46% [5, 16].

Мы понимаем, что идеология гуманитаризации технического образования, сложившаяся в 1980-е и 1990-е гг., может все еще казаться вполне достаточной. Но это, безусловно, не стимулирует освоение и распространение компетенций, необходимых для проведения развернутых социальных экспертиз конкретных технических проектов, тормозит эксплицитное включение таких компетенций в цели образования. Тем не менее российские ученые не прекращают работать над новыми подходами и инструментами оценки социальных эффектов технологических инноваций. Примером этого может служить разработка методики представления результатов интеграции инновационных технологий с различными социальными практиками в виде визуализированных ландшафтных моделей.

Данная методика использовалась, в частности, для описания тех изменений, которые внедрение цифровых технологий оказывало на медицинское обслуживание населения отдельных российских регионов. В целом ряде научно-исследовательских институтов и технических университетов страны возникли научные группы, работающие над проблемами интеграции методов социальной оценки техники в инженерное проектирование. Однако для дальнейшего развития этого направления необходим более развернутый, а главное, институционализированный диалог с государственными структурами, ответственными за развитие НИОКР, а также с частным бизнесом, заинтересованным во внедрении высоких технологий. Представляется необходимым разработать для этого взаимодействия учитывающие разнообразные российские контексты концептуальные основания, «идеологию» социотехнического прогресса применительно к инновациям «цифровой» эпохи, но в то же время соответствующую сложившимся в российском обществе условиям и интеллектуальным традициям. Поиски в этом направлении ведутся [3]. Они включают в себя в том числе социальные оценки технологий, но, в отличие от западных разработок, делают акцент на более широкой гуманитарной проблематике. Речь идет, с одной стороны, о многообразии культур и воспроизводстве родственных идентичностей, о которых не раз говорилось в выступлениях Президента Российской Федерации В.В. Путина, а с другой — об ответственности за сохранение «человеческой» парадигмы в развитии цивилизации, исключая несоместимые с естественной природой человека «постчеловеческие» и, возможно, *античеловеческие* перспективы.

Литература

1. Андреев А.Л. Гуманитарные контексты российского технического образования // Высшее образование в России. 2021. № 4. С. 62 — 72.
2. Андреев А.Л. Риски и угрозы в восприятии российского общества // Философия хозяйства. 2021. № 1. С. 111 — 122.
3. Луков В.А. От экспертизы социальной к экспертизе гуманитарной // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 2. С. 114—118.

4. Проблемы построения теории мышления. Дизайнерское движение и перспективы его развития. М.: Наследие ММК, 2013. 336 с.
5. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ. М.: РВК, Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2016. 102 с.
6. *Слободчиков В.И.* Становление человеческого в человеке // Психологическая наука и образование. 2011. № 3. С. 1—6.
7. *Cubbin T.* Soviet Critical Design: Senezh Studio and the Communist Surround (Cultural Histories of Design). Bloomsbury Visual Arts, 2018. 224 p.
8. *Latour B.* Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. Oxford Univ. Press, 2007. 468 p.
9. Social Construction of Technological systems. New Directions in the Sociology and History of Technology / *Bijker W., Hughes T., Pinch T.* (eds.). Cambridge, Mass., The MIT Press, 1987. 405 p.
10. Special Eurobarometer 401. Responsible Research and Innovation, Science and Technology. Report. Brussels: Directorate-General for Communication, 2013.

References

1. *Andreev A.L.* Gumanitarnye konteksty rossijskogo tekhnicheskogo obra-zovaniya // Vysshee obrazovanie v Rossii. 2021. № 4. S. 62 — 72.
2. *Andreev A.L.* Riski i ugrozy v vospriyatii rossijskogo obshchestva // Fi-losofiya hozyajstva. 2021. № 1. S. 111 — 122.
3. *Lukov V.A.* Ot ekspertizy social'noj k ekspertize gumanitarnoj // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2012. № 2. S. 114—118.
4. Problemy postroeniya teorii myshleniya. Dizajnerskoe dvizhenie i perspektivy ego razvitiya. М.: Nasledie ММК, 2013. 336 s.
5. Publichnyj otchet po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya pove-dencheskikh i institucional'nyh predposylok tekhnologicheskogo razvi-tiya regionov RF. М.: RVK, Moskovskaya vysshaya shkola social'nyh i ekonomicheskikh nauk, 2016. 102 s.
6. *Slobodchikov V.I.* Stanovlenie chelovecheskogo v cheloveke // Psihologi-cheskaya nauka i obrazovanie. 2011. № 3. S. 1—6.

Г.С. ШИРОКАЛОВА, П.И. КУКОНКОВ

Нижегородское студенчество в усложняющемся мире*

Аннотация. В статье дается оценка реализации молодежной политики РФ на основе результатов социологического исследования «Культурное наследие и связь поколений», проведенного Российским обществом социологов в 2022 году, который был объявлен в Российской Федерации Годом культурного наследия народов России. В 60 регионах России методом онлайн был опрошен 9751 студент вузов. Сравнение ответов респондентов по Федеральным округам показало, что практическая значимость данных возрастает при анализе результатов применительно к конкретному региону. В данной статье оценивается система ценностных ориентаций нижегородских студентов (N = 1699 чел.). Авторы приходят к выводу: менталитет студентов формируется под влиянием реалий окружающей их жизни, характеризующихся ими как несправедливые, что порождает представления об идеальном обществе, в котором противоречиво «переплетаются» социалистические и либеральные ценности.

Ключевые слова: студенты, молодежная политика, ценностные ориентации, Нижний Новгород.

Abstract. The article assesses the implementation of the youth policy of the Russian Federation based on the results of the sociological study «Cultural Heritage and the connection of generations» conducted by the Russian Society of Sociologists in 2022, which was declared the Year of Cultural Heritage of the Peoples of Russia in the Russian Federation. 9751 university students were interviewed online in 60 regions of Russia. A comparison of respondents' responses by Federal Districts showed that the practical significance of the data increases when analyzing the results in relation to a specific region. This article evaluates the system of value orientations of Nizhny Novgorod students (N = 1699

*Исследования выполнены при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-18-00288.

Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Широкалова Г.С., Куконков П.И. Нижегородское студенчество в усложняющемся мире // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 189—204. DOI: 10.5281/zenodo.7842099.

people). The authors come to the conclusion: the mentality of students is formed under the influence of the realities of their surrounding life, characterized by them as unfair, which give rise to ideas about an ideal society in which socialist and liberal values are inconsistently «intertwined».

Keywords: students, youth policy, value orientations, Nizhny Novgorod.

УДК 316.442
ББК 60.54

Согласно Национальному рейтингу научно-технологического развития субъектов Российской Федерации по итогам 2021 г. Нижегородская область занимает 10 место [17], что актуализирует проблемы социализации и профессиональной подготовки молодежи. То, что молодежь — стратегический ресурс трансформирующегося российского общества, неоднократно декларировалось за последние три десятка лет на федеральном и региональных уровнях, но задача включения молодых людей в созидательное участие в жизни общества и государства реализуется не в полной мере. Как и двадцать [1], пятнадцать [2], десять лет назад [8], нами отмечается недостаточность правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, научного, информационного и кадрового обеспечения этой задачи.

В данной статье анализируется успешность молодежной политики государства через систему ценностей студентов, которые острее чувствуют меняющиеся общественные настроения, больше расположены к новациям. Именно они в перспективе будут формировать социальный и научно-технический потенциал развития общества.

Учет позиции молодежи в отборе и реализации программ и проектов, не отменяет необходимости подчинения их модели будущего, хотя это достаточно сложно вследствие идеологических различий, проявляющихся в ходе научных дискуссий и экспертных суждений [11]. Типичный пример рассогласованности и противоречивости государственной политики — неспособность реализовать решение о создании единого учебника истории [3].

В 2014 г. в «Основах государственной молодежной политики РФ на период до 2025 г.» отмечалось: «В последние годы удалось переломить ряд негативных тенденций и достичь заметного улучшения социально-экономического положения молодежи в Российской Федерации. Вместе с тем, существует тенденция нарастания негативного влияния целого ряда внутренних и внешних факторов, повышающих риски роста угроз ценностного, общественного и социально-экономического характера. Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодежь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе» [9].

Насколько удалось нивелировать названные риски свидетельствует вывод генерального директора ВЦИОМ В.В. Федорова: «Образование, к сожалению, постепенно становится дисфункциональным. Молодые люди понимают, что хорошую работу и достойный заработок можно получить и без него! Таков тренд, которому уже пара-тройка лет» [18]. Единственное, в чем ошибается В.В. Федоров — это временные рамки: явлению десятилетия, а не тройка лет.

Итак, необходима объективная оценка итогов реализации задач, сформулированных в 2014 г., для корректировки государственной молодежной политики, а также трансформации системы образования. Результаты социологических исследований и социальная статистика позволяют не только выявить динамику, направленность изменений в этой сфере, но и определить характер ее взаимосвязей с другими элементами социальной реальности.

В 2020 г. по поручению Министерства образования, науки и молодежной политики Нижегородской области было проведено изучение удовлетворенности населения качеством образования в Нижегородской области. Результаты опроса показали, что нижегородцы положительно оценивают состояние образования в регионе. Показатель удовлетворенности высшим образованием составлял 76,4% (в 2019 г. — 47,14%, в 2018 г. — 41,13%) [14, 17].

На наш взгляд, значительные колебания удовлетворенности на протяжении коротких временных периодов ставят под сомнение полученные данные, поскольку в Нижегородской области не было

принято значимых решений, улучшивших материальную базу вузов, положение студентов и преподавателей. Более того, объединение вузов («оптимизация»), лишение трудовых коллективов права выбора ректора и как результат — контроля за деятельностью администрации, назначение «молодых менеджеров» по принципу «своих» на монетизируемые должности [10], увеличение доли административного персонала из никогда не работавших в высшей школе и/или не знакомых со спецификой большинства факультетов, сокращение аудиторных занятий и, соответственно, преподавателей, оставшиеся из которых вынуждены читать до десятка разных дисциплин и зарабатывать вузу научными исследованиями в год столько, сколько получает за год ассистент, отсутствие научного нормирования труда преподавателей привели к разрушению образовательного процесса, падению качества подготовки и падению статуса высшего образования.

Удовлетворенность студентов образованием обусловлена различными факторами: качество образования, ожидания студентов, образовательная мотивация, степень включенности студентов в управление образовательным процессом, удовлетворенность различными образовательными программами и видами профессионального образования, переходом на дистанционное образование. Весьма важны и такие факторы, как обустроенность студентов, их социальное благополучие, качество университетской жизни.

Наши исследования в 1999—2009 гг. показали, что большинство нижегородских студентов (более 60%) воспринимали вуз как чуждую, некомфортную среду. Вызвано это было комплексом причин: общей оценкой ситуацией в вузе, ее несоответствием интересам студентов. Это во многом определяло уровень удовлетворенности студентов своей учебой. В 2009 г., как и за десять лет до этого, студенты были не вполне удовлетворены: организацией учебного процесса (55%), качеством обучения (46%), содержанием учебного процесса (38%). Недовольство студентов не было сфокусировано на какой-либо одной из сторон учебного процесса, а обращено ко всем его организаторам: преподавателям, работникам деканатов, кафедр, структурам, ответственным за формирование учебных программ и учебных планов. Более трети студентов (38%) не были уверены в

адекватности оценки знаний студентов их группы со стороны преподавателей или, напротив, уверены в ее неадекватности [7, 276—295].

Социологические исследования последних лет, свидетельствуют, что ситуация в этой сфере мало изменилась. Г.Е. Зборовский отмечает, что «...уровень удовлетворенности различными аспектами учебной жизни вряд ли можно считать оптимальным, поскольку доля неудовлетворенных студентов достигает иногда 40%. Когда в среднем 1/3 студентов не удовлетворена объемом и качеством знаний и навыков, получаемых в ходе обучения, своими достижениями в учебе, не может в полной мере применять полученные знания на практике, такую ситуацию нельзя считать вполне благополучной с точки зрения академического развития студентов» [6, 177—192].

Старшие поколения используют имеющиеся возможности для того, чтобы «прикрыть» студенческую молодежь от суровой действительности. Одним из негативных последствий такой опеки выступает «облегченный» подход студенчества к оценке социальной ситуации. В 2009 г. мы констатировали, что обостряющееся противоречие между растущими ожиданиями студентов и очевидным сжатием спектра их реальных возможностей чревато ростом недовольства и протестных настроений, которые способны легко трансформироваться в неадекватные, непредсказуемые поведенческие реакции [7, 276—295], что и произошло в 2012 г.

Противоречие между растущими ожиданиями студентов и очевидным сжатием спектра их реальных возможностей сохраняется до сих пор. Правда, его острота заметно меняется по мере усиления различий между социальными группами по самым разным параметрам, что было зафиксировано социологическим исследованием Российского общества социологов 2022 г. [4; 5].

Вначале охарактеризуем ряд факторов, которые определяют менталитет студентов. Среди них около 12% тех, чья первичная социализация прошла в деревне; у 28% — в больших городах. Остальные — из поселков городского типа, малых и средних городов. Следовательно, у подавляющего большинства студентов есть трудности не только бытовой, но и социально-психологической адаптации. Не все вузы могут предоставить общежития, или прожи-

вание в них некомфортно в силу разных причин, что дополнительно увеличивает нагрузку на родительскую семью в связи со съемом жилья (табл. 1).

Таблица 1

Условия проживания студентов

Формулировка вопроса: Вы живете:	% от опрошенных
С родителями (с семьей)	38,4
В своей квартире	9,4
На съемной квартире	16,9
В общежитии	33,9
В своей комнате (подселение, с соседями)	1,4

Всегда есть студенты, которые поступают в вуз, не связывая с ним свое будущее: проживание в общежитии во время адаптации и поиска «своей ниши» дешевле, чем на квартире — оплата не должна превышать 5% от размера стипендии. Например, в общежитиях НГТУ она составляет от 732 до 927 р. [10], а в НИУ ВШЭ — 6400 р. в месяц [12].

Отчислить неуспевающих студентов нельзя в связи с подушевым финансированием вузов и размером премиальных ректората. Согласно Приказу Минобрнауки № 92 (в ред. от 01.09.2022) «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» [11], поощрения зависят от многих показателей, среди них нет качества обучения, но есть требование заполнения бюджетных мест, квот по приему на работу инвалидов, учитываются доли систематически занимающихся физической культурой и спортом, иностранных студентов, научно-педагогических работников до 39 лет, размещение информации об учреждении в информационно-телекоммуникационной сети интернет на официальном сайте «www.moscow.gov.ru», отсутствие замечаний по результатам независи-

мой оценки качества условий оказания услуг (в случае проведения такой оценки) и т. д. Надо ли перечислять ухищрения, на которые идет ректорат, чтобы заполнить бюджетные места?

Содержание студента высшего учебного заведения наносит серьезный удар по бюджету семьи, тем более, если студент учится на коммерческой основе. В нашей выборке их почти треть (30,6%). Характеристика уровня дохода респондентов представлена в табл. 2.

Таблица 2

Оценка студентами материального положения своей семьи

Формулировка вопроса: К какой из следующих групп населения вы относите родительскую семью?	% от опрошенных
Мы едва сводим концы с концами; денег не хватает даже на продукты	2,1
На продукты денег хватает, но покупка одежды вызывает серьезные затруднения	7,3
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка вещей длительного пользования является для нас проблемой	30,9
Мы можем без труда приобретать вещи длительного пользования. Но затруднительно приобретать действительно дорогие вещи	53,7
Мы можем позволить себе достаточно дорогие покупки — квартиру, машину, дачу и многое другое	5,9

Практически каждый десятый студент живет в условиях нищеты, а еще 31% — в бедности. Естественно, что многие студенты уже с первого курса начинают подрабатывать, нередко пренебрегая учебным процессом. Чаще работают в сфере обслуживания, где основная зарплата идет за счет чаевых. Напомним, рекомендацию «архитекторов перестройки»: каждый чиновник должен получать 2% от сделки... Новым поколениям это уже не рекомендуют, их официально приучают.

Система высшего образования — институт социализации, передающий студентам профессиональные знания и общепринятые в

обществе стили поведения, особенности мышления, информацию о культурных характеристиках, присущих данному обществу, различным социальным слоям и группам. Особенность этого института как структурного элемента системы социальных институтов в настоящее время выступает не только передача подрастающему поколению традиционных норм, но и формирование новых, в частности, правил поведения во все более усложняющемся, крайне дифференцированном обществе.

В последние годы часто встречается мнение, что в обществе сформировался тренд на ностальгию по советским ценностям, в том числе у молодежи. В анкету были заложены вопросы, позволяющие проверить данное утверждение. Студентам было предложено сравнить параметры идеального и реального российского общества (табл. 3).

Необходимо отметить значительную разницу оценок ситуации по всем 18 параметрам. Наиболее велики требования к идеальному обществу в трудовой сфере, с одной стороны, и критические оценки российского общества в ней же. Российские студенты не выходили на демонстрации против пенсионной реформы, как молодежь на Западе, но оценивают ее более жестко, чем любые другие характеристики общества, прочувствовав на своих семьях последствия повышения пенсионного возраста и балльной системы расчета, которые были очевидны еще до ее принятия [12, 111—122; 20].

Молодежь озабочена существующими проблемами: обеспеченность рабочими местами, возможность трудоустройства по специальности, достойная оплата труда. Для молодых важен не только размер зарплаты, но и соблюдение равенства оплаты за равный труд, что сегодня в условиях «монетизации должности» руководством нарушается повсеместно. Уверенность в будущем зависит от возможности трудоустройства по специальности, и здесь тоже не все однозначно. Бесплатность образования и здравоохранения — ностальгия по советскому прошлому.

Таблица 3

Образ идеального общества и современного российского общества в процентном соотношении от опрошенных

N	Формулировка вопроса: Какие права граждан должно обеспечивать/обеспечивает государство?	В идеальном обществе	В обществе, в котором вы живете	Индекс контрастности ¹
1	Достойная пенсия	90,6	23,9	0,667
2	Достойная оплата труда	90,1	27,0	0,631
3	Уверенность в будущем	89,1	28,7	0,604
4	Справедливость	88,4	35,2	0,532
5	Равная оплата за равный труд	88,0	29,1	0,589
6	Обеспечение рабочими местами	86,8	38,1	0,487
7	Равенство перед законом	86,6	38,5	0,481
8	Бесплатное здравоохранение	85,9	52,5	0,334
9	Уважение к другим народам	85,7	45,0	0,407
10	Возможность трудоустройства по специальности	85,6	44,4	0,412
11	Толерантное отношение к сексуальным меньшинствам	83,1	33,0	0,501
12	Бесплатное образование в школе, вузе	82,5	62,1	0,204
13	Поддержка малых народов	81,6	50,4	0,312
14	Свобода выбора любой религии или атеизма	80,2	61,9	0,183
15	Возможность однополых браков	80,2	31,4	0,488

¹ Индекс контрастности исчислялся по формуле:

$I_k = \frac{a-b}{100}$, где I_k — индекс контрастности, a , b — полярные ответы в процентах, 100 — постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

Продолжение табл. 3

16	Возможность смены пола	74,5	44,5	0,300
17	Аборты только по медицинским показаниям	68,5	50,2	0,183
18	Легализация легких наркотиков	62,5	49,3	0,132

Большинство студентов понимает, что стабильность многонационального и многоконфессионального российского общества обеспечивается уважением к другим народам, поддержкой малых народов и свободой совести, но на этом поле надо идеологам и преподавателям работать с каждым пятым. Отрицательное отношение молодых к абортам, нами фиксировалось и ранее. Неожиданностью стала степень распространения либерального отношения к разным формам сексуальной «свободы» и наркотикам. С одной стороны, это явный диссонанс по отношению к поправкам, внесенным в Конституцию РФ в 2020 г. С другой, молодежное самоутверждение в «свободе без границ», некий вызов — «имею право на выбор», не означающее, что три четверти опрошенных будут делать операцию по смене пола.

Обратим внимание и на ответы по графе «общество, в котором живем». В ней доли ответов более «скромны»: в студенческом окружении толерантно относятся к сексуальным меньшинствам — 33%, однополым бракам — 31%, смене пола — 44%. Но в любом случае это тревожный сигнал, требующий убедительной информационной работы о последствиях сексуальной свободы, трудностях социализации и пожизненных болезнях тех, кто решил «исправить ошибку природы».

Итак, существенно меняется структура восприятия нижегородскими студентами общественных проблем. По значительному большинству позиций разница между «идеальным обществом» и обществом, в котором они живут, составляет более 30%, что свидетельствует о неудовлетворенности различными сторонами своей жизни. Особенно большой разрыв зафиксирован по вопросам, связанным с социальной справедливостью и уверенностью в будущем.

Анализ динамики лидирующих в сознании студентов жизненных ценностей на протяжении последних двух десятилетий свидетельствует об изменении их структуры, заметном смещении акцентов: если в первом десятилетии, значительное большинство считало, что безработица и в будущем окажется важной проблемой [3, 32], то в настоящее время на передний план выходят конкретные средства решения этих проблем: обеспечение рабочими местами, достойная оплата труда, равная оплата за равный труд.

Таблица 4

**Состав и структура государственных ресурсов,
необходимых для обеспечения прав граждан
в процентах от опрошенных**

N	Формулировка вопроса: Какие ресурсы должны быть у государства, чтобы обеспечить права граждан?	В идеальном обществе	В обществе, которым вы живете	Индекс контрастности
1	Сильная экологическая политика	89,5	28,1	0,614
2	Экономическая стабильность	88,6	28,3	0,613
3	Возможность для граждан определять политику государства	86,1	33,9	0,522
4	Профессиональная полиция	85,4	41,0	0,444
5	Учет мнений меньшинства	85,2	35,3	0,499
6	Уважение народа к своей стране	84,3	50,1	0,342
7	Частная собственность на базовые средства производства	76,7	54,2	0,225
8	Учет мнений большинства	76,2	56,5	0,197
9	Сильная армия	71,8	71,4	0,004
10	Частная собственность на природные ресурсы	69,6	55,3	0,143
11	Всеобщая воинская повинность	56,1	66,9	-0,108

Второй вопрос, ответы на который раскрывали ментальность студентов, формулировался так: «Какие ресурсы должны быть у государства, чтобы обеспечить права граждан?» (табл. 4). Наибольшее беспокойство у студентов вызывает отсутствие экономической стабильности, сильной экологической политики и возможности для граждан определять политику государства. Опрос проводился во время операции СВО, и это отразилось на ответах о сильной армии и всеобщей воинской повинности. 44% предпочли бы профессиональную армию, что дает возможность выбора служить/не служить.

Самоидентификация в юности идет через самоутверждение личного над общественным, что повлияло на ответы о приоритетности мнения меньшинства. Можно оценить их и с других позиций: долговременная государственная политика ориентирована, прежде всего, на интересы современных российских элит, составляющих меньшинство и явно дистанцирующихся от интересов большинства. Возможно, это отголосок и возрастной «сексуальной» актуализации.

Дефицит критического мышления проявился в том, что сторонники частной собственности на природные ресурсы и базовые средства производства не осознают, что она и есть основная объективная причина отличия российского общества от идеального.

Неприятие современности нашло отражение в ответах на вопрос о жизненных планах после окончания вуза (табл. 5).

Таблица 5

Распространенность эмиграционных настроений среди нижегородского студенчества

Формулировка вопроса: «После получения образования вы планируете жить и работать в стране, гражданином которой вы являетесь, или постараетесь уехать за рубеж?»	% от опрошенных
Останусь в своей стране	43,0
Все зависит от того, где смогу получить хорошую работу	33,8
Пока не знаю	15,9
За рубежом	7,3
Итого ответивших:	100,0

По словам студентов, их установки поддерживают и родные: 43% не будут ограничивать их выбор, 37% предпочли бы, чтобы дети жили и работали в родной стране, 8% — за эмиграцию, в том числе на ПМЖ, 12% не ответили на вопрос.

Подведем итоги. Еще в статье «Студенты в системе социальной безопасности» [7] мы писали, что в условиях существенных социальных изменений за последние три десятилетия актуализируется проблема влияния трансформационных процессов на формирование идентичности различных групп молодежи, на выбор ценностно-нормативных образцов и моделей поведения. Особенно актуальна эта проблема для студентов, так как влечет снижение показателей социального оптимизма. В усложняющейся социальной ситуации нижегородских студентов ждут серьезные разочарования, поскольку они плохо представляют последствия своего будущего на рынке труда и общие жизненные перспективы. Настроения многих, как и раньше, связаны с ростом потребительских ожиданий в условиях патернализма: мы желали бы жить в «идеальном обществе», но пусть его построят без нашего участия.

Обостряющееся противоречие между ожиданиями студентов и очевидным сжатием спектра их реальных возможностей чревато ростом недовольства, которое может трансформироваться в непредсказуемые поведенческие реакции (см.: [7]). В этих условиях представляется неадекватной целям молодежной политики установка Министерства образования и науки РФ на сокращение контактов преподавателей и студентов через уменьшение аудиторных занятий, рейтинговая оплата труда преподавателей, основывающаяся на публикациях в зарубежных журналах, облегчивших работу иностранных спецслужб, а не на преподавательской деятельности и т. д.

Литература

1. Балабанов С.С., Куконков П.И. Октябрь 1917 г. в сознании учащейся молодежи // Социологические исследования. 2007. № 8: URL: https://www.isras.ru/socis_2007_8.html (дата обращения: 25.02.2023).

2. Балабанов С.С., Куконков П.И. Социальная активность нижегородского студенчества: направленность и динамика. Монография. Н. Новгород: Изд-во Гладкова О.В., 2013.

3. Динамика ценностных ориентаций молодежи (2006—2014). Монография / Под общ. ред. Е.П. Савруцкой. Н. Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ»; СПб.: Издательство РХГА, 2014.

4. Дулина Н.В., Засыпкин В.П., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Культурные традиции и связь поколений (информация о научном проекте) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2022. № 5 (80). С. 151—154.

5. Дулина Н.В., Мансуров В.А., Пронина Е.И., Широкалова Г.С., Шкурин Д.В., Юрьев П.С. Народная культура в оценках российской студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8. № 3. С. 61—78.

6. Зборовский Г.Е. Удовлетворенность студентов колледжей и вузов образованием: сравнительный анализ. Образование: вызовы нового времени // Известия УрФУ. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. Т. 27. № 4. С. 177—192.

7. Куконков П.И. Студенты в системе социальной безопасности // Вестник института социологии. 2010. № 1. С. 276—295.

8. Куконков П.И., Морозова Н.М. Социальная деструкция среди учащейся молодежи: проявления, распространенность // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 15 / Под ред. М.К. Горшкова. М.: Новый Хронограф, 2017. С. 549—567.

9. Основы государственной молодежной политики РФ на период до 2025 года. Утверждены распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р: URL:<https://minobrnauki.gov.ru/> (дата обращения: 25.02.2023).

10. Прибыловский М. Кандидатский минимум: почему в России массово меняют руководство вузов: URL: <https://news.ru/society/kandidatskij-minimum-v-rossii-massovo-menyayut-rukovodstvo-vuzov/> (дата обращения: 25.02.2023).

11. Приказ Минобрнауки России от 01.02.2022 № 92: URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01022022-n-92-ob-utverzhdenii/> (дата обращения: 05.03.2023).

12. Широкалова Г.С. Пенсионная реформа как фактор разрушения «большой семьи» // Logos et Praxis. 2018. Т. 17. № 2. С. 111—122.

References

1. *Balabanov S.S., Kukonkov P.I.* Oktyabr' 1917 g. v soznanii uchashchejsya molodezhi // *Sociologicheskie issledovaniya*. 2007. № 8: URL: https://www.isras.ru/socis_2007_8.html (data obrashcheniya: 25.02.2023).
2. *Balabanov S.S., Kukonkov P.I.* Social'naya aktivnost' nizhegorodskogo studenchestva: napravlennost' i dinamika. Monografiya. N. Novgorod: Izd-vo Gladkova O.V, 2013.
3. *Dinamika cennostnyh orientacij molodezhi (2006—2014)*. Monografiya / Pod obshch. red. E.P. Savruckoj. N. Novgorod: FGBOU VPO «NGLU»; SPb.: Izdatel'stvo RHGA, 2014.
4. *Dulina N.V., Zasyarkin V.P., Mansurov V.A., Pronina E.I., SHirokalova G.S., SHkurin D.V., YUr'ev P.S.* Kul'turnye tradicii i svyaz' pokolenij (informaciya o nauchnom proekte) // *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2022. № 5 (80). S. 151—154.
5. *Dulina N.V., Mansurov V.A., Pronina E.I., SHirokalova G.S., SHkurin D.V., YUr'ev P.S.* Narodnaya kul'tura v ocenках rossijskoj studencheskoj molodezhi // *Nauchnyj rezul'tat. Sociologiya i upravlenie*. 2022. T. 8. № 3. S. 61—78.
6. *Zborovskij G.E.* Udovletvorennost' studentov kolledzhej i vuzov obrazovaniem: sravnitel'nyj analiz. Obrazovanie: vyzovy novogo vremeni // *Izvestiya UrFU. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*. 2021. T. 27. № 4. S. 177—192.
7. *Kukonkov P.I.* Studenty v sisteme social'noj bezopasnosti // *Vestnik instituta sociologii*. 2010. № 1. S. 276—295.
8. *Kukonkov P.I., Morozova N.M.* Social'naya destrukciya sredi uchashchejsya molodezhi: proyavleniya, rasprostranennost' // *Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik*. Vyp. 15 / Pod red. M.K. Gorshkova. M.: Novyj Hronograf, 2017. S. 549—567.
9. *Osnovy gosudarstvennoj molodezhnoj politiki RF na period do 2025 goda*. Utverzhdeny rasporyazheniem Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2014 g. № 2403-р: URL: <https://minobrnauki.gov.ru/> (data obrashcheniya: 25.02.2023).
10. *Pribylovskij M.* Kandidatskij minimum: pochemu v Rossii massovo menyayut rukovodstvo vuzov: URL:

<https://news.ru/society/kandidatskiy-minimum-v-rossii-massovo-menyayut-rukovodstvo-vuzov/> (data obrashcheniya: 25.02.2023).

11. Priказ Minobrnauki Rossii ot 01.02.2022 № 92: URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-minobrnauki-rossii-ot-01022022-n-92-ob-utverzhdenii/> (data obrashcheniya: 05.03.2023).

12. *SHirokalova G.S.* Pensionnaya reforma kak faktor razrusheniya «bol'shoj sem'i» // Logos et Praxis. 2018. T. 17. № 2. S. 111—122.

V

**ПРОБЛЕМЫ
ЭКОЛОГИИ**

А.И. ЗАВАЛЕЕВА, И.С. ЗАВАЛЕЕВ, А.И. ЛЫКОВ

**Анализ жизненного цикла проекта реконструкции старого
жилого фонда с целью повышения энергоэффективности
и сокращения выбросов парниковых газов***

Аннотация. Экономическая декарбонизация за счет сокращения выбросов углекислого газа смещает акцент с нового строительства на реконструкцию и модернизацию существующих зданий. С точки зрения декарбонизации, строительство новых зданий и модернизация существующих имеют критические различия. Прежде всего, необходимо повысить энергоэффективность существующего здания, чтобы оно соответствовало текущим требованиям нормативных документов. Во-вторых, прогнозируемый срок службы реконструированных зданий значительно короче, чем у новых. При высоких финансовых затратах и выбросах углерода окупаемость проекта может оказаться недостижимой. В российской практике накоплена существенная практическая и теоретическая база для расчета финансовой окупаемости. Тем не менее, не существует практики и методологии учета воплощенного углерода строительных материалов, используемых при модернизации. Цель исследования — устранить этот пробел путем анализа жизненного цикла проекта по улучшению тепловых характеристик ограждающих конструкций пятиэтажного кирпичного жилого дома. Существует несколько исследовательских задач. Прежде всего — это сбор и анализ данных для расчетов. Рассмотрены типовые кирпичные жилые дома серии 1-447, возведенные в 1960-х гг. в Ленинском районе Новосибирска. Анализ фактического потребления тепловой энергии и тепловой защиты здания позволяет рассчитать прогнозируемую углеродную выгоду и сроки окупаемости. Оценка выбросов углекислого газа при производстве тепловой энергии рассчитана на основе

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Завалеева А.И., Завалеев И.С., Лыков А.И. Анализ жизненного цикла проекта реконструкции старого жилого фонда с целью повышения энергоэффективности и сокращения выбросов парниковых газов // Философия хозяйства. 2023. № 2. С. 207—227. DOI: 10.5281/zenodo.7842121.

схемы теплоснабжения г. Новосибирска до 2030 г. Другая задача заключается в анализе международной практики учета воплощенного диоксида углерода и создании метода расчета. Результатами являются определение фактических углеродных затрат проекта и разработка методологии учета воплощенного углерода для последующего использования в проектах модернизации зданий и сооружений.

Ключевые слова: энергоэффективность, выбросы углекислого газа, анализ жизненного цикла, теплоизоляция, типовое жилой здание, старый жилой фонд, реконструкция, существующие здания.

Abstract. Economic decarbonization by reducing carbon dioxide emissions shifts the focus from new construction to renovation and modernizing existing buildings. In terms of decarbonization, the construction of new buildings and the modernization of existing ones have critical differences. First of all, one must improve the existing building energy efficiency to meet the current requirements of regulatory documents. Second, the predicted lifespan of retrofitted buildings is significantly shorter than that of the new ones. With high financial and carbon costs, project payback may be unattainable. A substantial practical and theoretical basis for calculating the financial payback has accumulated in Russian practice. Nevertheless, there is no practice and methodology for accounting for the embodied carbon of building materials used in modernization. The research goal is to eliminate this gap by analyzing the life cycle of a project to improve the thermal performance of the enclosing structures of a five-story brick residential building. There are several research tasks. First of all, it implies collecting and analyzing data for calculations. Typical brick residential buildings of the 1-447 series erected in the 1960s in the Leninsky District of Novosibirsk are examined. Analyzing the actual consumption of heat energy and thermal protection of the building makes it possible to calculate the projected carbon benefit and payback periods. The estimation of carbon dioxide emissions during heat production is calculated based on the Heat supply scheme for the city of Novosibirsk until 2030. Another task is to analyze international practices for accounting for embodied carbon dioxide and create a calculation method. The result is determining the actual carbon costs of the project and developing a methodology for accounting for embodied carbon for subsequent use in projects of modernization of buildings and structures.

Keywords: energy efficiency, carbon dioxide emissions, life cycle analysis, thermal insulation, typical residential building, old buildings, renovations, existing buildings.

УДК 332
ББК 20.1

Введение

Целями исследования являются следующие: 1) определение сроков возмещения затрат на снижение выбросов диоксида углерода путем анализа жизненного цикла проекта по улучшению тепловых характеристик ограждающих конструкций пятиэтажного кирпичного жилого здания; 2) создание методологии расчета сроков возмещения для последующего использования в других проектах.

Исследовательские задачи включают в себя следующее: 1) анализ мотивирующих факторов для декарбонизации экономики Российской Федерации путем повышения энергоэффективности существующих зданий и сооружений; 2) анализ методов и опыта учета воплощенного диоксида углерода в других странах; 3) сбор и анализ входных данных о тепловых характеристиках и энергопотреблении в исследуемых объектах; 4) расчет выбросов углекислого газа на единицу потребляемой тепловой энергии в Новосибирске; 5) проведение анализа жизненного цикла проекта.

Вклад России в снижение эмиссии парниковых газов

12 декабря 2015 г. во время 21-й сессии Конференции сторон рамочной конвенции ООН (РКИК ООН) было принято Парижское соглашение по климату. Россией Парижское соглашение было подписано 22 апреля 2016 г. распоряжением правительства от 14 апреля 2016 г. № 670-р. Постановлением от 21 сентября 2019 г. № 1228 правительство Российской Федерации постановило принять подписанное соглашение и разработать меры по удержанию роста глобальной средней температуры в пределах двух градусов [3].

В марте 2020 г. Минэкономразвития подготовило к рассмотрению стратегию долгосрочного развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. В стратегии описаны четыре сценария развития климатического регулирования, которые представлены на рис. 1. Правительство планирует придер-

живаться базового сценария с сохранением баланса лесов и повышением энергоэффективности экономики. Планируется повсеместное внедрение энерго-ресурсосберегающих технологий, в том числе в зданиях.

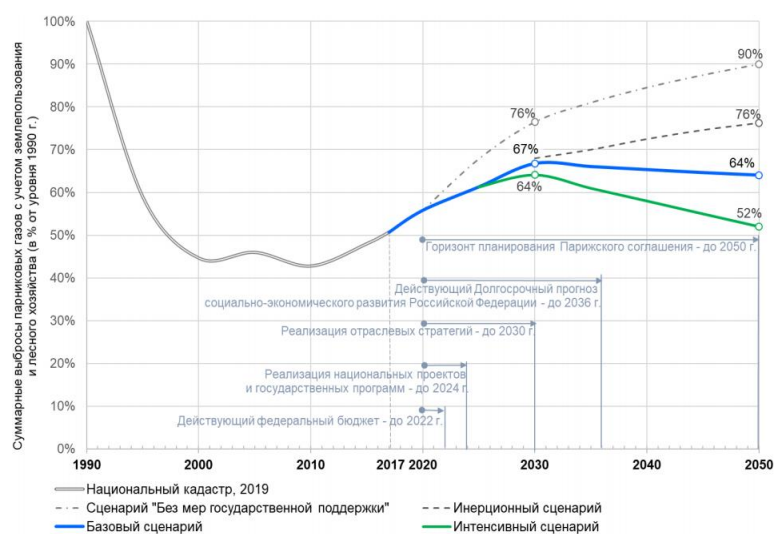

Рис. 1. Сценарии долгосрочного развития Российской Федерации [1]

Как указано в стратегии, повышение энергетической эффективности является ключевым инструментом удержания выбросов парниковых газов на заявленных уровнях без вреда для экономического роста. Повышение энергоэффективности зданий играет ключевую роль в повышении общей энергетической эффективности, а именно: 35% в период до 2030 г., как представлено на рис. 2, и 28,5% в период с 2030 по 2050 г., как представлено на рис. 3.

В качестве основного индикатора показателей энергетической эффективности в жилых и общественных зданиях служит расход на отопление в тоннах условного топлива (т.у.т) на 1 тыс. м² площади в год. По факту на 2017 г. это значение равнялось 29 т.у.т. на 1 тыс. м² в год. Следуя базовому сценарию стратегии, расход энергии на отопление зданий планируется сократить до 23 т.у.т. на 1 тыс. м² в

год к 2030 г. и до 21 т.у.т. к 2050 г. Ниже на диаграмме на рис. 4
указано планомерное сокращение расходов на отопление.

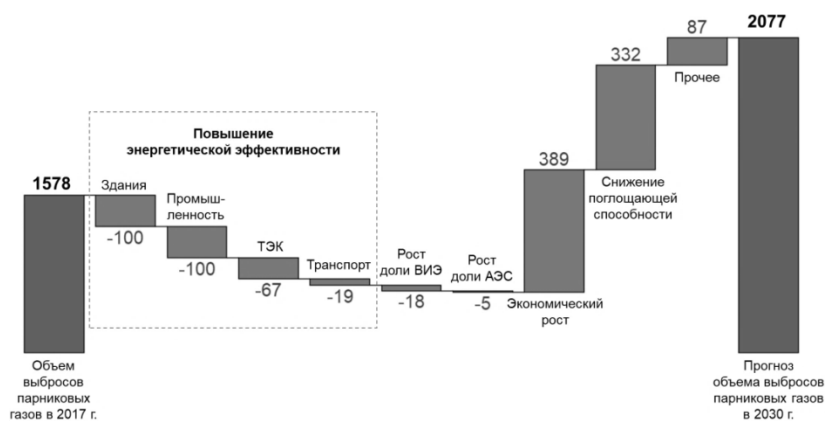

Рис. 2. Вклад основных факторов в динамику выбросов парниковых газов для базового низкоуглеродного сценария развития в период до 2030 г. [1]

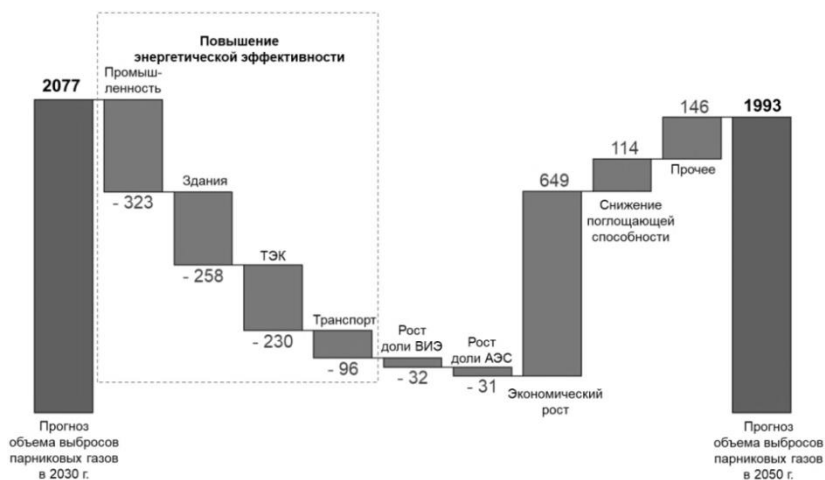

Рис. 3. Вклад основных факторов в динамику выбросов парниковых газов для базового низкоуглеродного сценария развития в период с 2030 по 2050 г. [1]

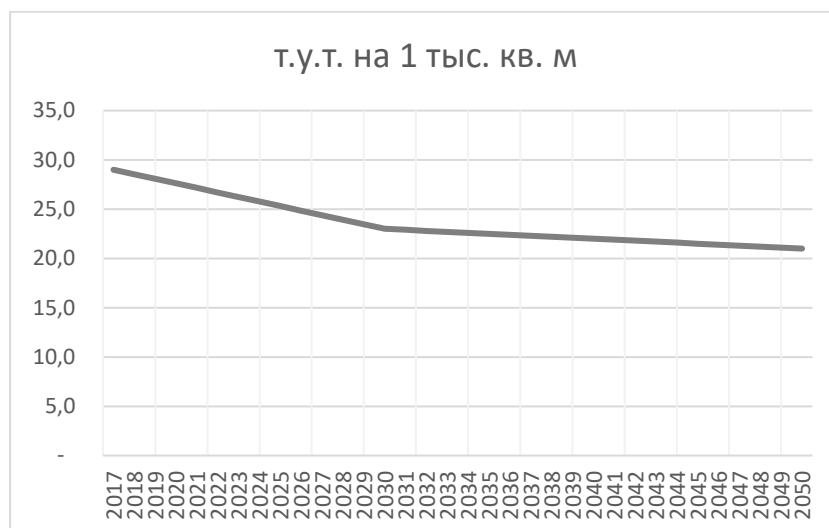

Рис. 4. Диаграмма расхода на отопление в т условного топлива на 1 тыс. м² площади в год, согласно базовому сценарию [1]

За 100% принят 2017 г. Видно, что к 2030 г. расход тепловой энергии будет снижен на 20,7%, а к 2050 г. — на 27,6%.

В данной исследовательской работе мы постарались определить, на сколько сократятся выбросы парниковых газов в экономике в целом за счет повышения энергоэффективности старого массового жилого фонда с помощью анализа жизненного цикла, который учитывает выбросы парниковых газов продукции — в нашем случае это здания серии 1-447 — на всех стадиях жизни, в том числе: 1) добыча ресурсов; 2) транспортировка; 3) производство материалов; 4) упаковка; 5) эксплуатация; 6) ремонт или реконструкция; 7) утилизация или переработка отработанных материалов.

Вклад зданий серии 1-447 в выбросы парниковых газов. 31 июля 1957 г. ЦК КПСС и СМ СССР приняли постановление «О развитии жилищного строительства в СССР». Оно было направлено на снижение жилищного дефицита и положило начало массовому жилищному строительству по всей территории СССР.

По данным портала prawdom.ru, серия 1-447 является самой массовой общесоюзной серией кирпичных пятиэтажек [4]. Здания

по проекту данной серии существуют практически во всех регионах России в большом количестве, данные представлены в табл. 1.

Таблица 1

Регионы с более чем 50 домами серии 1-447

Регион	Зданий, шт.	Регион	Зданий, шт.
Республика Татар- стан	716	Удмуртская респуб- лика	128
Республика Башкор- тостан	668	Кемеровская область	128
Московская область	604	Мурманская область	107
Новосибирская об- ласть	568	Тульская область	104
Красноярский край	379	Волгоградская об- ласть	90
Пермский край	356	Ярославская область	89
Московская область	244	Нижегородская об- ласть	86
Новгородская об- ласть	225	Белгородская область	82
Челябинская область	205	Приморский край	80
Вологодская область	190	Ульяновская область	78
Омская область	188	Свердловская область	76
Воронежская об- ласть	182	Архангельская об- ласть	69
Ивановская область	177	Владимирская об- ласть	67
Калужская область	169	Алтайский край	63
Самарская область	162	Ленинградская об- ласть	60
Хабаровский край	135	Ростовская область	57

Источник: составлено по [4].

Данная серия домов так же предпочтительна, так как не входит в список сносимых серий, имеет сравнительно малый износ. Отсутствие внутренних несущих стен позволяет провести перепланировку, что минимизирует проблемы с малой площадью комнат. Звукоизоляционные свойства перекрытий и ограждающих конструкций позволяют поддерживать акустический комфорт в поме-

щении. Все эти качества поддерживают интерес к квартирам в данных домах на рынке недвижимости и позволяют рассчитывать на актуальность жилья в домах данной серии как минимум до 2050 г.

Таблица 2

Значения R сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций из разных стандартов

Базовые теплотехнические нормативы до 1979 г.	
Ограждающие конструкции	R0, м ² ·°C/Вт
Наружные стены	0,95
Чердачные перекрытия	1,35
Полы над неотапливаемыми подвалами	1,35
Перекрытия над проездами	1,9
Базовые значения требуемого сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций по СП 50.13330.2012	
Ограждающие конструкции	R0, м ² ·°C/Вт
Стен	4,2
Покрытия и перекрытия над проездами	6,2
Чердачных перекрытий, над неотапливаемыми подпольями и подвалами	5,5
Светопрозрачных ограждающих конструкций, кроме фонарей	0,75
Фонарей	0,45
Принятые в Пособии нормативные значения сопротивлений теплопередаче ограждающих конструкций при капитальном ремонте МКД в НСО 2020г.	
Ограждающие конструкции	R0, м ² ·°C/Вт
Стены	5,00
Покрытия и перекрытия над проездами и эркерами	7,43
Перекрытия чердачные, над техподпольями	6,57
Окна и балконные двери, ветрины, витражи	1,10

Источник: составлено по [11, 5].

Несмотря на более высокие значения коэффициента сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций относительно панельных серий времен СССР, они существенно отстают от требований актуального СП 50.13330.2012 [11]. Особенно они отстают от рекомендаций практического пособия по повышению энергетической эффективности многоквартирных домов при капитальном ремонте, разработанных Фондом содействия реформированию ЖКХ [5]. В таблице 2 показаны сравнительные данные из перечисленных стандартов и пособий.

С учетом деградации коэффициента сопротивления в связи с нарушением целостности ограждающих конструкций уже и так огромный вклад зданий данной серии в выбросы парниковых газов, затраченных на их отопление, будет только увеличиваться, что потребует дополнительной тепловой энергии для поддержания температурного комфорта в помещении [15].

Эта ситуация противоречит планам по сокращению выбросов парниковых газов и потребует либо реконструкции с существенным повышением энергоэффективности этих зданий, либо полного обновления жилого фонда.

В данной статье мы рассматриваем вариант с реконструкцией.

Материалы и методы. Информация об исследуемых объектах

Для более детального изучения были выбраны 8 зданий серии 1-447 расположенные в Ленинском районе города Новосибирска.

Для определения реальных коэффициентов сопротивления теплопередаче ограждающих конструкций и определения затрат энергии на отопление были проанализированы показания общедомовых счетчиков тепловой энергии за 2019 г. и энергетические паспорта, составленные на основании энергетических обследований, проведенных в 2015 г.

Для последующих расчетов требуемого количества утеплителя были взяты средние значения по исследуемым объектам, на их основе были проведены следующие теплотехнические расчеты.

Исходные данные для теплотехнического расчета: место строительства — г. Новосибирск; зона влажности — нормальная; продолжительность отопительного периода $z_{ht} = 230$ суток; средняя расчетная температура отопительного периода $t_{ht} = -8,4^{\circ}\text{C}$; темпе-

ратура холодной пятидневки $t_{ext} = -39^{\circ}\text{C}$.; температура внутреннего воздуха $t_{int} = +21^{\circ}\text{C}$.; влажность внутреннего воздуха $\phi = 55\%$.; влажностный режим помещения — нормальный.

Расчет количества утеплителя. Расчет количества парниковых газов, выброшенных в окружающую среду в процессе всего жизненного цикла. В исследовании мы используем анализ жизненного цикла здания для оценки выбросов парниковых газов при реконструкции здания серии 1-447. Далее описана методика расчета и исходные данные, которые принимались на различных фазах оценки жизненного цикла в соответствии со стандартом ISO 14040/44 и стандартной практикой.

Принятый срок службы после реконструкции — 60 лет, после чего здание требует капитальной реконструкции или сноса.

Фаза реконструкции. На данной фазе основной вклад в выбросы парниковых газов осуществляется производство строительных материалов, в частности мы приняли утеплитель ISOVER Каркас-П37, на который имеется верифицированная декларация EPD.

EPD (Environmental Product Declaration) — расчет выбросов парниковых газов и других индикаторов экологического следа, который выражается в различных единицах измерения на единицу продукции. В частности, для утеплителя ISOVER Каркас-П37 для индикатора «выбросы парниковых газов» используется CO_2 в кг на 1 м^3 продукции.

В соответствии с декларацией EPD на продукцию ISOVER Каркас-П37 выбросы углекислого газа на производство образца объемом $0,05 \text{ м}^3$ составляют 1,55 кг.

Далее мы рассчитали необходимый объем утеплителя, который потребуется для приведения здания к текущему уровню норм по энергоэффективности. Результаты расчетов требуемой толщины утеплителя приведены в табл. 3.

Результаты расчетов требуемого объема утеплителя приведены в табл. 4.

Результаты расчетов выброшенных в среду парниковых газов приведены в табл. 5.

Таблица 3

Результаты расчета требуемой толщины утеплителя

Название утеплителя	Теплопроводность λ_b , Вт/(м*°С)	Требуемая толщина утеплителя δ , мм	Фактическое сопротивление теплопередачи ограждающей конструкции R , м ² *°С/Вт
Наружные стены			
ISOVER Каркас-П37	0,041	200	5,47
Перекрытия чердачные, над подвалом			
ISOVER Каркас-П37	0,041	250	7,14

Источник: расчеты авторов.

Таблица 4

Результаты расчетов необходимого объема утеплителя

Тип ограждающей конструкции	Толщина принятого утепления, мм	Площадь утепления м ²	Объем утеплителя м ³
Наружные стены	200	1881,6	376,32
Чердачное перекрытие	250	864	216
Перекрытие над подвалом	250	864	216

Источник: расчеты авторов.

Таблица 5

Результаты расчета выбросов парниковых газов в окружающую среду

Тип ограждающей конструкции	Выброс углекислого газа образца объемом 0,05 м ³ , кг	Выброс углекислого газа, учитывая требуемый объем утеплителя, кг
Наружные стены	1.55	11 666
Чердачное перекрытие		6 696
Перекрытие над подвалом		6 696
Сумма:		25 058

Итого: фазе реконструкции здания будут задействовано около 25 т CO_2 эквивалента воплощенных эмиссий парниковых газов, которые были затрачены на производство утеплителя. Также мы приняли во внимание, что срок службы утеплителя составит 30 лет. Это значит, что через этот срок будет проведена полная замена утеплителя.

Расчет эмиссий парниковых газов на фазе эксплуатации здания до и после реконструкции. Выбросы парниковых газов происходят на источниках первичной энергии, которая вырабатывается для отопления. В частности, для г. Новосибирска тепловая энергия вырабатывается централизованно на теплоэлектроцентралях (ТЭЦ). Чтобы понять объем выбросов парниковых газов, осуществляемый на отопление, мы проанализировали существующую типовую схему отопления зданий в г. Новосибирске.

Расчет выбросов парниковых газов на ТЭЦ города Новосибирска от сжигания условного топлива для выработки тепловой энергии на отопление одного базового здания. Удельный расход условного топлива на отпуск тепловой энергии (кг/Гкал) был рассчитан на основе схемы теплоснабжения г. Новосибирска до 2030 г. [9]. Основное топливо, используемое на ТЭЦ в г. Новосибирске — каменный уголь. В расчете учитывались 4 крупнейшие ТЭЦ г. Новосибирска. Объемы выбросов были посчитаны на основании распоряжения Минприроды России [10].

В итоге было взято среднее расчетное значение выбросов за период с 2020 по 2025 г. После учета процента потерь тепла при транспортировке по трубопроводу, взятого как среднее расчетное значение потерь за период с 2020 по 2025 г., согласно схеме теплоснабжения г. Новосибирска до 2030 г. [9], было определено, что для производства 1 Гкал отпускаемой тепловой энергии ТЭЦ г. Новосибирска производят 427,86 кг CO_2 .

Расчет ежегодных выбросов парниковых газов до реконструкции. Зная норматив потребления тепла на отопление по Новосибирской области из приказа департамента по тарифам Новосибирской области [6] и площадь жилых квартир, было рассчитано количество энергии, затраченное на отопление всей жилой площади за один отопительный период, равное 61,236 Гкал в год.

Из этих данных следует, что энергия, затраченная на отопление одного базового жилого здания за полный отопительный сезон эквивалентна 26147,77 кг выбросов углекислого газа в год.

Расчет снижения потерь тепловой энергии через ограждающие конструкции после установки утепления. Из энергетического паспорта известно процентное соотношение и количество потерь через исследуемые ограждающие конструкции.

Так как мы принимали толщину ограждающих конструкций согласно рекомендациям практического пособия по повышению энергетической эффективности многоквартирных домов при капитальном ремонте [5], нам известно процентное снижение потерь по каждому виду ограждающих конструкций. Результаты приведены в табл. 6.

Таблица 6

Потери тепловой энергии через ограждающие конструкции после установки утеплителя

	Базовый уровень потерь через ограждающую конструкцию, %	Потери, Гкал/год без утепления	Снижение уровня потерь через ограждающую конструкцию, %	Потери, Гкал/год с утеплением
Перекрытие над подвалом	12	7,35	6,57	6,87
Наружные стены	41	25,11	20,73	19,90
Чердачное перекрытие	16	9,80	6,57	9,15

Источник: составлено по [2].

Расчет ежегодных выбросов парниковых газов после реконструкции. Из результатов расчетов следует, что улучшение теплотехнических свойств в соответствии с пособием фонда реформирования ЖКХ позволяет достичь экономии тепловой энергии, затраченной на отопление здания в размере 6,33 Гкал в год, что в свою очередь эквивалентно 2703,39 кг парниковых газов (CO₂), ко-

торые могли быть выброшены в окружающую среду при выработке этой тепловой энергии на теплоэлектростанции [5].

Ежегодные выбросы парниковых газов на отопление после реконструкции составят 23,3 т CO₂ в год. Это на 10,4% ниже, чем без проведения реконструкции.

Результаты и их обсуждение

В соответствии с требованиями международной практики по оценке жизненного цикла здания, срок службы здания принят равным 60 годам. Срок службы минеральной ваты принят равным 30 годам. В течение жизненного цикла здания замена минеральной ваты будет произведена 2 раза — сначала при первоначальной реконструкции, затем через 30 лет. К сроку 60 лет считаем, что здание будет полностью снесено.

Ниже представлена сравнительная табл. 7 реализации двух сценариев: 1) без реконструкции; 2) с реконструкцией.

На диаграмме, представленной на рис. 5, сравниваются сценарии с использованием совокупных общих чисел из табл. 7.

Таблица 7

Потери тепловой энергии через ограждающие конструкции после установки утеплителя

Годы	Без реконструкции, т CO ₂			С реконструкцией, т CO ₂		
	Материал	Отопление	Накопительный итог	Материал	Отопление	Накопительный итог
1	0	26	26	25	26	51
2	0	26	52	0	23,3	74,3
3	0	26	78	0	23,3	97,6
...						
30	0	26	780	25	23,3	751,7
31	0	26	806	0	23,3	775
...						
60	0	26	1560	0	23,3	1450,7

Источник: составлено авторами.

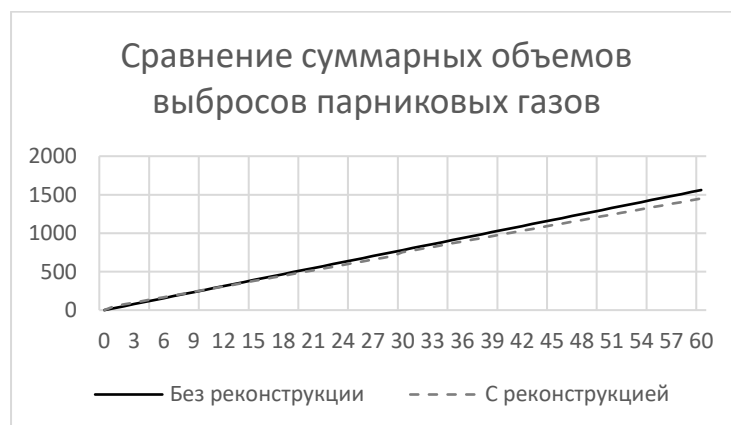

Рис. 5. Сравнение общих выбросов парниковых газов

На диаграмме (рис. 6) представлены сравнение воплощенных выбросов парниковых газов, которые были затрачены на производство утеплителя и сокращение выбросов парниковых газов за счет применения этого утеплителя на здании во время его эксплуатации.

Из расчета можно сделать следующие выводы.

1. Ежегодное сокращение выбросов парниковых газов за счет экономии на энергопотреблении на отопление после реконструкции составляет 10,3%.

2. Реконструкция увеличивает первоначальные выбросы парниковых газов за счет производства дополнительного утеплителя. (Данные выбросы будут отражены в другом секторе экономики — в ВВП (рост производства), а не как показатель энергетической эффективности жилых и общественных зданий.)

3. Сокращение выбросов парниковых газов на протяжении всего жизненного цикла здания при условии реконструкции составляет 7%, или 109 т CO₂.

4. Компенсация первоначальных выбросов на реконструкцию за счет сокращения выбросов при эксплуатации достигается за 10 лет (другими словами, «срок окупаемости выбросов» составляет 10 лет).

5. На протяжении жизненного цикла в 60 лет воплощенные выбросы, затраченные на производство утеплителя, составляют 50 т

CO₂, а сокращение косвенных энергетических выбросов составляет 162 т CO₂.

6. Существенное утепление здания — как запланировано существующими нормами и планами — не позволяет достичь значимого сокращения выбросов парниковых газов. Для сокращения выбросов парниковых газов потребуется системная оптимизация реальных секторов экономики, которые взаимодействуют с жилым фондом — такие как энергетика, транспорт, производство материалов, переработка отходов, строительство.

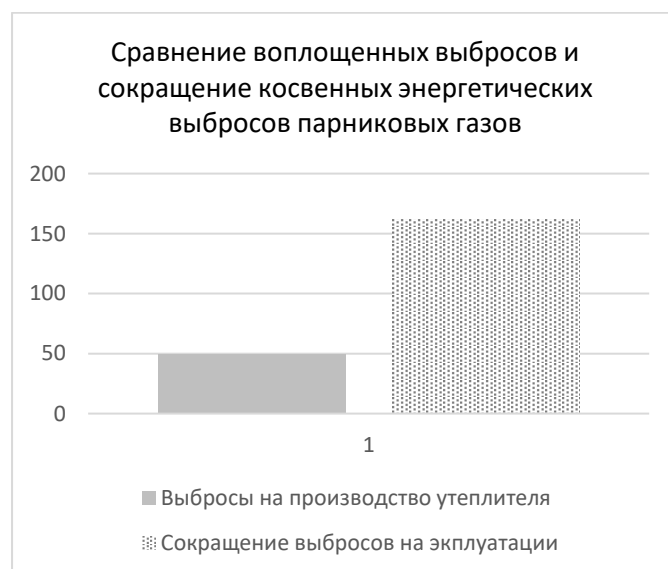

Рис. 6. Сравнение воплощенных выбросов и сокращения косвенных энергетических выбросов парниковых газов

Полученные результаты свидетельствуют о критической зависимости снижения выбросов проектов реконструкции от жизненного цикла здания и выбора строительных материалов и технологий [13]. В ходе исследования авторы выявили отсутствие работ на эту тему в Российской Федерации. Поскольку международные методы и критерии расчета основаны на нормативных документах, официальных для отдельных стран, эти методы сложно применять в проектах на территории Российской Федерации [12]. Исследование

ограничено отсутствием экологической декларации на продукцию (EPD) для большинства строительных материалов, производимых в Российской Федерации, что делает невозможным определение содержания диоксида углерода в строительных материалах в более сложных проектах.

Исследование показывает необходимость разработки инструмента для автоматизированного учета воплощенного диоксида углерода в строительных материалах [14]. Непринятие этого критерия во внимание в текущих проектах приводит к переоценке сокращения выбросов и вводит в заблуждение. Поскольку единой методологии расчета не существует, исследование было проведено в надежде, что дальнейшие исследования приведут к созданию единого метода расчета и современных инструментов для учета воплощенного диоксида углерода.

Выводы

Если проводить традиционный расчет выбросов парниковых газов, учитывая только расходы энергии в процессе эксплуатации (расчет косвенных или прямых энергетических выбросов в соответствии с приказом Минприроды России от 30 июня 2015 г. № 300 [8] или приказом Минприроды России от 29.06.2017 № 330 [7]), могут возникнуть ложные заблуждения, что повышение энергетической эффективности зданий в любом случае приводит к сокращению выбросов парниковых газов за счет уменьшения расходов ископаемого топлива. Тем не менее, как показал анализ жизненного цикла здания, крайне важно учитывать все фазы жизненного цикла продукции, так как значительная часть выбросов парниковых газов может быть скрытой. Данные выбросы были осуществлены в процессе реконструкции и ремонта здания совершенно сторонними предприятиями, например, для производства утеплителя, цемента или стали. В нашем примере реконструкция имеет экологическую целесообразность, так как произведенные воплощенные выбросы на реконструкцию более чем в 3 раза ниже сокращенных косвенных энергетических выбросов. Но это не обязательно будет повторяться на других объектах жилых и общественных зданий, так как объем выбросов существенно зависит от большого количества факторов, таких как первичное топливо, энергоэффективность системы теплоснабжения, технология производства строительных материалов, логистика и многое др.

Литература

1. Долгосрочная стратегия развития Российской Федерации с низкими выбросами парниковых газов до 2050 года. Министерство экономического развития Российской Федерации, 2020: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 10.03.2023).
2. *Марьина З.Г. и др.* Повышение теплозащитных свойств ограждающих конструкций кирпичного здания САФУ // Труды БГТУ. Сер. 2. Химические технологии, биотехнология, геоэкология. 2018. № 1 (205). С. 135—141: URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/25191> (дата обращения: 10.03.2023).
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 21.09.2019 № 1228 «О принятии Парижского соглашения»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201909240028> (дата обращения: 10.03.2023).
4. Правдом, Серия дома 1-447: URL: https://prawdom.ru/k_seria.php?d=projekt_docs/s1-447.php&s=3&r=99050 (дата обращения: 10.03.2023).
5. Приказ № 653/пр «Об утверждении Методических рекомендаций по реализации проектов и мероприятий по энергосбережению и повышению энергетической эффективности при капитальном ремонте общего имущества в многоквартирных домах», Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, 19.09.2016 г.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420382024?marker=6540IN> (дата обращения: 10.03.2023).
6. Приказ Департамента по тарифам Новосибирской области от 15 июня 2016 г. № 85-ТЭ «Об утверждении нормативов потребления коммунальной услуги по отоплению на территории Новосибирской области»: URL: <https://zhkh54.ru/wp-content/uploads/2021/01/85-TE-v-red-ot-17-11-2020-Normativy-na-otoplenie.pdf> (дата обращения: 10.03.2023).
7. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 29.06.2017 № 330 «Об утверждении методических указаний по количественному определению объема косвенных энергетических выбросов парниковых газов: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710230028> (дата обращения: 10.03.2023).

8. Приказ Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 30.06.2015 № 300 «Об утверждении методических указаний и руководства по количественному определению объема выбросов парниковых газов организациями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность в Российской Федерации»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512170023> (дата обращения: 10.03.2023).

9. Приказ Министерства энергетики Российской Федерации от 14 января 2013 № 2 «Об утверждении схемы теплоснабжения города Новосибирска до 2030 года»: URL: http://www.degkh.ru/shema-ts/pr_minenergo_547_21-08-2014_akt-shems-ts-nsk.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

10. Распоряжение Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации от 16.04.2015 г. № 15-р «Об утверждении методических рекомендаций по проведению добровольной инвентаризации объема выбросов парниковых газов в субъектах Российской Федерации»: URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/747/tp-16.04.2015-_-15_r.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

11. СП 50.13330.2012 Тепловая защита зданий. Министерство регионального развития Российской Федерации, 1 июля 2013, Москва: URL: https://bzs.ru/upload/iblock/215/9vjil785jfau5fvvnjaxj9t62kmf17we/SP-50.13330_2012.pdf (дата обращения: 10.03.2023).

12. *Asdrubali F., Grazieschi G.* Life cycle assessment of energy efficient buildings // *Energy Reports*. 2020. Vol. 6. Suppl. 8. P. 270—285.

13. *Bribián I.Z., Capilla A.V., Usón A.A.*, Life cycle assessment of building materials: Comparative analysis of energy and environmental impacts and evaluation of the eco-efficiency improvement potential // *Building and Environment*. 2011. Vol. 46. Is. 5. P. 1133—1140.

14. *Densley-Tingley D., Giesekam J., Cooper-Searle S.* Applying Circular Economy Principles to Reduce Embodied Carbon // *Embodied Carbon in Buildings: Measurement, Management, and Mitigation* / F. Pomponi, C. De Wolf, A. Moncaster (eds.). 2018. P. 265—285.

15. *Pihelo P., Kalamees T., Kuusk K.*, nZEB Renovation with Prefabricated Modular Panels // *Energy Procedia*. 2017. Vol. 132. P. 1006—1011: URL: https://www.researchgate.net/publication/317727190_nZEB_Renovation_With_Prefabricated_Modular_Panels (дата обращения: 10.03.2023).

References

1. Dolgosrochnaya strategiya razvitiya Rossijskoj Federacii s nizkimi vybrosami parnikovyh gazov do 2050 goda. Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya Rossijskoj Federacii, 2020: URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2023).
2. Mar'ina Z.G. i dr. Povyshenie teplozashchitnyh svojstv ograzhdayu-shchih konstrukcij kirpichnogo zdaniya SAFU // Trudy BGTU. Ser. 2. Himicheskie tekhnologii, biotekhnologiya, geoekologiya. 2018. №. 1 (205). S. 135—141: URL: <https://elib.belstu.by/handle/123456789/25191> (data obrashcheniya: 10.03.2023).
3. Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 21.09.2019 № 1228 «O prinyatii Parizhskogo soglasheniya»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201909240028> (data obrashcheniya: 10.03.2023).
4. Pravdom, Seriya doma 1-447: URL: https://prawdom.ru/k_seria.php?d=projekt_docs/s1-447.php&s=3&r=99050 (data obrashcheniya: 10.03.2023).
5. Prikaz № 653/pr «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendacij po realizacii projektov i meropriyatij po energosberezheniyu i povysheniyu energeticheskoy effektivnosti pri kapital'nom remonte obshchego imushchestva v mnogokvartirnyh domah», Ministerstvo stroitel'stva i zhilishchno-kommunal'nogo hozyajstva Rossijskoj Federacii, 19.09.2016 g.: URL: <https://docs.cntd.ru/document/420382024?marker=6540IN> (data obra-shcheniya: 10.03.2023).
6. Prikaz Departamenta po tarifam Novosibirskoj oblasti ot 15 iyunya 2016 g. № 85-TE «Ob utverzhdenii normativov potrebleniya kommunal'noj uslugi po otopleniyu na territorii Novosibirskoj oblasti»: URL: <https://zhkh54.ru/wp-content/uploads/2021/01/85-TE-v-red-ot-17-11-2020-Normativy-na-otoplenie.pdf> (data obrashcheniya: 10.03.2023).
7. Prikaz Ministerstva prirodnih resursov i ekologii Rossijskoj Federacii ot 29.06.2017 № 330 «Ob utverzhdenii metodicheskikh ukazanij po kolichestvennomu opredeleniyu ob"ema kosvennyh energeticheskikh vybrosov parnikovyh gazov: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201710230028> (data obrashcheniya: 10.03.2023).
8. Prikaz Ministerstva prirodnih resursov i ekologii Rossijskoj Federacii ot 30.06.2015 № 300 «Ob utverzhdenii metodicheskikh ukazanij i rukovodstva po kolichestvennomu opredeleniyu ob"ema vybrosov par-

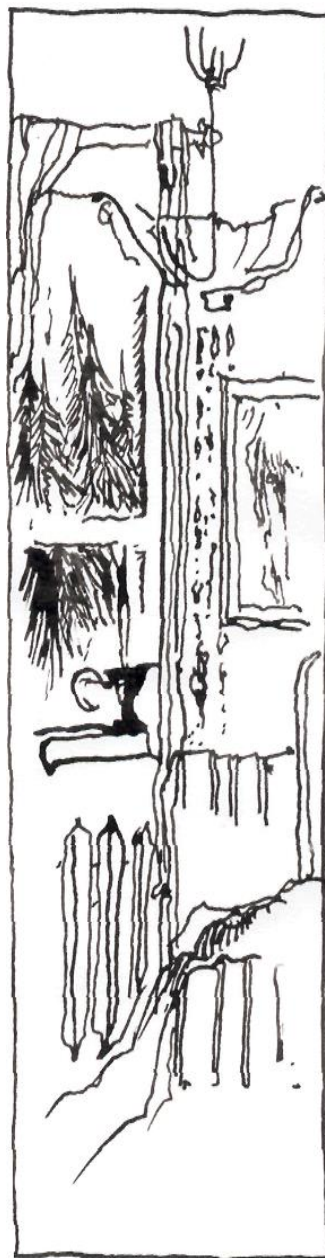
nikovyh gazov organizatsiyami, osushchestvlyayushchimi hozyajstvennyu i inuyu deyatel'nost' v Rossijskoj Federacii»: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201512170023> (data obrashcheniya: 10.03.2023).

9. Prikaz Ministerstva energetiki Rossijskoj Federacii ot 14 yanvarya 2013 № 2 «Ob utverzhdenii skhemy teplosnabzheniya goroda Novosibirsk do 2030 goda»: URL: http://www.degkh.ru/shemats/pr_minenergo_547_21-08-2014_akt-shems-ts-nsk.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2023).

10. Rasporyazhenie Ministerstva prirodnih resursov i ekologii Rossijskoj Federacii ot 16.04.2015 g. № 15-r «Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsij po provedeniyu dobrovol'noj inventarizacii ob"ema vybrosov parnikovyh gazov v sub"ektah Rossijskoj Federacii»: URL: https://prirodnadzor.admhmao.ru/upload/iblock/747/rp-16.04.2015-_15_r.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2023).

11. SP 50.13330.2012 Teplovaya zashchita zdaniy, Ministerstvo regional'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii, 1 iyulya 2013, Moskva: URL: https://bzs.ru/upload/iblock/215/9vjil785jfau5fvvnjaxj9t62kmf17we/SP-50.13330_2012.pdf (data obrashcheniya: 10.03.2023).

**НАУЧНАЯ
ЖИЗНЬ**

Юбилей Ф.И. Гиренка

Широко известному в стране и за ее пределами философу *Федору Ивановичу Гиренку* исполнилось 75 лет. Ну и что? Молодой, полный сил, пылкий! Какой-токой юбилей? Разве лишь оценку, положенную юбиляру, дать, да вот какую же оценку, ежели он сам себе давно уже ее поставил: Гиренок — это Гиренок! — вот и вся тут оценка! Однако юбилей обязывает нас к оценочным предикатам, что ж, не поскупимся: выдающийся, оригинальный, непредсказуемый, даже и экстравагантный, что там еще, а всего этого «еще» очень даже немало, но мы ограничимся главным: он — Гиренок — настоящий, он наш, русский, отчего глубокий, внезапный и парадоксальный, он — тайна, да ладно бы для нас, его слушателей и поклонников, он и сам для себя тайна, этакая вспыхивающая лучезарным огнем тайна, не дающая покоя ни ему самому, ни, конечно же, нам, его искренним друзьям, сорботникам и воспреемникам. Этакая, знаете ли, скрытная и немотная, но зато весома и точно вдруг проговаривающаяся, тайна! Что тут скажешь: Гиренок — он и есть Гиренок! Многая лета и беспредельного размыслительства, дорогой Федор Иванович!

* * *

21 февраля 2023 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Великодержавная карма России (социохозяйственный аспект)» (в смешанном формате). Выступили 17 докладчиков: доктора наук Ю.М. Осипов, А.И. Агеев, Л.А. Асланов, С.В. Бирюков, Ф.И. Гиренок, С.Г. Ковалев (СПб.), А.В. Кузнецов, И.Г. Шевченко, Н.Б. Шулевский; кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новорос-сийск), Н.П. Недзвецкая, С.Б. Павлов, Е.А. Починкова (Новорос-сийск), И.П. Смирнов, Е.В. Шелкопляс (Иваново).

Е.С. ЗОТОВА

**Великодержавная карма России
(социохозяйственный аспект)***

Аннотация. Представлен обзор выступлений на состоявшемся 21 февраля 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в онлайн-формате теоретическом семинаре «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «Великодержавная карма России (социохозяйственный аспект)».

Ключевые слова: Россия, великодержавие, империя, карма, глобальная борьба цивилизаций, социохозяйственный аспект, мировое хозяйство.

Abstract. The article presents an overview of reports of the theoretical seminar hold on February 21, 2023 at Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University in the online format «Debating Problems of Modern Social and Economic Thoughts» on the topic: «Great-Power Karma of Russia (Social and Economic Aspect)».

Keywords: Russia, great power, empire, karma, global struggle of civilizations, socio-economic aspect, world economy.

УДК 330
ББК 65в

21 февраля 2023 г. на экономическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова в смешанном формате состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «*Великодержавная карма России (социохозяйственный аспект)*», в котором приняли участие 37 человек.

Организаторы семинара — лаборатория философии хозяйства и научный совет «Центр общественных наук МГУ» — так сформу-

*Пример ссылки при цитировании материалов журнала: Зотова Е.С. Великодержавная карма России (социохозяйственный аспект) // Философия хозяйства. 2023. № 1. С. 232—243. DOI: 10.5281/zenodo.7842159.

лировали проблему для обсуждения: *«Если не догматически и применительно к случаю по-светски подойти к понятию “карма”, то в нем можно увидеть и судьбу, и участь, и долю, и бремя, и обреченность, как и выпадающие на субъекта служение, обязанность, роль, миссию, однако (sic!) можно различить и кое-что иное, не столь бросающееся в глаза, а именно встроенную в субъекта и его бытие идею с исполняемыми субъектом соответствующими этой идее деяниями, что как раз всего ближе к метафизическому и в то же время к функциональному толкованию феномена кармы. Мир человеческий вовсе не такой уж мирный мир, скорее он — мир-война, в гущу которого Россия как раз и бытует, будучи, так уж сложилось, объектом и субъектом, — хоть и разной и дискретной, но протянувшейся по всей истории России — непрерывной борьбы за себя, почитай и войны, с внешним контекстом, следственно, и неустанной мобилизации энергий, ресурсов, сил, как и, разумеется, людского потенциала, что как раз имеет место и ныне, уже в XXI в., и, как бывало и прежде, борьба идет не на жизнь, а на смерть, не так, быть может, физическую смерть, как субъектную — точно! Отсюда и острый вопрос соответствия нынешней России выпавшей на ее долю карме — что по возникшему на рубеже XX—XXI вв. ее субъектному образу, что по образу ее актуальных действий, да не так в военно-оружейно-оборонном аспекте, что само собой разумеется, как в базовом социально-экономическом, от которого все в экзистенциальной борьбе по преимуществу и зависит».*

Открывая заседание, д.э.н., профессор **Ю.М. Осипов** (экономический факультет МГУ) отметил, что о великодержавии России, ее имперской парадигме, мы говорили давно, исходя из простого и ныне вполне уже широко воспринимаемого тезиса: «Либо Россия — великая держава и империя, либо России просто нет!». Однако, сказал Ю.М. Осипов, мы впервые ставим вопрос о великодержавной (и имперской тоже) карме России — не о парадигме как таковой, раскрывающей геосубъектную суть России, а именно о карме — как о чем-то определяющем, утверждающем, даже, если хотите, и оправдывающем великодержавную (и имперскую) парадигму России, ибо в моем понимании карма есть не что иное, как предопределение,

неизбежность, неотвратимость, равным образом и ноша, бремя, миссия, ну и попросту судьба.

«Карма — что-то вроде генератора потаенной экзистенциальной энергии, источника субъектной силы, но и, что особенно важно для нас, гуманитариев, обоснователь смыслов существования, образа бытия, исторической функции, всего того экзистенциального (при этом телеологического и эсхатологического), от чего подпадающему под ту или иную карму субъекту не уйти, а ежели и уйти, то лишь исчезнув в качестве недостойного выпадающей на него кармы субъекта.

Карма — дар, долг, долженствование, приговор, печать!

И сегодня говорить о карме России в ее — кармы — великодержавно-имперской интерпретации, как и о великодержавии и имперскости России в их — великодержавия и имперскости — кармической обусловленности, самое, что называется оно: на кону ведь не само по себе великодержавие (и имперскость) России, а и сама Россия, аккуратно попадающая ныне под сень сакрального, вопроса: “Быть или не быть?!”, — и это в который уже в российской и мировой истории раз!

И дело тут не только в разгоревшейся ныне конфронтации России с Западом и его центральноевропейскими сателлитами, включая и перекинувшуюся в англосаксонский лагерь неонацистскую Украину (в лице ожившей в ней Укрони), что, безусловно, вытаскивает на свет из пореформенного забвения великодержавную карту России, но и в разворачивающейся перегруппировке, перетряске, переделке планетарного мира, как и в наступающем конце того же моноцентричного англосаксонского глобализма и подступающего, о чем мы тоже давно уже говорили, полицентрового и партикуляризованного обустройства планетарного мира, что происходит, прямо скажем, не без стимулирующего великодержавного влияния России, а главное, должно и будет происходить под влиянием (и не только третейским), но и при непосредственном участии России.

Карма — она и есть карма!

Однако дело тут куда как сложнее, ибо помимо внешнего великодержавно-имперского контура России есть еще и внутренний великодержавно-имперский контур, на данный момент, как мне

представляется, куда более важный, чем внешний, ибо помимо того, что страна должна изнутри соответствовать большим внешнеконтурным задачам, выпадающим все более на ее долю, она должна еще и соответствовать, вовсе и не понарошку, самой себе, как раз вполне и кармически, чего пока о России в образе современной Российской Федерации не скажешь: нужны большие перемены вполне себе и великодержавно-имперские, те самые перемены — мобилизационно-соборно-этато-дирижистского толка, которые как раз только и смогут вывести Россию на самобытно-самодостаточно-суверенный путь».

В докладе «Глобальная борьба и диалог цивилизаций» д.х.н., профессор **Л.А. Асланов** (химический факультет МГУ) заметил, что ископаемые ресурсы земли исчерпаемы. Борьба за ресурсы неизбежно сопровождает процесс глобализации. Только самые сильные цивилизации имеют перспективу быть успешными в разрастающейся борьбе, и из них в первую очередь надо выделить североморскую, русскую и китайскую цивилизации, оказывающие влияние на процесс глобализации.

Североморская цивилизация во главе с англосаксами в соответствии со своими ментальными традициями стремится заполучить все ресурсы планеты, оставшись единственным обитателем Земли. Североморская цивилизация в своей основе индивидуалистическая, что заставляет каждого индивида выживать с полным напряжением сил. Это порождает большую креативность североморской цивилизации, но все недостатки людей являются продолжением их достоинств.

Русская цивилизация, возникшая под ударами кочевников Центральной Азии только благодаря приобретенному умению себя защищать, давно превратилась в военный союз народов для совместной защиты от внешних врагов.

Китайская цивилизация сочетает хозяйственный расчет, торговую сметку с многовековой практикой защиты от кочевников Центральной Азии силами профессиональной армии. В китайской цивилизации нет того всенародного армейского общественного устройства, которое есть в русской цивилизации, но есть доминанта, выражаемая конфуцианством, приоритета государственных интересов над личными интересами.

На процесс глобализации будет оказывать влияние и индийская цивилизация, но ее особенностью является своеобразная интровертность, которая не мешает ее самозащите, но ставит ее в положение утеса в бушующем море, а не сокрушающих волн.

В отличие от североморской цивилизации, склонной к борьбе с другими цивилизациями, русская, китайская и индийская цивилизации, познавшие тяготы защиты от врагов, предпочитают диалог цивилизаций, подчеркнул профессор Асланов.

В своем выступлении, посвященном обоснованию социоэкономической роли России в глобальном мире, д.э.н., профессор **А.В. Кузнецов** (Финансовый университет при Правительстве РФ) отметил, что для раскрытия понятия кармы России более всего подходит слово «судьба», поскольку слово «бремя» ассоциируется с кипплинговской колониальной миссией белой расы как с чем-то тягостным, обременительным, отчего нужно поскорее избавиться. Ограниченная ресурсами, постоянно подвергавшаяся захватам со стороны европейских континентальных империй, островная территория Британских островов сформировала у ее имперской элиты особый тип мировоззрения — фобию нехватки и отбора жизненного пространства и, как следствие, неприятие всего остального человечества. Впоследствии эти фобии результативались в массовом создании искусственных виртуальных ценностей — коммерциализации, индустриализации, урбанизации, цифровизации. Манипулируя сознанием глобального социума, сегодня англосаксы все шире подменяют жизненно важные ценности (природные и человеческие) искусственными. Напротив, Россия всегда находилась вне расового дискурса. Многонациональная структура коренного (а не эмигрантского, как в США) населения России, огромная территория, несметные природные и сырьевые богатства способствовали созданию иного типа человека, уникальные качества которого в полной мере смогли проявиться во время существования советского строя, неосознанное разрушение которого привело к глобальной катастрофе. Современная социоэкономическая роль России заключается в переносе своих уникальных человеческих характеристик на весь остальной мир для избавления человечества от воспроизводства искусственных техногенных «ценностей» «англобализации» путем по-

строения в глобальном масштабе человекоцентричного общества, заключил докладчик.

Д.ф.н., профессор **Ф.И. Гиренок** (философский факультет МГУ) в своем выступлении сказал, что специальная военная операция — это зеркало в распознавании русского сущего. На его взгляд, зеркало отражает то, что существует, и не отражает то, что не существует. «В этом зеркале отражаются военные обзоры Ю. Подoliaки и не отражаются обзоры генерала Коношенко. В нем мы видим штурмовые отряды “Вагнера” и не видим работу нашей авиации...» В стране возникает новая социальная структура, политическое и идеологическое влияние которой на власть будет расти тем больше, чем дольше будет продолжаться СВО, полагает профессор Гиренок.

Тема «Проблема державности России: иллюзии и реальность» предполагает многоаспектность анализа, заметил д.э.н., профессор **С.Г. Ковалев** (Санкт-Петербургский государственный экономический университет). В своем выступлении он выделил следующее.

1. Слово «держава» означает крупную страну, обладающую могуществом удерживать свои владения. Россия волею судьбы держава.
2. Реальных держав во все эпохи было мало. Держава — это не просто крупная страна, а страна с историческим мироощущением...
3. Говоря о державности РФ, надо не забывать, что это усилия многих поколений людей, ее населяющих. Это важно не только в плане исторической памяти и преемственности, но и в плане осознания концептуального смысла РФ как интегрированного целого, ее державной синтетической истории.
4. Роль РФ в мире нельзя определять только по ее экономическим результатам в краткосрочном и даже среднесрочном периоде времени, а следует принимать во внимание весь потенциал, в том числе духовный.
5. Учитывая геополитические и геоэкономические реалии, от выбора концептуального пути развития общества и хозяйства РФ не уйти. Теоретически еще возможны два концептуальных варианта и их внутренние модификации: путь капиталистической смешанной экономики в направлении ее большей солидаризации, деколонизации; путь отката в новый социализм, ориентированный не на его экспорт в другие страны, а на благосостояние собственного населения, подчеркнул профессор Ковалев.

Комментируя выступление профессора Кузнецова, к.т.н. **О.В. Доброчеев** (НИЦ «Курчатовский институт», г. Москва), заметил, что для понимания места и предназначения (кармы) России в современном мире важно осветить без изъяснов роль США в его создании.

Дело в том, что американцы, создав технологии аккумуляции мировых ресурсов, последние 30 лет настойчиво формировали на планете однородную телекоммуникационную, финансовую и политическую инфраструктуру, используя и достижения российской науки с помощью своеобразного пылесоса — Scopus'a. Не понимая, однако, природы общества, творцы глобализации создали таким образом фундамент для ячеистого политического мира будущего. Об этом, помимо российских теоретических изысканий, начиная с идеи многополюсного мира 1996 г. академика Примакова, говорит и опыт СССР, затратившего огромные усилия на выравнивание социального и экономического уровня своих географических окраин. В результате Союз распался. Такое же будущее ожидает и глобальный мир по-американски. Но процесс ячеистой диверсификации мирового хозяйства, дошедший за 27 лет после Примакова до признания лишь трех его базовых ячеек — США, России и Китая, — потребует еще многих десятилетий. Роль и историческое предназначение сформулировавшей этот проект России, состоят в активном продвижении его в мир не только военно-политическими, но и, прежде всего, силами отечественного разума, подчеркнул О.В. Доброчеев.

«Современный человеческий мир, — заявил д.ф.н., профессор **Н.Б. Шулевский** (философский факультет МГУ), — своим самоходом пришел в состояние Zugzwang, когда любое действие, как и бездействие, в равной мере ухудшает его бытие, переводя его в режим катастрофы. И довершает эту беду горькая неспособность человеческого мира, исходя из созданных им когнитивных инструментов, осознать, познать, понять свою неразрешимую проблемность, ибо все его методы, концепции, идеологии в силу своей “цугцванговой” болезни сегодня не работают. Поэтому человеческий дух обращается в скорую когнитивную помощь мудрости, взывая к самым древним ее принципам, идеям и концептам. Карма — один из таких принципов. Карма стала миротворной аксиомой

социума, принципом мифологии и религии, догматом конспирологии, императивом морали, органом медитации, родом правосудия, который вершат бумеранги.

В целом, карма есть идея справедливости, выражающая волю Божью. Эту волю знают жрецы и святые. Но боги не оставили слабых людей без ориентира в делах справедливости. Древние полагали, что понимать волю богов в качестве справедливости могут все люди, в которых это умение представлено здравым смыслом (рассудком). Здравый смысл в понимании справедливости выше даже разума, который бывает тщеславным, абстрактным, антигуманным, а здравый смысл в своем археознании справедливости неколебим как гранит. И здравый смысл простых людей понимает справедливость адекватнее, чем ученые и юристы».

При изучении детерминирующих факторов масштабных социальных изменений, заметил к.м.н. **Е.В. Шелкопляс** (Институт развития человека, г. Иваново), в рамках культурно-исторического анализа теория оптимума развития считает возможным выделять три уровня циклов социального бытия — макроциклы (периоды сохранения культурно-цивилизационных особенностей составляют сотни лет), мезоциклы (в пределах одного столетия) и микроциклы (20—30 лет — время социальной активности одного поколения этноса или государства).

В истории России, обретшей статус великой державы, выявляются культурно-исторические макроциклы, связанные с именами харизматических реформаторов: князя Владимира-крестителя, давшего народу идею единого Бога и православия; Александра Невского, утвердившего для России приоритет духовных ценностей православия, соборных принципов русской культуры в отношении материальных интересов союза с Западом; Ивана Грозного, признавшего интересы большого и единого государства во главе с царем более важными в сравнении с интересами старой, эгоистической аристократии, объявив Москву духовным центром — Третьим Римом; Петра Первого, давшего России статус империи и обогатившего русскую культурно-цивилизационную модель рядом позитивных качеств европейской культуры; Иосифа Сталина, создавшего первое в истории государство социальной справедливости и равенства, где власть не имела прав крупной частной собственности, а в 60-е гг.

XX в. была достигнута самая высокая в истории человечества нравственность основной части населения, что нашло свое отражение в массовом искусстве.

Общими кармическими закономерностями в развитии России как великой державы являются постоянное возрастание масштабов русского мира в результате деятельности реформаторов и повышение роли принципов социальности, солидарности, справедливости. Эти системообразующие факторы реализации макроисторических аспектов кармы России позволяют прогнозировать: а) скорое появление в России нового крупного реформатора при развертывании глобального цивилизационного кризиса, б) выработку Россией новой модели социальной организации — «общества гармоничного развития» и в) обретение Россией статуса образца социальной организации и статуса мирового лидера в среднесрочной перспективе, сделал вывод Е.В. Шелкопляс.

В докладе «Автаркия русской идеи: дихотомия собственного и взятого извне» к.и.н., доцент **С.Б. Павлов** (Московский государственный строительный университет) заметил, что подражательство — традиционная практика Российского государства с XVII в. Она развивалась от копирования элементов материальной культуры к воспроизводству идей. Собственные идеи и практики переплелись с подражательными в сложные и неоднозначные композиции. Россия как открытая культура всегда обладала способностью усваивать чужое для созидания своего, но не в ситуации, когда чужое становилось предметом навязывания сверху. Трагические эпизоды российской истории и настоящего времени, неудачи и поражения связаны с подражательством непосредственно. Во времена подъемов и побед Россия всегда следовала собственной идее. За противопоставлением собственного и навязанного извне, подчеркнул докладчик, стоит принципиальный вопрос — является ли Россия самостоятельным субъектом (феноменом) или она частный случай посторонней сущности?

Россия, радикально ревизующая сегодня свои взаимоотношения с Западом практически во всех сферах общественной жизни, не может обойти стороной и сферу образования, сказал д.полит.н., профессор **С.В. Бирюков** (Сибирский институт управления РАНХиГС, г. Новосибирск). Действительно, изменение геополити-

ческих ориентиров побуждает ответственных лиц говорить о «национальной модели образования», контуры которой пока остаются неясными. Вместе с тем, наряду с декларацией о принципиальном отказе от Болонской системы, официально было также заявлено, что Россия не будет возвращаться к советской методике обучения.

Возможно, заметил докладчик, качественной альтернативной затянувшейся «переходности» могло бы стать возвращение к некоторому условному аналогу прусской системы образования, с адаптацией к новым условиям и с подчинением его сформулированным государством в принципиально новой ситуации приоритетам. (Известно, что советская система образования (равно как и система образования в Российской империи), была скопирована с прусской системы образования, введенной в XIX в.)

Очевидно, что без ревизии прежних подходов к формированию государственной образовательной политики не удастся завершить затянувшееся переходное и сопровождающееся целым рядом кризисов состояние российской образовательной системы, а равно не получится адаптировать ее к новым условиям и вызовам. Выбор — за политическим руководством и политическим классом России. Время для «вялотекущей инерции» или необоснованных с точки зрения новой ситуации и вытекающих из нее новых «управленческих экспериментов» очевидно прошло.

Выступая с докладом «Взгляд на будущее России с позиций великого прошлого и судьбоносного настоящего», к.э.н. **Н.П. Недзвецкая** (экономический факультет МГУ) подчеркнула роль отечественных ученых в научно-технических достижениях советского периода и высказала озабоченность по сохранению значимых позиций РФ в данной области в нынешней обстановке жестких санкций и эмиграции большого числа IT-специалистов. Согласно мнению Н.П. Недзвецкой, тема дальнейшей цифровизации является ключевой в общей стратегии безопасности нашей страны и требует дальнейшей последовательной разработки, в том числе и совершенствования российской образовательной сферы. Выступающая обратила внимание на значение международных сопоставлений для оценки места российской экономики в мировом хозяйстве на современном этапе.

В своем выступлении «Развитийное самостояние России и его роль в мировом хозяйстве» к.э.н., профессор **В.В. Кашицын** (г. Новороссийск) отметил, что в эволюции мирового хозяйства заметны концептуально проявления лишь двух развитийных культурных социохозяйственных кодов. Это условно «западный», где развитие реализуется за счет «выпотрашивания» собственных и остальных народов, и это «российский», реализующийся за счет собственно развитийного самостояния, которое в принципе и определяет великодержавную карму России. Этот уникальный социохозяйственный код страны-нации России исходит из ярко выраженного самодостаточного общенародно-коллективного начала, которое формирует и пропитывает ее ценностную историко-хозяйственную и мотивационно-логическую матрицу. Поэтому адекватность и перспективность любой трансформации страны, в том числе и современной, определяются соотношением ее с этой ценностной матрицей. Уверен, подытожил докладчик, что именно с этих методологических позиций мы должны оценивать все современные события. Тем более, что в яви у нас уникальный исторический шанс, когда на «Западе» заимствовать, как мы привыкли, уже фактически нечего, да уже и некогда. Ибо он устойчиво пребывает в эпохальном экзистенциальном кризисе-катастрофе.

У проблемы, заданной семинаром, есть три среза, заметил д.э.н., профессор **И.Г. Шевченко** (РАНХиГС при Президенте РФ). На поверхности явлений — процесс становления современной России в качестве мировой державы в процессе противоборства с США. Главное при этом — укрепляя империальную сущность, не впасть в иллюзию превращения мировой державы во всемирную, история хорошо знает, чем заканчивались такие попытки.

Второй срез — становление России в качестве государства-цивилизации и укрепление ее связей с государствами-цивилизациями мира: Ираном, Китаем и Индией. Создание общественных институтов цивилизационного развития.

Третий срез — на метафизическом уровне Россия возглавляет борьбу с уже открыто проявляющим себя сатанизмом и может стать консолидирующим началом многополярного мира в борьбе за человека и человечество, выйти за узкие, исторически ограниченные рамки империи участием в создании новой институциональной формы объединенного традиционными ценностями человечества.

«Не будет преувеличением сказать, — отметил в заключительном слове **Ю.М. Осипов**, — что разговор наш не просто состоялся, а состоялся как один из наиболее удачных в содержательном и эмоциональном отношении. Тема, выбранная нами для дискуссии, оказалась не просто удачной, а, скажу так, наряженно-искряще удачной, мы с ней попали, что называется, в яблочко. И виной всему этому в данном случае не просто Россия, не просто великодержавие, даже и не просто война, а, сами понимаете... карма, что означает, что ни от чего в развернувшейся реальности не уйдешь: ни от России как России, ни от ее великодержавия, ни от конфронтации с Западом, ни от войны на Украине, ни от мобилизации, уже и военкоматской, ни от перемен внутри страны.

Что я хочу подчеркнуть: дело тут не в чьей-либо точке зрения, включая и нашу, как и любого из участников дискуссии, а в точке зрения самой реальности, что можно приоткрыть, осознать и обосновать как раз поворотом необыкновенного ключа, можно сказать, что и золотого — кармического, что мы и сделали, проведя замечательный во всех отношениях ученый семинар.

Всем участникам дискуссии — искренняя признательность и наилучшие пожелания в познании непознаваемого, лучше сказать, в приближении к истине, что для нас тоже карма — неодолимая, притягательная и приходящая в конце концов навыручку».

* * *

21 марта 2023 г. в МГУ имени М.В. Ломоносова состоялся теоретический семинар «Дискуссионные проблемы современной обществоведческой и экономической мысли» на тему: «“Новые люди”, или Кто там?» (в смешанном формате). Выступили 24 докладчика: доктора наук Ю.М. Осипов, С.В. Бирюков (Новосибирск), И.Р. Бугаян (Ростов н/Д), Ф.И. Гиренок, Н.Д. Елецкий (Ростов н/Д), К.В. Молчанов, Г.Р. Наумова, Р.М. Нижегородцев, П.А. Покрытан, И.В. Пшеницын, Г.С. Широкалова (Н. Новгород), Н.Б. Шулевский; кандидаты наук О.В. Доброчеев, Е.С. Зотова, В.В. Кашицын (Новороссийск), Н.П. Недзвецкая, Е.А. Починкова (Новороссийск), Е.Х. Хабибуллина, В.В. Чапля (Краснодар); научный сотрудник Т.С. Сухина, инженер И.Г. Морозов, аспирант А.А. Медникова.

Анонсы — 2023

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

из цикла

«Средняя Россия: земля и люди»

на тему:

«Переменная социохозяйственная реальность: вызовы, деяния, итоги»

Нынешняя социо-хозяйственная реальность вроде вязкого вихревого потока: от вызова к вызову, от деяния к деянию, от итога к итогу, однако и от надежды к надежде, от промаха к промаху, от выхода к выходу. Все вроде бы как обычно, но как-то и очень по-иному: внезапные перемены, порождаемые неугомонным и трескучим, а вовсе не покойным и тишайшим временем, не минуют никого и ничего, а потому и шум вокруг, и сполохи, и теснины, и отчаяние, и подвиги. Если все не так, то тогда как — не в безмятежной же ползучей спячке?

Июнь 2023 г.

ОРЛЕНКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ — 2023

Всероссийский научный симпозиум

«Поступь Иного — хождение по мукам от неотступных бытийных перемен»

Иное (с большой буквы) — физически не осязаемая метафизическая, магнетического свойства сила, вызывающая в текущей земно-человеческой экзистенции тягу к переменам, либо человеком заблаговременно проективно осознаваемым и деловито вовремя реализуемым, пусть и без стопроцентного попадания в цель в силу исходно высокой неопределенности вызревающих в глубинах бытия перемен, либо перемены сами сходу настигают человека, аки гром среди ясного неба, вызывая в сознании и бытии человека если не панику, то небезотчаянное

фуркационное напряжение с неоднозначным на громыхнувшие перемены реакциями и от них последствиями, нередко и роковыми.

Время внезапных перемен — время хождения по экзистенциальным мукам!

Что же сегодня, куда летит подгоняемая неукротимым Иным, над которым у человека власти нет, земно-человеческая, а может, уже и немало иная, то бишь не совсем зёмная и не совсем человеческая, сполошно и вихрево переменная реальность?

Сентябрь 2023 г.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«Россия в борьбе за Россию: государственность и социум, хозяйство и культура, война и мир»

Нынешняя Россия, она же в реалии Российская Федерация, в борьбе, причем вовсе не только и не столько в той войнсковой войне, разыгравшейся на Украине, сколько, во-первых, в давно уже ведущейся с переменными успехами и неудачами нескончаемой экзистенциальной войне Запада с Россией (Российской империей, СССР, Российской Федерацией), во-вторых, в точно так же издавна ведущейся и тоже в общем-то экзистенциальной войне, но уже с внутренним противником, не менее, если не более антироссийским, чем внешний противник, а в общем — Россия в постоянной борьбе с анти-Россией, как внешней, так и внутренней, что как раз и оказалось сегодня нескрываяемо очевидным. Важно принять во внимание, что пореформенная — глобализованная и вестернизированная — Российская Федерация лишь частью своей — глубинной, корневой, давненько уже отринутой в навь — собственно Россия, а так... э-э... некий вычурный, нелепый и неперспективный гибрид псевдо-Запада с псевдо-Россией, обремененный, как всякий оксюморон, сонмом непримиримых противоречий, лишь ждущих, набираясь сил, момента своего разрешения, может, и грозowego, как раз через борьбу и в борьбе России за Россию.

Отсюда эпохальное заключение: чтобы отстоять себя в этой судьбоносной борьбе и в итоге победить, внешней России в образе Российской Федерации необходимо для начала... победить саму себя (!), радикально изменившись в сторону самой же себя и представ в

итоге иной Россией, воистину самой себе онтологически и на перспективу соответствующей — Россией соборной!

Сбудется ли это или что-то подобное — время покажет, а любой идеал вовсе не для того, чтобы его, сломя голову, любой ценой добиваться, хотя стремиться к нему с холодным умом и горячим сердцем все-таки непременно надо, однако памятуя при этом, что бытие-история способно выдать на гора и что-то совершенно бесподобное, что, кстати, оно по обыкновению и делает.

Россия вперед, но вперед к России!

**Декабрь 2023 г.
(Экономический факультет МГУ)**

Наши авторы

ОСИПОВ ЮРИЙ МИХАЙЛОВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, заведующий лабораторией философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*osipov.msu@mail.ru*).

КУЗНЕЦОВ АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ,

доктор экономических наук, старший научный сотрудник, профессор, департамент мировых финансов, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия (*kuznetsov0572@mail.ru*).

СМИРНОВ ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ,

кандидат исторических наук, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*post123_2000@mail.ru*).

КОВАЛЕВ СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра общей экономической теории и истории экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Россия (*nkovaleva379@gmail.com*).

АСЛАНОВ ЛЕОНИД АЛЕКСАНДРОВИЧ,

доктор химических наук, профессор, химический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*aslanov.38@mail.ru*).

НЕДЗВЕЦКАЯ НАТАЛИЯ ПАВЛОВНА,

кандидат экономических наук, лаборатория философии хозяйства, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

БИРЮКОВ ВИТАЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ,

доктор экономических наук, профессор, кафедра экономики и управления персоналом, Омская гуманитарная академия, Омск, Россия (*sciencebvv@gmail.com*).

ПАВЛОВ РУСЛАН НИКОЛАЕВИЧ,

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН, Москва, Россия (*pravlovru@mail.ru*).

ФИЛАТОВ ИЛЬЯ ВЛАДИМИРОВИЧ,

кандидат экономических наук, доцент, кафедра политической экономики, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*methodology@yandex.ru*).

ВАСИЛЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ,

независимый исследователь, системотехник, Санкт-Петербург, Россия
(phil2007@list.ru).

ШУЛЕВСКИЙ НИКОЛАЙ БОРИСОВИЧ,

доктор философских наук, профессор, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (shylevsk@mail.ru).

КОЗЛАЧКОВ АНАТОЛИЙ АНАТОЛЬЕВИЧ,

адвокат, вице-президент по правовым вопросам, Московская областная коллегия адвокатов; Ассоциация банков России, Москва, Россия
(toolmail1963@gmail.com).

МЕДНИКОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА,

аспирант, младший научный сотрудник, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (adjika.anna@gmail.com).

АНДРЕЕВ АНДРЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ,

доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН; профессор, кафедра философии, политологии и социологии, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия
(sympathy_06@mail.ru).

АНДРЕЕВ ИВАН АНДРЕЕВИЧ,

ассистент, кафедра философии, политологии и социологии, Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия (v-andreev_07@mail.ru).

КУЗНЕЦОВА ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА,

доктор философских наук, профессор, кафедра эстетики, философский факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
(89163805403@mail.ru).

ШИРОКАЛОВА ГАЛИНА СЕРГЕЕВНА,

доктор социологических наук, профессор, старший научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Нижний Новгород, Россия
(shirokalova@list.ru).

КУКОНКОВ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ,

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Приволжский филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, Нижний Новгород, Россия
(kukonkov_pavel@rambler.ru).

ЗАВАЛЕЕВ ИЛЬЯ СЕРГЕЕВИЧ,

генеральный директор, Центр исследований и экологического инжиниринга «HPBS», Москва, Россия (*zavaleev@hpb-s.com*).

ЗАВАЛЕЕВА АННА ИГОРЕВНА,

президент, Центр исследований и экологического инжиниринга «HPBS», Москва, Россия (*anna.zavaleeva@hpb-s.com*).

ЛЫКОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ,

инженер, High Performance Building Lab, Ванкувер, Канада (*andrey.lykov@icloud.com*).

ЗОТОВА ЕЛЕНА СЕРАФИМОВНА,

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, экономический факультет, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия (*eszotova@mail.ru*).

Our Authors

OSIPOV YURI MIKHAILOVICH,

Doctor of Economics, Professor, Head of Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*osipov.msu@mail.ru*).

KUZNETSOV ALEKSEI VLADIMIROVICH,

Doctor of Economics, Professor, Senior Researcher, Department of World Finance, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (*kuznetsov0572@mail.ru*).

SMIRNOV IGOR' PAVLOVICH,

Candidate of Historical Sciences, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*post123_2000@mail.ru*).

KOVALEV SERGEY GEORGIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russia (*nkovaleva379@gmail.com*).

ASLANOV LEONID ALEKSANDROVICH,

Doctor of Chemical Sciences, Professor, Faculty of Chemistry, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*aslanov.38@mail.ru*).

NEDZVETSKAYA NATALIYA PAVLOVNA,

Candidate of Economics, Laboratory of Philosophy of Economy, Faculty of Economy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*n.nedzvetskaya@gmail.com*).

BIRYUKOV VITALY VASILIEVICH,

Doctor of Economics, Professor, Professor of the Department of Economy and Personnel Management, Omsk Humanitarian Academy, Omsk, Russia (*sciencebv@gmail.com*).

PAVLOV RUSLAN NIKOLAEVICH,

Candidate of Economics, Senior Researcher, Central Economics and Mathematics Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia (*pavlovru@mail.ru*).

FILATOV ILYA VLADIMIROVICH,

Candidate of Economics, Associate Professor, Department of Political Economy, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*methodology@yandex.ru*).

- VASILIEV ALEXANDER IVANOVICH,**
Independent Researcher, St. Petersburg, Russia (*phil2007@list.ru*).
- SHULEVSKI NIKOLAY BORISOVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Faculty of Philosophy,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*shylevsk@mail.ru*).
- KOZLACHKOV ANATOLIY ANATOLIEVICH,**
Lawyer, Moscow Regional Lawyer Association, Moscow, Russia
(*toolmail1963@gmail.com*).
- MEDNIKOVA ANNA ALRKSANDROVNA,**
Graduate Student, Junior Researcher, Faculty of Philosophy, Lomonosov
Moscow State University, Moscow, Russia (*adjika.anna@gmail.com*).
- ANDREEV ANDREY LEONIDOVICH,**
Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Federal Research Soci-
ological Center of the Russian Academy of Sciences; Professor, Department
of Philosophy, Political Science and Sociology, National Research Universi-
ty «MEI», Moscow, Russia (*sympathy_06@mail.ru*).
- ANDREEV IVAN ANDREEVICH,**
Assistant, Department of Philosophy, Political Science and Sociology, Na-
tional Research University «MEI», Moscow, Russia
(*v-andreev_07@mail.ru*).
- KUZNETSOVA TATIANA VIKTOROVNA,**
Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Aesthetics, Fac-
ulty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
(*89163805403@mail.ru*).
- SHIROKALOVA GALINA SERGEEVNA,**
Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Researcher, Volga
Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy
of Sciences, N. Novgorod, Russia (*shirokalova@list.ru*).
- KUKONKOV PAVEL IVANOVICH,**
Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher, Volga Branch of the
Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences,
N. Novgorod, Russia (*kukonkov_pavel@rambler.ru*).
- ZAVALEEV ILYA SERGEEVICH,**
General Director, «HPBS» Center for Research and Environmental Engi-
neering, Moscow, Russia (*zavaleev@hpb-s.com*).

ZAVALEEVA ANNA IGOREVNA,

President, «HPBS» Center for Research and Environmental Engineering,
Moscow, Russia (*anna.zavaleeva@hpb-s.com*).

LYKOV ANDREY IVANOVICH,

Engineer, High Performance Building Lab, Vancouver, Canada (*andrey.lykov@icloud.com*).

ZOTOVA ELENA SERAPHIMOVNA,

Candidate of Economics, Leading Researcher, Faculty of Economics, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia (*eszotova@mail.ru*).

Требования к оформлению статей

Редакция принимает к рассмотрению статьи объемом до 35000 знаков (с пробелами), включая метаданные и библиографию.

Для каждой статьи обязательно наличие на русском и английском языках: сведений об авторе (прилагаются в отдельном файле); названия статьи; аннотации; ключевых слов; списка литературы.

Аннотация к статье должна быть информативной, в ней должны отражаться цель работы и ее основные результаты исследования, область их применения, выводы. Недопустимо несоответствие между русскоязычной и англоязычной аннотациями. Англоязычная аннотация должна быть написана грамотно (100—150 слов).

Сведения об авторе (в текстовом оформлении) на русском и английском языках должны включать: полные фамилию, имя и отчество; ученую степень, звание; занимаемую должность; основное место работы (учебы), без сокращений; адрес электронной почты, контактный телефон.

Каждая статья должна сопровождаться индексом **УДК, ББК** (после аннотаций и ключевых слов).

Требования к электронной версии: текст статьи в формате MS Word (.doc или .docx) стандартным шрифтом Times New Roman (14 пт.) с межстрочным интервалом — 1,5, отступ «первой строки» — 1 см.

Не допускаются в тексте статьи выделения, кроме курсива.

Автор и название статьи пишутся обычным шрифтом строчными буквами, не допускается использование других стилей, располагаются по центру, сначала на русском, затем на английском языках.

Список цитируемой литературы указывается в конце статьи. Оформляется в соответствии с ГОСТ 7.0.5–2008. Ссылки на литературу — внутритекстовые. В квадратных скобках после цитаты указывается номер источника в списке литературы и после запятой — номер страницы (например, [1, 3]). Несколько источников указываются через точку с запятой [1, 15; 8].

В список литературы включаются только публикации, которые упоминаются в тексте статьи. В списке литературы помещаются сначала публикации на русском языке (в алфавитном порядке), затем публикации на языках, основанных на латинском алфавите (также в алфавитном порядке).

Дополнительно под заголовком **References** должен прилагаться список русскоязычных источников в латинском алфавите: либо в переводе на английский язык, либо в виде транслитерации.

Математические символы и формулы должны быть набраны в редакторе формул, прилагаемом к MSWord. Слева в скобках — нумерация формул. Графики строятся с использованием Excel (файл обязательно должен содержать исходные численные данные).

Таблицы выполняются табличными ячейками Word.

Рисунки и схемы группируются внутри единого объекта, допуская возможность редактирования, перемещений в тексте и изменений размеров. Название — под рисунком. Подписи не должны быть частью рисунков или таблиц. Размер шрифта внутри рисунков — 10. **Размер таблиц и рисунков** не должен превышать 11 см по ширине и 14 см по высоте. **Цвет рисунков — черно-белый.** Не использовать в статье сканированные, экспортированные или взятые из Интернета графические материалы и не вставлять их в документы Word. Количество графического материала должно быть не более 5 рисунков.

Количество таблиц и рисунков в статье должно быть не более 8 в совокупности.

Плата за публикацию не взимается, главное — качество материала и его соответствие профилю журнала. Подписка на журнал (6 номеров в год; один номер объемом 19 п. л.) осуществляется в редакции. Оформить подписку можно в отделениях связи, почтовый индекс в каталоге «Пресса России» — 83115. Библиотечный индекс — 741. Все вышедшие с 1999 г. номера журнала можно приобрести в розницу.

Наш адрес: 119991, Москва, Ленинские горы, МГУ, 3 учебный корпус, экономический факультет, к. 331, тел. (495)939-4183.

Порядок рецензирования статей, поступающих в журнал «Философия хозяйства»

1. Все присланные для публикации материалы рассматриваются редколлегией на предмет соответствия их научного уровня тематике журнала. При несоответствии присланного материала профилю журнала и требованиям к оформлению статей присланный материал не рецензируется и не публикуется.

2. Все рукописи, поступающие в журнал, направляются по профилю научного исследования на рецензию членам научно-редакционного совета (НРС), при необходимости членам научно-экспертного совета журнала (НЭС) или приглашенным рецензентам, имеющим соответствующую компетенцию.

3. Рецензенты уведомляются о том, что присланные им рукописи являются частной собственностью авторов и относятся к сведениям, не подлежащим разглашению. Рецензентам не разрешается делать копии статей для своих нужд.

4. В случае отказа в публикации автору рецензируемой работы может быть предоставлена возможность ознакомиться с текстом рецензии без упоминания имени рецензента.

5. Если в рецензии на статью содержатся рекомендации по ее доработке, то рецензия может быть направлена автору для продолжения работы над статьей.

6. Решение о целесообразности публикации после рецензирования принимается НРС.

7. Материалы, относящиеся к деятельности редакции и НРС, сохраняются.

8. Ответственность за использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, несут авторы в соответствии с законодательством РФ.

Редакционная этика журнала

Редакция принимает к публикации достаточные по научному качеству и соответствующие основному направлению издания авторские материалы, не содержащие не обозначенные специально (кавычками, сносками) заимствования из опубликованных ранее работ, включая и собственные авторские.

Текст материала должен быть не только самостоятельно выполненным его автором, но и ранее не публиковавшимся.

Подаваемый в журнал материал не должен быть одновременно предлагаем другим изданиям.

Автор подаваемого материала гарантирует ненарушение авторских прав иных лиц и организаций.

Редакция подвергает любой предлагаемый для публикации текст проверке на плагиат. В случае обнаружения не обозначенных соответствующим образом заимствований, включая собственные авторские, редакция либо отклоняет полученный материал, либо предлагает автору внести в текст необходимые коррективы.

Редакция строго соблюдает научно-творческую направленность журнала и воздерживается от публикации априорно идеологизированных и политизированных материалов.

Редакция не допускает публикации любых «фобских» материалов, как и наличия грубых выпадов в адрес официальных органов и лиц, других авторов, независимо от государственной и гражданской принадлежности.

Редакция гарантирует конфиденциальную сохранность подаваемого материала и невозможность пользования им до его опубликования никакими лицами, включая сотрудничающих с редакцией.